

Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»

СООБЩЕНИЯ
МУРОМСКОГО МУЗЕЯ
2015
(Материалы отчетной конференции)

Владимир
2016

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
С63

Под редакцией Ю. М. Смирнова

С63 Сообщения Муромского музея — 2015: Материалы отчетной конференции МИХМ / Под ред. Ю. М. Смирнова. — Владимир, 2016. — 328 с.: 105 ил., 1 табл. — Библиограф.: 511 назв.

ISBN 978-5-905895-02-9

В сборнике представлены материалы отчетной конференции Муромского историко-художественного музея, в которых освещаются различные аспекты истории Мурома и деятельности МИХМ. Сборник рассчитан на круг читателей, интересующихся локальной историей.

УДК 9 (С Мур)
ББК 63.3 (2 Мур)
ISBN 978-5-905895-02-9

© Муромский историко-художественный музей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Горская</i> Создание музея в Муроме. 1917-1920 гг.....	5
<i>А. А. Сиротинская</i> Двадцать лет спустя или воспоминания о создании Художественной галереи в Муроме	24
<i>Т. Б. Купряшина</i> Некий «бывший» Меликов.....	33
<i>О. А. Сухова</i> Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти из собрания Муромского музея.....	46
<i>Е. А. Васильченко</i> Книги с дарственными надписями в собрании Муромского музея.....	62
<i>О. А. Сухова</i> Еще раз о составе клейм муромской иконы Бориса и Глеба .	69
<i>А. С. Мохова</i> Нетривиальная история о «белочке на клинке» (к атрибуции парадной сабли офицера вермахта)	92
<i>Л. И. Глущенко</i> Первые шаги в историю (обобщение опыта музейной работы с дошкольниками)	100
<i>Ю. М. Смирнов</i> Из истории региональных исследований в Муромском историко-художественном музее (1990-е — начало 2000-х гг.)	119

<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Краткие итоги археологических исследований на территории Муромского историко-художественного музея и близлежащих зонах в 2013-2014 гг.	131
<i>Ю. М. Смирнов</i> Муром и м урома	146
<i>Ю. М. Смирнов</i> В поисках древнего Мурома.....	163
<i>Ю. М. Смирнов</i> Муром в географическом пространстве	180
<i>Ю. М. Смирнов</i> Муром торговый (VIII-XI вв.)	194
<i>В. Е. Ершов</i> Характеристика и территория Замотренского стана Муромского уезда по состоянию на первую треть XVII века.....	219
<i>Т. Б. Купряшина</i> Муром, утопающий в садах. Начало XX века	234
<i>Л. И. Глуценко</i> Производство игрушек в Муроме и районе в предвоенные и военные годы	270
<i>О. А. Сухова</i> Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)	279
<i>Е. А. Субботина</i> Первая семья В. К. Зворыкина	318

СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ В МУРОМЕ. 1917-1920 гг.

Историография Муромского музея, возраст которого приближается к столетию, насчитывает мало публикаций. Первой работой, посвященной созданию музея, стала статья его директора И. П. Богатова 1934 года «От кунсткамер частных лиц к советскому краеведческому музею». Богатов пишет, что «Муромский музей местного края детище Октябрьской революции: основан он был в конце августа 1918 года»¹. Далее он упоминает, что в Муроме накануне революции существовали музеи Муромского научного общества и студенческого кружка любителей естествознания при реальном училище, организованные в 1916-1917 гг. Именно собрание последнего Богатов называет основой Муромского музея.

Ил. 1. И. П. Богатов (справа) со школьниками. У Панфиловской стоянки. 1940-е

Версия Богатова повторяется во второй крупной публикации по истории Муромского музея Т. Е. Сенчуровой и Т. Б. Купряшиной, вышедшей в свет в 1997 году. В статье приводятся точные данные о первоначальном составе собрания музея: «Коллекция пресноводных моллюсков, 8 чучел птиц и млекопитающих и из сырого материала 90 водяных клопов, 120 водяных жуков, 200 личинок насекомых, 200 бабочек, 700 наземных насекомых, 30 пресмыкающихся и земноводных... 320 видов растений... и несколько костей мамонта»².

Обстоятельства создания музея изложены в специальном параграфе учебного пособия по истории Мурома и Муромского края³, а также в статье Ю. М. Смирнова о том, какую роль сыграла местная интеллигенция в этом процессе⁴.

Еще одна статья по истории музея опубликована Т. Б. Купряшиной в 2014 году в сборнике материалов конференции Муромского музея под названием «Муромский музей. У истоков». Изложенные в ней данные не противоречат приведенным выше: «Муромский музей начинался почти век назад с „коллекции пресноводных моллюсков, восьми чучел птиц и млекопитающих“, собранных участниками кружка по изучению природы при Муромском реальном училище»⁵. В отчете 1927 года «Возникновение музея и его рост», вероятно составленным также Богатовым, бывшем в то время директором музея, указано, что эти коллекции были собраны в марте-августе 1918 года⁶.

Однако существует и другая версия возникновения музея. В 1957 году был выпущен буклет, посвященный 40-летию учреждения. Буклет сообщает: «Муромский краеведческий музей основан был в июле 1917 г. научным обществом по изучению местного края. Его экспозиция размещалась в одной комнате бывшего реального училища»⁷. Богатов прора-

А. А. Горская. Создание музея в Муроме. 1917-1920 гг.

ботал в музее до 1957 года, вероятно, буклет готовился к печати уже без его участия.

Представляется интересным подробнее изучить предысторию создания музея и деятельность двух упомянутых предтеч учреждения: муромского научного общества и кружка любителей естествознания.

Кружок был организован в муромском реальном училище еще в январе 1912 года по инициативе ученика 5-го класса Владимира Ивановича Жадина (1896-1974), будущего профессора-гидробиолога. Кружковцы собирались в училище, а также в доме у Жадина. По его воспоминаниям, кружок был организован как взрослое общество — с выборами председателя, заместителя, казначея и секретаря, ежемесячным сбором взносов

Ил. 2. Неизвестный фотограф. Портрет Владимира Жадина. 1914

по 20 копеек и ведением протоколов собраний. К сожалению, тетрадь с ранними протоколами была утрачена еще весной 1914 года.

Первоначально кружок носил гордое наименование «Общества натуралистов в Муроме». Сохранились записки В. И. Жадина о его первом собрании 15 января 1912 года⁸. Главным председателем общества был избран преподаватель естествознания Борис Васильевич Сипярев,

Ил. 3. Неизвестный фотограф. Члены кружка любителей естествознания при муромском реальном училище. В центре – Владимир Жадин. 1912
временным председателем Алексей Быков, кассиром Авенир Джоблинг, а заведующим – Владимир Жадин. Первоначально в обществе состояло 10 членов. У каждого участника общества была своя специализация: набивка чучел, собирание птичьих яиц, бабочек, рыб и амфибий, а также микроскопических животных, минералов, составление гербария и скелетов. Входить в состав общества могли ученики, начиная с 3-го класса. В 1913 году кружок объединял уже 37 учащихся.

Зимой кружковцы занимались практическими работами: анатомировали птиц, учились снимать шкурки с животных и делать чучела, мастерили ящички для коллекций, а летом совершали экскурсии по Муромскому и Меленковскому уездам. Во время экскурсий кружковцы беседовали с крестьянами и записывали их рассказы о быте и истории поселений.

Ил. 4. Неизвестный фотограф. Вид на здание реального училища. Муром. 1915-1917

Собранные «естественно-исторические» предметы легли в основу небольшого музея, располагавшегося в училище в двух шкафах.

Собрания общества происходили по воскресеньям. По субботам и праздничным дням собирались дома у Жадина. На собраниях кружковцы обсуждали доклады («Анабиоз», «Борьба за существование в царстве растений» и др.), планировали работу, а также пили чай и играли в «факты». Игра заключалась в том, что игрокам по очереди задавались каверзные вопросы, на которые нужно было дать научно обоснованный ответ. Например, Никифору Тагунову однажды задали вопрос, зачем человеку брови.

В 1914 году В. И. Жадин окончил училище и поступил в Московский народный университет имени А. Л. Шанявского. Кружок продолжил существование без него.

В Муром Жадин вернулся весной 1918 года. Здесь он устроился на работу в Совет народного хозяйства и вновь вступил в студенческий кружок, где возглавил секцию естествознания. К августу 1918 года у кружка скопился значительный необработанный материал (перечисленный в начале данной статьи). Знаний для правильного определения видов моллюсков и насекомых у кружковцев было недостаточно, поэтому было решено обратиться за помощью к сотрудникам Волжской биологической станции в Саратове. При помощи руководителя Отдела народного образования И. Л. Пронина была организована командировка В. И. Жадина на станцию. Кроме того, Пронин поручил Жадину организацию музея местного края, и 25 августа 1918 г. на это были выделены первые ассигнования.

Из Саратова Жадин возвратился 23 сентября и вплотную занялся созданием музея. В своей рукописи «Мой путь в гидробиологию» он пишет, что музею было выделено здание на улице Мечникова (бывшая Козьмодемьянская улица), где «велась маркировка экспонатов и читались лекции». И. П. Богатов же в своей статье «От кунсткамер частных лиц к советскому краеведческому музею» указывает, что музей открылся в доме № 13 по Николо-Можайской улице. Возможно, это объясняется путаницей в источниках или же некоторое время музей занимал помещения в обоих зданиях.

По признанию В. И. Жадина, «материальной базой всех этих начинаний стало отчисление части революционной контрибуции, взысканной с муромской буржуазии после незадачливого контрреволюционного мятежа, и небольшие ассигнования научного отдела наркомпроса»⁹.

К сожалению, «незадачливый мятеж» поставил крест на существовании еще одного музея — общественного.

Ил. 5. Неизвестный фотограф. Ил. 6. Фотоателье Н. Сажина в Муроме. Портрет купца В. А. Вощинина. 1890-е

Впервые идея о создании городского музея зафиксирована в Уставе Муромского научного общества по изучению местного края, который был опубликован 2 января 1917 года. Подготовительная деятельность по созданию общества велась в течение 1916 года. У его истоков стоял городской голова Иван Петрович Мяздрик — увлеченный фотограф, наблюдатель за климатом и собиратель гербария. Кроме него, учредителями общества выступили епископ Муромский Митрофан, предводитель дворянства А. С. Брюхов, кандидат прав А. С. Способин, купец В. А. Воцинин и председатель уездной земской управы Ю. И. Бычков.

Первое собрание общества состоялось в феврале 1917 года в зале реального училища. Председателем был избран И. П. Мяздрик, а его заместителем В. А. Воцинин.

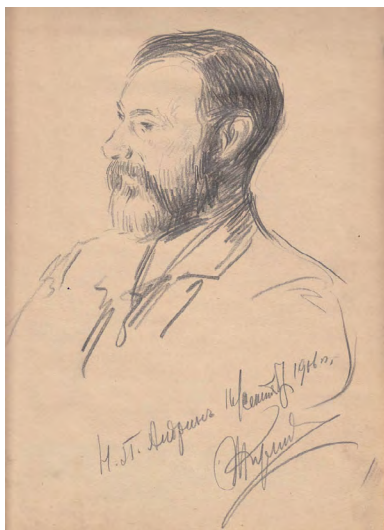
Ил. 7. Неизвестный фотограф. Общество хоругвеносцев при Муромском соборе. 1913. В центре Муромский епископ Митрофан (Загорский). Второй ряд сверху, третий слева В. Н. Добрынкин

Ил. 8. Неизвестный фотограф. Вид парадного зала реального училища. Муром, 1880-е

Ил. 9. Неизвестный фотограф.
Ю. И. Бычков. Начало XX в.

Ил. 10 И. С. Куликов. Н. П. Андриян.
1906

Еще в члены правления общества вошли В. Н. Добрынкин, сын коллекционера и краеведа Н. Г. Добрынкина, а также И. М. Богословов и Н. В. Кондратьев. Секретарем был избран А. Г. Ридин, а казначеем директор реального училища И. И. Смирнов. В члены общества входили коллекционеры А. Ф. Жадин и Н. П. Андриян, будущий городской голова К. Н. Гладков.

«Собрание высказало пожелание иметь в составе членов графиню П. С. Уварову»¹⁰, которой к тому моменту было уже 77 лет, а также определило цели общества на ближайшее время: создание библиотеки при обществе и открытие музея в Муроме. Проект отделов музея был составлен К. Н. Гладковым. К сожалению, этот документ пока не обнаружен.

«Все научные и образовательные учреждения до музея, до публичной библиотеки, до начальной школы включительно

Ил. 11. Неизвестный фотограф. П. С. Уварова. 1916

все должны быть организованы соответствующим образом... на изучение своего родного края, родного города, родной деревни... Никакие научные экспедиции, как бы ни была высока степень учености их членов, не в состоянии дать того результата, как непрерывное, планомерное, стационарное исследование исполняемое хотя бы и средними в научном отношении силами местных научных обществ и музеев.

Музей должен сделаться центром изучения края, сосредоточить в себе все материалы для этого в виде коллекций, картин, статистических таблиц, исторических документов и пр... При музее необходимо создать научную библиотеку, содержащую в себе все, что когда-либо и где-либо было написано и напечатано о местном крае»¹¹, — цитировал И. П. Богатов письмо одного из членов научного общества в статье «От кунсткамер частных лиц к советскому краеведческому музею».

Деятельность научного общества началась на фоне преобразований государственного устройства Российской империи после Февральской революции. Члены общества

Ил. 12. Неизвестный фотограф. А. Ф. Жадин. 1900-1910 гг. Из архива М. А. Казанковой

хорошо сознавали важность происходящего и ставили целью не только собирание предметов старины и изучения прошлого Муромского края, но и фиксацию настоящего: «Несомненно, что события великой российской революции будут привлекать внимание многих историков, можно ожидать в будущем появления исторических трудов и по отдельным губерниям и городам; поэтому Правление считает целесообразным принять меры к собиранию выходящих в Муроме произведений печати — как периодических изданий, так и отдельных брошюр, постановлений,

воззваний, листовок и т. п. Все это может послужить более или менее ценным материалом для будущего историка»¹².

Из принадлежащих членам общества предметов старины была сформирована экспозиция музея, расположившегося в нескольких классах реального училища. Места для показа всей коллекции в училище было недостаточно, и общество неоднократно предпринимало попытки найти ему более

подходящее помещение: велись переговоры с правлением городской библиотеки, но безрезультатно.

Раз в неделю — по воскресеньям — в музее дежурили члены общества¹³, велся журнал посетителей, в котором указывались фамилия и имя пришедшего, род его занятий и тема беседы. Такие дежурства начались с 23 июля 1917 года, для извещения жителей города были напечатаны и расклеены объявления¹⁴.

Вероятно, из-за нехватки места, экспозиция не была постоянной, так как ряд протоколов свидетельствует об устройстве «еженедельных выставок». Особо интересной для общества была коллекция предметов старины и декоративно-прикладного искусства А. Ф. Жадина, его стали приглашать на заседания правления «как лицо имеющее наибольшую коллекцию местных древностей и могущее быть полезным обществу»¹⁵. А. Ф. Жадин передал во временное пользование в музей общества значительное число археологических предметов из раскопок деревень Волосово и Подболотни, сделанных в 1910-х годах, а также предметов оружия и одежды. К сожалению, опись переданных предметов не сохранилась, в протоколе есть лишь упоминание о ее составлении.

Летом общество получило еще один повод пополнить свое собрание. 5 августа 1917 года был выпущен циркуляр Министерства внутренних дел № 61 о передаче историко-архивных ценностей из правительственных или общественных учреждений в архивные комиссии или другие учреждения и постановке их на учет. 30 октября 1917 года Научное общество направило письмо в городскую управу с просьбой передать обществу из архива управы ревизские сказки, серебряные монеты, найденные в кладе арабских монет в 1868 году, зеркало из Сиротского суда, рисунок древней Козьмодемьянской церкви с описанием, папку с адресом Ермакову, блюдо и солонку, поднесенные

Ил. 13. Адрес А. В. Ермакову с подписями почетных граждан и купцов 1-ой и 2-ой гильдий г. Мурома. 27 августа 1864

Ермакову купеческим обществом, адрес Ермакову от учеников реального училища и альбом городских построек его времени.

Городской голова К. Н. Гладков, сменивший на этом посту председателя общества И. П. Мяздрикова, распорядился передать указанные предметы обществу за исключением серебряных монет, «каковые в виду тревожного времени хранить в Городской управе»¹⁶.

Тем не менее, в январе 1918 года обществу были переданы 575 монет «великих князей до Иоанна Грозного»¹⁷ и другие перечисленные в письме предметы, а также книги, портреты императоров Павла I и Александра II, «гербарий луговых трав с поемных городских лугов за рекой Окой, расположенных в порядке уменьшения их кормового значения»¹⁸ в числе 86 экз. студента Московского сельскохозяйственного института С. М. Фанталова.

Этот гербарий был не единственным собранием трав, хранившемся в музее общества. В ноябре 1917 года свой гербарий из 435 видов растений в 673 экземплярах передал И. П. Мяздриков¹⁹. Сейчас оба гербария хранятся в Муромском историко-художественном музее.

Собиратель наклеил растения не на картон, как того требовала технология, а на листы писчей бумаги «в виду настоящей дороговизны». Мяздриков определял растения по определителю Талиева 1907 года издания и отчасти Маевского. Не все экземпляры были собраны полными, то есть с цветами, плодами, корнем и пр.; нет в гербарии и многих обыкновенных растений. Их отсутствие Мяздриков объяснил тем, что он «или не успел их собрать, или пропустил время ранней весны — цветение большинства древесных растений. При собирании таких неполных экземпляров я имел в виду лишь констатировать присутствие того или иного вида в нашей местности, а не оставлять их для гербария. По определении специалистами такие экземпляры могут быть выброшены и впоследствии заменены другими»²⁰.

Для экспонирования коллекций было решено приобрести витрины. Одну из них купили у И. П. Мяздрикова за 10 рублей, еще один шкаф-витрину пожертвовал А. Ф. Жадин. Земской управе было направлено прошение оказать помощь в покупке мебели для музея, но в делах общества ответа, к сожалению, не сохранилось.

Научное общество предпринимало попытки спасти коллекцию произведений искусства и предметов старины графов Уваровых. После принятия декрета «О земле» имение в селе Карачарове оказались национализированными. Сама П. С. Уварова с дочерьми к тому времени покинула Россию. В начале 1918 года имение было передано в ведение Муромского комиссариата земледелия. Члены Научного общества были обеспокоены судьбой коллекции и просили комиссариат земледелия принять меры к охране предметов, а также разрешить членам общества посетить дом графини Уваровой. Председатель общества И. П. Мяздриков в апреле

А. А. Горская. Создание музея в Муроме. 1917-1920 гг.

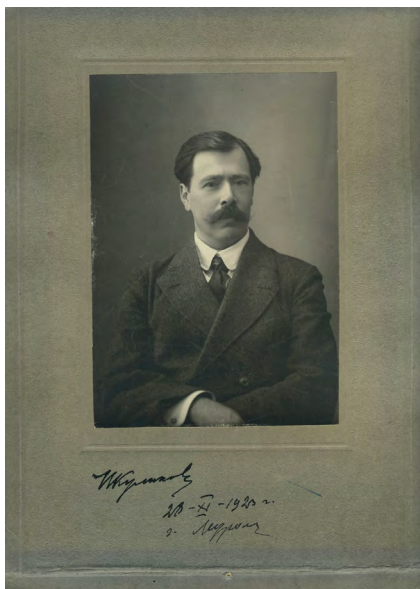
1918 года направил письма об этом в комиссариат земледелия и в Московское археологическое общество²¹.

В конце апреля 1918 года положение общественного музея осложнилось — помещение реального училища, где он размещался, было реквизировано под Высший военный совет, перемещенный в Муром. Решено было не закрывать музей окончательно, а переставить два опечатанных шкафа с экспонатами в коридор. Предметы, не поместившиеся в них, взяли на хранение А. Ф. Жадин (изразцы, царские врата и другие предметы) и И. И. Смирнов (столик с адресом А. В. Ермакову).

Большой удар по научному обществу и созданному им музею нанесло неудачное белогвардейское восстание, которое прошло 8-9 июля 1918 года в Муроме, Рыбинске и Ярославле. Один из активных членов общества купец А. Ф. Жадин был обвинен в участии в организации восстания и объявлен в розыск, а в 1920 году расстрелян. Скомпрометированы были и другие члены общества.

А уже в августе 1918 года В. И. Жадину было поручено заняться созданием музея под управлением Отдела народного образования. Интересно, что еще 28 октября 1917 года правление Научного общества предлагало членам кружка любителей естествознания войти в состав общества и образовать в нем две секции — историко-археологическую и естественно-историческую, объединить экспонаты в одном музее и определить порядок пользования ими²². Ответа на это письмо не сохранилось, но, вероятно, он был отрицательным.

В октябре 1918 года Научное общество было вынуждено передать собранные им коллекции во вновь созданный музей. Впрочем, коллекции передавалась не навсегда. Обществу была выдана расписка за номером 1238 от 10 октября 1918 г.

Ил. 14. Неизвестный фотограф. Портрет И. С. Куликова с автографом. Муром. 28 ноября 1923

в том, что предметы будут возвращены в случае ликвидации музея.

В конце 1918 года Научное общество прекратило свою работу, вместо него под эгидой Отдела народного образования в начале 1919 года было создано Научно-художественное общество при музее. Члены бывшего Муромского научного общества вошли в его состав, а некоторые из них стали сотрудниками городского музея (В. Н. Добрынкин и Н. П. Андрин).

Председателем нового научного общества стал В. И. Жадин, а его заместителем был избран И. С. Мамченко. В обществе действовало четыре секции: естествознания, статистико-экономическая, секция истории, археологии и этнографии, секция изобразительных искусств под руководством академика живописи и коллекционера старины И. С. Куликова.

Хроника жизни городского музея в 1919 году выглядит следующим образом: 1 января 1919 года новый музей открылся для осмотра членами уездного и городского советов, а затем два дня работал для горожан.

4 января 1919 года состоялось совместное заседание членов всех секций общества. Глава общества В. И. Жадин предложил

А. А. Горская. Создание музея в Муроме. 1917-1920 гг.

занять под музей помещение по улице Никольской, числящееся за Отделом народного образования — дом купцов Зворыкиных. Вероятно, это здание еще ранее предполагалось использовать в качестве музея, так как именно там были размещены переданные в декабре 1918 года коллекции из усадьбы графов Уваровых. Мебель и стулья решено было взять у кружка любителей естествознания.

10 января 1919 года В. Н. Добрынкин, первый хранитель музея, передал в него обширные коллекции своего отца, краеведа Н. Г. Добрынкина.

12 января 1919 года состоялось организационное собрание Муромского научно-художественного общества²³.

2 февраля 1919 г. прошло еще одно организационное собрание. Среди прочих пунктов в его повестке значились выборы заведующего музеем. Им избран был В. И. Жадин. В протоколе также отмечен конфликт с изобразительной секцией под руководством И. С. Куликова, но его суть не раскрыта. Конфликт, по всей видимости, продолжался до начала 1920 года, так как представители секции на заседания общества не являлись.

В феврале 1919 года с должности помощника заведующего историко-архивным отделом музея уволили Н. П. Андрина «в виду того, что по отзывам как от научного общества, так и художественной секции он является непригодным к работе и невнушающим доверия»²⁴.

19 марта 1919 года в музей были переданы предметы из археологической коллекции научного общества (находки из Подболотского могильника, подаренные А. Ф. Жадиным).

Вероятно, в это время музей еще не посещался публикой. По крайней мере, протокол собрания общества от 23 марта 1919 года сообщает, что «в настоящее время музей открыть немедленно нельзя в виду перегруженности персонала

работой»²⁵. Однако библиотека ежедневно работала до трех часов дня для всех желающих.

9 сентября 1919 года в Муроме был организован уездный подотдел по охране памятников старины и искусства во главе с И. С. Куликовым. Кроме него, в состав подотдела входили В. Н. Добрынкин, А. В. Донской, В. А. Вошинин и В. Д. Киселев. С этого времени музей разделился на два учреждения: естественно-исторический в ведении Муромского отдела образования и историко-художественный в ведении подотдела по охране памятников старины и искусства.

Два музея недолго существовали параллельно. В 1920 году ряд участников научно-художественного общества высказывался о желательности слияния музеев. 18 июля 1920 года общее собрание приняло решение объединить их²⁶, а заведующих кооптировать в члены совета музея.

Таким образом, не отрицая заслуг В. И. Жадина и членов кружка любителей естествознания, следует признать, что в создании городского музея и формировании его фондов не меньшую роль сыграли участники Муромского научного общества. Собранные ими коллекции до сих пор составляют лучшую часть собрания Муромского музея.

¹ Архив ГБУК ВО МИХМ. НА. – Ф. 10. – Д. 1. – Л. 1.

² Цит. по: Сенчулова Т. Е., Купряшина Т. Б. Музейное строительство в Муроме (1918-1950-е гг.) // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. – Ярославль, 1997. – С. 294-295.

³ Создание городского музея и его роль в культурной жизни города 1920-30 гг. // История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 348-353.

⁴ Смирнов Ю. М. Интеллигенция, революция, музей (страницы муромской истории) // История в лицах: интеллигенция и провинция. Рождественские чтения. – Ковров, 2006. – Вып. XIII. – С. 69-74.

А. А. Горская. Создание музея в Муроме. 1917-1920 гг.

- ⁵ Купряшина Т. Б. Муромский музей. У истоков // Сообщения Муромского музея – 2012. – Владимир, 2014.
- ⁶ Архив ГБУК ВО МИХМ. ВА. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 170.
- ⁷ Муромский краеведческий музей (1917-1957 годы). – Муром, 1957. – С. 3.
- ⁸ Архив ГБУК ВО МИХМ. НА. – Ф. 5. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 2.
- ⁹ Жадин В. И. Мой путь в гидробиологию. – 1969 г. – Рукопись. – Л. 26. М-19229/2.
- ¹⁰ ГАВО. – Ф. 3239. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 89.
- ¹¹ Архив ГБУК ВО МИХМ // ВА. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 33.
- ¹² АВО. – Ф. 3239. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 101об.
- ¹³ Там же. – Л. 90об.
- ¹⁴ Там же. – Л. 100.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАВО. – Ф. 394. – Оп. 2. – Д. 65. – Л. 1.
- ¹⁷ Там же. – Л. 7об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Подробнее о гербарии см.: Гладкова Л. П. Гербарий И. П. Мяздрикова и Н. М. Эрлиха // Сообщения Муромского музея – 2011. – Владимир, 2012. – С. 17-24.
- ²⁰ ГАВО. – Ф. 3239. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 94.
- ²¹ Там же. – Л. 135об.
- ²² ГАВО. – Ф. 3239. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 92.
- ²³ Там же. – Д. 2. – Л. 98об.
- ²⁴ Там же. – Д. 1. – Л. 116.
- ²⁵ Там же. – Л. 126об.
- ²⁶ Там же. – Д. 4. – Л. 115.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ В МУРОМЕ

В 2016 году исполняется двадцать лет, как была создана экспозиция «Художественная галерея». В ее залах представлены лучшие и наиболее значительные произведения русского и западноевропейского искусства XVII – нач. XX вв. из коллекции Муромского историко-художественного музея.

Двадцать лет – много это или мало для музейной экспозиции? И много, и мало. Много, потому что за этими цифрами стоят судьбы людей, их труд, эмоции, опыт и мечты. Мало, оттого, что экспозиция постоянно обновляется отреставрированными памятниками, новыми поступлениями, исследовательскими находками. И каждый раз начинается новый виток ее жизни.

Открытию галереи предшествовала сложная многолетняя работа. Восстановить в памяти то время, вернуться к тем годам и вновь пережить радостное волнение праздника помогут фотографии и видеокассета, сохранившая запись торжества.

Сначала немного истории. В 1980-х годах музей занимал три объекта: дом купцов Зворыкиных, выставочный зал в бывшей Смоленской церкви, дом академика живописи И. С. Куликова. Все здания находились на разных улицах города. Музей развивался, увеличивались его фонды, экспозиционных площадей не хватало. В это время он назывался историко-художественным и мемориальным. Сотрудники музея давно мечтали о создании полноценной художественной экспозиции, и фонды музея позволяли это сделать. В 1987 году

А. А. Сиротинская. Двадцать лет спустя

освобождалось находящееся рядом с домом Зворыкиных здание бывшей городской управы (постройка 1815 г.). Находившийся там эксплуатационно-технический узел связи (ЭТУС) выезжал в другое помещение. Небольшой по размерам двухэтажный дом с анфиладной планировкой на втором этаже очень подходил для музейной экспозиции. Но получить это здание в центре города было непросто, претендентов было немало. Директору музея Ольге Александровне Лукиной удалось убедить руководство города в необходимости передачи музею этого исторического памятника. В том же 1987 году по решению горисполкома оно было передано музею. Расположенные по соседству дом Зворыкиных и здание городской управы создавали единый комплекс застройки XIX века. К тому же небольшой флигель, находящийся между ними и используемый прежде под гараж горкома КПСС, тоже был передан музею. Так получился настоящий музейный «городок».

Здание городской управы находилось в довольно удручающем состоянии. По словам О. А. Лукиной, оно выглядело, как «сплошное месиво, начиненное проводами, техникой, приборами, перегороженное на многочисленные клетушки-кабинеты. Груды мусора до самого потолка, а потолка и не было как такового». Много было разрушено. Прежние владельцы, выезжая из здания, разбили площадку подлинной чугунной лестницы выксунского литья, на которой и так не оставалось практически ни одной балясины. В здании отсутствовало центральное отопление, отапливалось оно электрическим котлом. Стены были поражены грибком. Состояние дома было такое, что мы поначалу даже представить не могли, как восстанавливать все это, в первый раз столкнувшись с такой проблемой. Восстановление здания осложнялось и тем, что оно не имело статуса памятника

гражданской архитектуры, хотя являлось одним из первых городских кирпичных сооружений XIX века. Постановка его на государственную охрану стала первоочередной задачей. О. Лукина работала тогда над ее решением со всей присущей ей энергией и настойчивостью. Многочисленная переписка, сбор документации привели к положительному результату.

Проблемы возникали одна за другой. Музей в это время жил в преддверии разделения со структурой Владимиро-Суздальского музея-заповедника, так что «свыше» никто не диктовал и не вникал в «муромские» проблемы. Все вопросы решались музейщиками внутри города. Из всей череды задач одной из самых сложных была работа над проектом реставрации здания. Первоначально создание проекта было предложено муромским архитекторам. Но их предложения и видение будущего использования помещения не соответствовало планам музея. Сотрудничество с ними не состоялось. Как только здание было поставлено на государственный учет, проект был передан во «Владспецреставрацию». По мнению руководителя этого реставрационного предприятия, Александра Игнатьевича Скворцова, муромский проект, «сложный, но интересный», стал «удачным примером совместной работы с музейщиками, когда «реставратор как бы был включен в сам процесс музейной деятельности». Работа над проектом велась чуть более года. В 1990 году он был закончен и принят к реализации. Контроль за реставрацией здания лежал на заказчике, то есть на музее. Директор музея старалась вникать и в общие вопросы, и в мельчайшие детали строительных работ, следя за сроками их исполнения. День за днем, приходя в это здание, О. Лукина ругалась со строителями, заставляя их постоянно что-то переделывать. Ей казалось, что строительный процесс движется слишком медленно, хотя работа шла непрерывно.

Город также был заинтересован в скорейшем открытии нового музейного объекта. В тот период сложилась уникальная для советских реалий ситуация: за дело создания Художественной галереи в Муроме взялись буквально всем миром. Наряду с городской администрацией, музеем помогали художники, реставраторы, различные специалисты, простые горожане. Почти все предприятия города помогали, чем могли. Так, ремонт и реконструкцию чугунной лестницы взял на себя завод им. Ф. Э. Дзержинского. Лестницу полностью восстановили, и все смогли получить представление о ее уникальности и красоте. Время было тяжелое, приобрести необходимое для ремонта было чрезвычайно трудно, да и финансирование было мизерным. Помощь города была необходима, и музей ее получал.

Первый этаж здания было решено отвести под рабочие кабинеты — сотрудникам музея давно уже не хватало места в маленьком флигеле во дворе дома Зворыкиных. На втором этаже, после сноса многочисленных стенок и перегородок, были обозначены четыре экспозиционных зала. Параллельно с реставрацией здания велась работа по реставрации будущих экспонатов. В ней нуждались практически все произведения, предлагаемые к показу. К счастью, в это время у нас уже были налажены тесные связи с реставрационными организациями: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря и «Владспецреставрацией». Обратившись к ним за помощью, посвятив в свои планы, мы нашли дружеское понимание и интерес в такой объемной разноплановой работе. Реставрация проводилась в сжатые сроки. С 1993 по 1995 гг. московские специалисты отреставрировали девять картин для новой экспозиции. Среди них были живописные полотна, которые никогда не выставлялись из-за плохой сохранности, и работа с ними была сложнейшим трудоемким процессом. Владимирские

коллеги отреставрировали два портрета из собрания Уваровых, а также мебель и предметы декоративно-прикладного искусства.

К сожалению, перетяжка мягкой мебели гарнитура из карельской березы была выполнена некачественно, да и обивки, близкой к оригиналу, не нашлось. Но мебель стала вполне экспозиционной. Дубовый гарнитур, гарнитур в стиле «жакоб» и инкрустированные комоды приводились в порядок прямо на месте. Из Владимира приезжал и неделями жил в музее реставратор по мебели Владимир Невский. Участвовали в работе по восстановлению мебели и муромские художники-резчики по дереву Николай Новиков и Евгений Тренин.

Огромную работу с предметами из бронзы проделал специалист Владспецреставрации М. А. Матюшкин, приводя в порядок скульптурные каминные украшения, часы, канделябры, подсвечники, люстры. Он же предложил решение непростой задачи освещения зала западноевропейского искусства, где требовалось повесить три люстры. Но в коллекции музея хранилась только одна, подходящая по стилю и времени. Михаил Александрович изготовил две реплики с подлинной люстры, но чуть меньшего размера. Они и сегодня украшают большой зал галереи.

Более двадцати подлинных ветхих рам для картин приведены в порядок муромским художником Александром Саксоновым. С ювелирной точностью им была восстановлена утраченная лепнина, резные элементы, исправлена деформация рам. Но многие картины оставались без рам. И снова проблема: где их взять, из чего делать? И опять помог М. А. Матюшкин, достав для нас новый финский багет.

Одновременно с реставрацией решали сложнейшую для нас проблему: кто может выполнить проект художественного решения будущей экспозиции? Ни с чем подобным мы ранее

не сталкивались и не имели связей с профессиональными экспозиционерными-проектировщиками. Обращались и к владимирским, и к московским художникам. Многие соглашались, приезжали в музей, знакомились с экспонатами, зданием. Что-то на бегу, второпях зарисовывали, измеряли и уезжали, намереваясь работать дома. В итоге все выливалось в непонятную фантазию, далекую от наших возможностей и задач. Пройдя через этот круг проб и ошибок, мы поняли, что с «варягами» ничего хорошего не получится. Выход был один: пригласить на эту работу своих, муромских художников, без помощи которых и прежде музей не обходился. Такими художниками стали Игорь Сухов, ранее работавший и музее, и штатный музейный художник Константин Ляпин. При их участии происходили все дебаты с москвичами и, естественно, они все больше вникали в эту работу, предлагая свое видение. Молодые художники, знающие музейные предметы, бок о бок работающие с сотрудниками музея, были всегда рядом, оперативно решая все вопросы.

Начали они с того, что сделали в уменьшенном масштабе макет экспозиционных залов. Далее была проделана кропотливейшая работа по макетированию каждого предмета будущей экспозиции. На наших глазах появлялись малюсенькие мебельные гарнитурчики со стульчиками и комодиками, статуэточки и посудка, картинки и витринки, выполненные из картона, проволоки и пластилина, раскрашенные в цвет подлинника. Рабочим местом художников стал самый большой зал галереи, где на огромном столе установили макет. Было необыкновенно интересно развешивать и расставлять миниатюрные экспонаты в залах, создавать удобные для обозрения и логически связанные интерьеры и маршруты. Продумывали все до мелочей — от формы и цвета занавесок

на окнах до размера этикеток на картинах. При этом купить что-либо стоящее из тканей на шторы или перетяжку мягкой мебели не представлялось возможным. Магазины были пусты. Использовали любую возможность куда-то съездить и что-то достать: где-то покупали кисти для штор, где-то горшок для цветка. Ездили в Москву. В магазине театрального реквизита приобрели большой рулон белого шелка и тащили его на своих плечах в метро и к поезду. Фигурные шторы на окна и двери тоже шили своими силами, как могли, и радовались, когда что-то получалось.

Экспозицию создали в крайне сжатые сроки – меньше года. Открытие запланировали на начало 1996 года. В атмосфере нервных переживаний, до последнего что-то доделывая, готовились к знаменательному дню. Накануне открытия, 24 января, состоялось очень трогательное, незабываемое событие – освящение новой экспозиции. Событие неординарное, впечатляющее. В это время у музея были очень тесные отношения со священнослужителями возрождающихся храмов и монастырей. Договорились со священниками – отцом Николаем (Абрамовым) и отцом Кириллом (Епифановым), пригласили матушку Тавифу с сестрами. На освящении присутствовало довольно много народа: сотрудники и друзья музея, работники управления культуры. Трудно даже было представить, что еще совсем недавно такое мероприятие провести было бы невозможно.

25 января 1996 года состоялось торжественное открытие Художественной галереи. В числе многочисленных гостей – областное и городское руководство, реставраторы, музейщики, журналисты и жители Мурома. Началось мероприятие с торжественного молебна. Дальше все происходило по отработанному сценарию. На ступенях лестницы

А. А. Сиротинская. Двадцать лет спустя

О. А. Барышева, заместитель главы администрации города, и О. А. Лукина разрезали красную ленточку. Под звуки музыки гости, они же первые посетители новой экспозиции, стали подниматься на второй этаж, где и состоялось главное торжество. Проникновенно, эмоционально говорила на открытии О. А. Лукина, вспоминая все трудности, все перипетии, все этапы этой многолетней работы. Говорила, что, к сожалению, ей не удалось подвести итоги финансовых затрат за все время освоения объекта. Привела только цифры капиталовложений за последний 1995 год. По ее словам, из городского бюджета было выделено более ста миллионов рублей для доведения строительных работ «до ума», ликвидации недоделок самого здания. Она особо отметила затраты, вложенные в систему безопасности объекта. Министерством культуры выделены сорок пять миллионов для оснащения здания современной сигнализацией, довольно сложной по тому времени. Более сорока миллионов министерство выделило, чтобы оплатить реставрационные работы в ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря. Суммы только звучат внушительно, но деньги тогда были другие; рядовые зарплаты, например, исчислялись сотнями тысяч.

Без финансовой поддержки Министерства культуры, администрации города и бескорыстной помощи друзей музея в лице художников, производственных мастеров, инженеров мы бы не сумели достичь цели. Только совместными усилиями можно было справиться с этим грандиозным проектом. Об этом говорили многие выступающие. Заместитель начальника областного управления культуры А. Я. Паевская в своей приветственной речи подчеркнула, что «открытие Художественной галереи в Муроме — это большое событие не только для города, но и для всей области. В наше непростое время можно было открыть такой объект культуры только при

большом союзе множества организаций, объединив все средства и усилия».

Прошло двадцать лет с открытия галереи и десять лет, как ушла из жизни О. А. Лукина, директор музея с 1971 по 1996 год. До сих пор мы помним ее слова, сказанные в тот знаменательный день: «Какое состояние души, какая должна быть обстановка при открытии нового музея? Мы не знаем. Кто присутствовал при открытии музея в доме Зворыкиных в 1919 году, тех давно уж нет. А наше поколение делает это впервые».

НЕКИЙ «БЫВШИЙ» МЕЛИКОВ

Некий неизвестный Меликов без имени и отчества упомянут в музейном отчете за 1938 год в связи с тем, что поступила «ценная коллекция из конфискованного имущества б. Меликова»¹. Буква «б» здесь раскрывается как «бывший». Так обычно называли тех, кто до революции имел некий социальный статус, относился к привилегированному сословию или занимал высокие должности. Лет тридцать назад предание о коллекции сосланного в Муром некоего бакинського миллионера передал нам Серафим Викторович Тагунов, более пятидесяти лет проработавший в музее и знавший многие музейные тайны. Записи о поступивших предметах в инвентарной книге тридцатых годов сделаны размашистым почерком Серафима (так его все звали за глаза)². До сих пор его неразборчивые записи расшифровывают сотрудники музея и сожалеют, что не выспросили хорошенько о многих загадках. Да и не хотел он их раскрывать (еще и тогда боялись), отделялся шутками, собирался «умереть на музейной лестнице».

Легенда подтвердилась, правда не буквально о нашем Меликове, но о его семье. Он действительно происходил из бакинских нефтепромышленников. Меликов Никита Андреевич выслан был из Ленинграда в 1935 году, в Муроме арестован в 1938-м, осужден на десять лет лишения свободы, умер в лагере в 1940-м, реабилитирован в 1989 году³.

В музейных актах поступления за апрель 1938 года зафиксировано около ста предметов из коллекции Меликова: картины, акварели, гравюры, фарфор, бисерные вышивки, слоновая кость. И в том числе тот самый овальный портрет XVIII века

Ил. 1. Газета «Муромский рабочий»

из которого была выкуплена коллекция Меликова. Его подпись стоит на актах передачи музею. Каждый предмет оценен, в акте № 23 отмечено «куплены из имущества Меликова», в акте № 21 — «по счету комиссионного магазина 5 апреля приняты»⁵. Значит, музей все оплачивал, всего вышла сумма около 800 рублей. Средняя зарплата тогда была 289 рублей, а, например, лейтенанта — 600 рублей. Получается, что стоимость уникальной коллекции была просто символическая.

Высланный Меликов, видимо, привез часть своей коллекции, но мог приобретать произведения искусства и в Муроме. Возможно, какие-то упоминания на эту тему могли сохраниться в материалах его уголовного дела. Вместе с ним была арестована его жена — Меликова Евгения Георгиевна эстонка, домохозяй-

загадочной неизвестной дамы — портрет, о котором шла речь в предыдущей публикации⁴. Музейные акты помогли выяснить еще одну загадку. В газете «Муромский рабочий» за 9 апреля 1938 года выражена благодарность товарищам Гвяздо, Явенко, Евстифееву, Брагину и Хромову за содействие в передаче этой коллекции музею. Так вот, Хромов оказался директором того самого комиссионного магазина № 9 Муромторга,

ка. При аресте, их имущество должны были конфисковать, описать, куда-то определить. Мы сделали запрос во Владимирское ФСБ о возможности ознакомления с делом. Совсем еще недавно (не более года назад) подлинные архивные дела репрессированных-реабилитированных высылали по запросам родственников, с возвратом, разумеется. Эта практика в настоящее время прекращена. Как объясняют в ФСБ, из-за того, что дела теряются, не возвращаются, плохо хранятся. К делу Меликовых меня допустили во Владимирском ФСБ в специальной отдельной пустой комнате, в присутствии работницы архива. Значительная часть страниц в деле была явно недавно тщательно упакована и снабжена запрещающими надписями. Сотрудница архива пояснила, что это служебная документация. Прошло 77 лет, но гриф «секретно» остался. Дело ранее никому не выдавалось. В показаниях обвиняемого записано: «Признаюсь в том, что я выражал неоднократно недовольство против советской власти»⁶. Чего стоило такое признание, которое, в сущности, не означает никакого криминала, видно из его жалобы, написанной через полтора года уже в лагере. С этим документальным свидетельством эпохи стоит ознакомиться в полном объеме:

«Гражданину Народному Комиссару Внутренних Дел СССР осужденного по приказу 447 на срок 10 лет Меликова Никиты Андреевича, станция Шерстки Горьковской Жел. дор. Буреполомская ИТК №2; (инвал. отдел)

Жалоба

Мною 18-го февраля 1939 года из Муромской тюрьмы была написана жалоба Прокурору СССР, но до сего времени никакого ответа на нее не имею. Предполагая, что жалоба моя администрацией тюрьмы не направлена по назначению, вновь ее Вам излагаю.

В ночь на 3-е января 1938 года сотрудником Муромского городского отделения НКВД был произведен у меня обыск, и, согласно представленного ордера, я был арестован и доставлен в помещение НКВД. При допросе мне было предъявлено следующих два обвинения: 1) я заявлял, что из Ленинграда были высланы честные люди и 2) в разговоре с женой в своей комнате восхвалял личность Бухарина. На мое категорическое заявление, что я никогда никому не говорил о высылке из Ленинграда честных людей, следователь указал, как на неопровержимое доказательство моей виновности в этом, на мою жалобу, поданную в ленинградское отделение НКВД в 1935 году, где я прошу разрешить мне возвратиться вновь в Ленинград, так как я ни в чем антисоветском себя не проявлял и честно служил на пользу своей родины. Таким образом, следователь, неправильно обобщая, сделал заключение, что я всех высланных из Ленинграда назвал честными людьми. Под давлением невыносимого физического насилия, в нанесении которого принимали участие три сотрудника НКВД (в том числе зам нач. Кузнецов), я вынужден был подписать против своей воли обвинение неправильно средактированное следователем. По второму вопросу я дал объяснение, что никаких вообще разговоров на политические темы с женой в своей комнате не вел в частности о Бухарине, ибо моя жена совершенно аполитична. Почему-то при моем отрицательном ответе по второму вопросу физического воздействия не было применено. Только нужно отметить, что при чтении мною протокола, я обнаружил, что следователь мой ответ на второй вопрос изложил в обратном смысле, то есть, как будто я подтвердил ведение разговора в комнате, восхвалявшего Бухарина и только после того, как я указал на искажение моего ответа, следователь переписал в этой части протокол.

После допроса меня отправили в Муромскую тюрьму. 13 марта мес. 1938 года мне была зачитана часть постановления Горьковской областной тройки при НКВД о том, что за контрреволюционную деятельность я присуждаюсь к отбыванию наказания в ИТЛ на срок 10 лет. На неоднократные просьбы зачесть полностью предъявленные мне обвинения и дать возможность написать жалобу Муромская тюремная администрация в удовлетворении их отказала. Наконец, 18-го февраля 1939 года удалось ознакомиться с протокольным постановлением обвинения областной тройки в целом и написать жалобу, но как я указал выше, она не дошла до места.

В протоколе обвинения областной тройки говорится о моем постоянном антисоветском настроении. Также обвинение ни на чем не обосновано, так как долготелая безупречная служба в советских учреждениях и предприятиях, откуда имеются отзывы о моей полезной и честной работе, говорит обратное. Все эти документы находятся среди бумаг, оставшихся при моих вещах после обыска (характеристика о 12-летней непрерывной работе в Ленинградской жилищной кооперации, на основании которой мне выдан паспорт в г. Муроме, грамота за ударную работу). Кроме этого в обвинении тройки отмечено, что я лишен прав. На самом деле я прав никогда не лишался: участвовал в выборах в Верховный Совет по г. Мурому, а также во всех предыдущих выборах в советы.

Моя служба в г. Муроме на строительстве завода имени «КПФ» (им. Компартии Франции. — Т. К.) также протекала без каких либо замечаний, прогулов и мною много времени уделялось общественной работе (по линии РКК). Отзывы о моей работе могут дать быв. нач. строительства гр-ин Храмов Н. П.

Думаю, что неправильное обвинение, вынесенное област-

ной тройкой при НКВД, основано на ложных доносах лиц, которые были ущемлены при ведении мною против них дел по службе. Дело в том, что я на строительстве выполнял одновременно работу юриста, и было ряд случаев, когда по растратам и неправильном присвоении денег строительства приходилось выступать на судах против некоторых сотрудников строительства, обвиняя их в нарушении законов. Не раз произносились по моему адресу угрозы, что мне оплатят за мои выступления. Так например: гр-н Крыжалович (быв. завед. трак. отделом строительства, а потом агент по снабжению) хотел присвоить деньги, ему не причитающиеся, и только благодаря моему настоянию перед судом была приостановлена ему выдача денег из Банка в сумме 400 рублей, Едачев произведший растрату, о чем было доведено мною до сведения прокурора (Едачев ныне отбывает наказание в ИТЛ) и другие работники, которые судом неправильно требовали зарплату (Гаранин, Игнатьев, Кузнецов и др.)

Еще на одно лицо должен указать, которое заинтересовано было в моем аресте это хозяйка дома, где я проживал, занимающая одну комнату. Фамилия ее Ларионова Лидия Михайловна (урожденная Кутепова). В прошлом она отбывала наказание за аборт. Проживал я у нее с июня мес. 1935 года до момента ареста моего и за все это время она никаким полезным трудом не занималась. Существовала на средства, добываемые тайной практикой по медицине и взиманием квартплаты с жильцов свыше существовавшей нормы. Эта особа всячески старалась скрыть свою истинную физиономию. Вначале ее комната была обвешана иконами, затем их она заменила портретами вождей, конечно, делалось это с целью ввести в обман посещающих ее. На почве хозяйственных дел не раз у меня с ней происходили столкновения, и она распространяла про меня ложные све-

Т. Б. Купряшина. Некий «бывший» Меликов

дения. Так она довела до сведения Горсовета, что я проживаю на неопределенные средства, тогда как я состоял на работе на строительстве и т. д.

Должен обратить Ваше внимание на странное поведение Муромского прокурора гр-на Петухова, который при первом посещении Муромской Тюрьмы на мой вопрос была ли произведена опись принадлежащих мне вещей, ответил, что опись вещей произведена в присутствии моей жены и затем они сданы на хранение домашней хозяйке. Жена моя Евгения Георгиевна Меликова была арестована на следующий день после моего ареста и находилась тоже в Муромской тюрьме. На основании разрешения нач. Муромской тюрьмы я имел свидание с женой в тюрьме, и на мой вопрос, производилась ли опись вещей при ней, ответила отрицательно. При повторном посещении прокурором тюрьмы я указал ему на это обстоятельство, но он ничего не ответил по заданному вопросу, а только заинтересовался тем, кто мне разрешил свидание с женой. Очевидно, вещи мои после ареста моего и жены были сданы хозяйке дома без точного учета, и нет никакой уверенности, что не все вещи вошли в опись, и кому-то потребовалось нарушение законной формы регистрации остающегося имущества после арестованного. Не имеет ли здесь место какая-либо корыстная цель.

Из всего изложенного, гр-ин комиссар, Вы можете видеть, что я и жена моя сделались жертвами клеветнических доносов людей, так или иначе имеющих зло на нас и старающихся нам отомстить, а потому обвинение, предъявленное мне, считаю неправильным и прошу Вас отменить решение Горьковской областной тройки при НКВД и освободить меня из под стражи и дать возможность остаток своих лет честно прослужить на пользу Советской Стране.

О последующем прошу сообщить мне по указанному

Ил. 2. Н. А. Меликов

выше адресу. Год моего рождения 1876 год. 20 ноября 1939 г. Н. Меликов»

Свидетелями, давшими показания против Меликовых, были еще, кроме упомянутой квартирной хозяйки, женщины-счетовод Темкина «Ев. Дм. 1905 г. р.» и Усанова Татьяна Петровна, работавшая у них дома уборщицей. Их показания подшиты в деле. Все три женщины явно подписались не под своими словами. Стилистика показаний не соответствует их уровню и социальному статусу, но, видимо, они были запуганы.

В уголовном деле оказалась фотография Никиты Андреевича Меликова.

Из того же архивного дела, предоставленного УФСБ по Владимирской области, удалось выяснить, что жена

Т. Б. Купряшина. Некий «бывший» Меликов

Меликова отбывала наказание в БАМЛАГе. О ее судьбе пока ничего не известно. Лагерь этот много раз реорганизовывался, неизвестно, где теперь его архив, куда можно бы послать запрос о Меликовой. Ее жалоба, как и жалоба мужа, направленная в самые верхние инстанции, оказалась в архиве ФСБ г. Владимира. Может быть, и было некое разбирательство, может быть, информация об этом содержится в тех самых тщательно упакованных листах уголовного дела, но они недоступны.

Ее жалоба тоже весьма красноречива:

«Народному Комиссару Государственной безопасности СССР гр-ну Берия от з/к Меликовой Евгении Георгиевны осужд. ст. 58 ср.10 п., находящ. ст. Магдагачи Амурск.

ж. д. почт ящ. № 210/5

Заявление-жалоба

В 1938 году 4-го января я была арестована в гор. Муроме Горьковской области — Областным НКВД, где мне была предъявлена ст. 58/10. В 1938 г. в конце января тройка НКВД меня вызвала и объявила мне, что я приговорена к исправ. труд. работам в лагере НКВД на 10 лет.

Предъявление 58 ст. и стадия предварительного следствия было произведено в течение одного дня — в день моего ареста. В этот же день был арестован и мой муж и когда меня арестовали, то я была совершенно в состоянии невменяемости, т. к. арест мужа утром и арест меня к вечеру так возбудили во мне невроз, что я не понимала, что происходит вокруг меня на первом и единственном этом допросе 4-го января 1938 г. я подписала чистый бланк протокола допроса, который потом, по-видимому, был заполнен следователем и который стал обвинением для меня и руководством для тройки НКВД. В тюрьме я только опомнилась, что подписала чистый бланк, но было уже поздно и сделать было ничего нельзя, т. к. меня уже на допрос не вызы-

вали, по-видимому ограничившись подписанным мною чистым бланком на первом допросе 4-го января 1938 г.

Только в тюрьме в конце января начальник тюрьмы мне зачитал приговор, в котором я увидела, за что меня обвиняют. В приговоре мне предъявлена ст. 58 п. 10. — за контр. революц. агитацию. Но агитацией я никогда и нигде не занималась. Муж мой работал на заводе КПФ в Муроме в качестве юриста — я же была на его иждивении — никогда, ни я, ни мой муж, не допускали даже контр. революционных мыслей.

Я родилась в Эстонии в семье бедного рабочего (тогда Эстония принадлежала России) жизнь моя протекала в самых плохих условиях и я вынуждена была из Эстонии выехать в Россию в поисках работы. В России я вышла замуж и больше в Эстонию не возвращалась, а также не имела письменных связей, потому что переписку вести было не с кем. Родители мои умерли еще в 1908 году.

Пролетарская революция открыла дорогу рабочим и крестьянам — раз и навсегда раскрепостила женщину и допустила ее наравне с мужчиной к управл. государством и объединило нацменьшинства. И я стала настоящей советской женщиной — так разве я могла думать о какой-то контр. револ. агитации? Нет! Нет и нет! Ни мыслями, ни действиями я в этом никогда участия не принимала и приписываемое мне обвинение по ст. 58, это какая-то горькая ошибка — я совершенно не виновата, агитацией я не занималась никогда в моей жизни и даже не вступала ни в какие политические разговоры ни с одним человеком. Тройка НКВД подошла к обвинению меня шаблонно, заставила меня испугавшуюся до безумия женщину подписать 10 летний приговор. В то время 4-го января 1938 г., когда меня первый раз за всю жизнь допрашивал следователь, я еще раз повторяю, ничего не соображала. Следственные органы воспользовались

моей растерянностью дали мне подписать чистый бланк протокола — так разве я виновата?!

Нет, виновности я за собой не признаю и прошу Вас гр-н Народный Комиссар Гос. Безопасности СССР меня из-под стражи освободить. Пробыв в заключении 2 с лишним года в отдаленной местности СССР я несмотря на то, что я совершенно невиновна, я с первого же дня и по настоящее время работаю не покладая рук, работаю честно, не имея никаких замечаний — работаю и жду от правосудия какого-либо снисхождения.

А между тем теперь — именно теперь, когда Советский Союз вступил в план 3й сталинской пятилетки, теперь, когда великий Сталин постепенно стал поворачивать руль перехода от социализма к коммунизму — то именно теперь как никогда, как только хочется работать на свободе, гореть в этом могучем котле пламени Великой родины.

Я прошу Вас дать мне эту возможность, возвратить меня к моим родным и товарищам, где я не смотря на мой 50 летний возраст докажу на практике свою преданность искренним трудом. Я тоже хочу строить коммунистическое общество, которое несет всему миру великое счастье.

Прошу даровать мне свободу.

29/ III-40 г. К чему. Подпись Е. Меликова»⁷.

Подпись сделана иным почерком, явно отличным от почерка всего письма. Видимо, она не сама писала, кому-то, диктовала. Окончание написано по навязанному «трафарету». Не могла же она искренне стремиться строить коммунизм. Запрещены были не только действия против советской власти, но и мысли. Не могла она быть социально опасным элементом для советской власти. При допросе Н. А. Меликов в графе, «чем занималась жена до революции», указал: «Служащая и была в доме терпи-

мости, до 1920 г. подданная Эстонии⁸».

Зачем понадобилось сажать обыкновенную немолодую домохозяйку? Ответ напрашивается один — просто чтобы избавиться от нее и воспользоваться ценным имуществом. Описано оно не было, как выяснилось. Кому оно попало, где еще «всплывут» вещи из этой коллекции?

Адрес, по которому в Муроме проживали Меликовы, до сих пор существует — Ремесленная слободка, 1. Спросите у Яндексa и можете взглянуть на дом, или, скорее, на место, где был тот дом. Его могли перестроить. Там стоит стандартный домик в три окна по главному фасаду, теперь обшитый сайдингом. В «Оценочной книге Мурома 1913 года»⁹ слободка еще называлась Напольной. Под номером один значилось имение помещицы Дм. Ник. Серпуховитинова: деревянный одноэтажный флигель с надворными постройками на арендованной у города земле. Там же записано, что в 1928-м году дом купила Лидия Михайловна Ларионова, та самая, что дала показания против своих квартирантов. Недолго после этих событий она там прожила, 4 мая 1938 года она продала дом за 5 тысяч рублей. Он и еще раз был продан. В 1957 году (судя по последней записи в той же книге) им владели наследники Ивана Максимовича Киселева. Дом на месте, но вопросы задать некому.

Музейная легенда о некоем миллионере из Баку теперь наполнилась фактами, документами и даже иллюстрациями. Выстроилась вся печальная судьба Никиты Андреевича Меликова столь характерная для того времени.

¹ Отчет музея за 1938 г. // МИХМ. ВА 2-4-1. (НА-158). — С. 157.

² Инвентарная книга № 25 // МИХМ. Научный архив. — НА № 97.

³ См.: Купряшина Т. Б. Портрет с тремя неизвестными // Сообщения Муромского музея — 2014. — Владимир, 2015. — С. 5-10.

⁴ Там же.

Т. Б. Купряшина. Некий «бывший» Меликов

⁵ Акт № 21, 23 за апрель 1938 г. // МИХМ. НА №140. (ВА 9-1-1-48).

⁶ Уголовное дело № 149-П // Управление ФСБ России по Владимирской обл. Архив. — Т. № 1. — Л. 31-32.

⁷ Там же. — Л. 35.

⁸ Там же. — Л. 10.

⁹ Оценочная книга Муром 1915 года // БТИ. Архив. — Кн. № 4. — Л. 1015об.

МИНИАТЮРНЫЙ ПОРТРЕТ С. С. УВАРОВА НА ФИНИФТИ ИЗ СОБРАНИЯ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Миниатюрный портрет графа Сергея Семеновича Уварова (1786-1855), известного российского министра просвещения, выполненный в технике гризайли по эмали на медной пластинке, хранится в коллекции металла и кажется в ней «случайным»

Ил. 1. А. Н. Сальников (1817-1880?). Портрет графа С. С. Уварова по литографии А. Мауринна 1830-х (после 1835). Медь, живописная эмаль. Середина – третья четверть XIX в. (?) МИХМ

предметом (МИХМ. Инв. № М-4733. МТ-255). Вопрос учета и каталогизации небольшого муромского собрания финифти мной уже затрагивался, и о существовании этого изображения впервые было упомянуто в 2011 году¹.

Позже оно было опубликовано Ю. М. Смирновым в «Сообщениях Муромского музея – 2014» в качестве иллюстрации к статье о личности этого государственного деятеля². Произведение с обра-

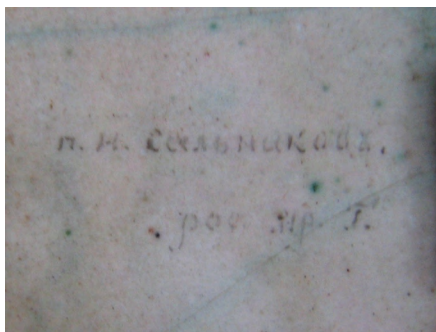
Ил. 2. Оборот портрета С. С. Уварова работы А. Н. Сальникова с надписями на контрэмали

лярного в девятнадцатом веке ростовского художника по эмали Николая Андреевича Сальникова

Иконография С. С. Уварова обширна и включает не только оригинальные работы художников, но и печатную графику, зачастую созданную на основе его известных портретов. Интересно найти место в этом ряду и эмалевому образу графа, по форме (прямоугольник), размеру (12,2x10,0 см) и монохромности напоминаю-

зом С. С. Уварова на финифти никогда не рассматривалось специально, не уточнялась и надпись на его обороте с именем мастера.

Целью настоящего сообщения является введение в научный оборот портретной миниатюры, дополняющей иконографическую галерею министра-реформатора. Публикация предъявляет портрет как ранее не зафиксированный среди подписных работ популярного

Ил. 3. Авторская подпись А. Н. Сальникова на обороте портрета С. С. Уварова

щему о более демократичном искусстве фотографа, со второй половины XIX века завоевавшем место, ранее принадлежащее художнику портретной миниатюры. Недавно в Сети появилось и ранее неизвестное фотографическое изображение графа С. С. Уварова в преклонном возрасте среди коллег (1850-е).

Миниатюра Уварова-старшего записана в документах музея вместе с фотопортретом его сына – Алексея Сергеевича, известного археолога (1825-1884). Запись произведена спустя тридцать лет после вывоза собрания графов Уваровых из их имения в Карачарове в 1918 году³. В 1948 году эмалевый образ кратко описан: «Портрет графа С. С. Уварова на финифти. Изображение поясное. Граф в шубе и сюртуке. На груди 2 звезды». При воспроизведении подписи художника на обороте есть неточности: «Н. Н. Сальников» (верно: «п. Н. Сальниковъ»). Запись в действующей КП 1982 года первую букву обозначает как «Л» заглавную (при публикации иллюстрации 2014 г. та же ошибка)⁴.

Прочтение в современных учетных документах – «П» как заглавной буквы, указывающей инициал имени, тоже неверно. В действительности это строчная «п» – сокращение от слова «писал». Полностью надпись на контрэмали возможно прочитать так: «Сергий Семеновичъ / УВАРОВЪ / п<исал>. Н. Сальниковъ / рост<ов?> яр<ославской?> Г<убернии?>»⁵. Для сравнения приведем текст на обороте одной из работ этого же ростовского мастера, воспроизведенный М. М. Федоровой: «Писалъ. / Художникъ / Николай / Сальников / оправлял / ИванНа / шахаловъ.»⁶. Несмотря на более краткий текст с сокращениями на муромском портрете, имя художника читается четко.

Совершенно очевидно, что он создан одним из самых упоминаемых ростовских эмальеров позапрошлого века Николаем

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

Андреевичем Сальниковым (1817-1880?). Про него известно, что он родился в Ростове в приходе церкви Воскресения Лазаря, что мастерство финифти освоил уже к тринадцати годам (1830). Позже был старшиной 1-го цеха ростовской Ремесленной управы (1850); затем получил звание некласного художника за портрет А. П. Брюллова (1798-1877) в Российской академии художеств (1855). Имя мастера в последний раз упоминается среди купцов в именном списке избирателей в Ростовской городской управе (1880). В этом же году его работы «десятилетней давности» (по А. А. Титову) экспонировались на ростовской выставке: образы Рождества Христова и Александра Невского; портреты Николая I и Александра II; академика живописи А. А. Васильева (1811-1879), автопортрет. Год этот считается последним в жизни мастера, хотя в метрических книгах Лазаревского храма смерть его не зафиксирована⁷. В фондах музея «Ростовский кремль» (ГМЗРК) хранятся комплекты финифтяных дробниц с Царских врат приделов этой церкви; один из них приписывается Н. А. Сальникову. В свое время он был «самым известным мастером финифти» и создавал эмалевые образы церковных праздников и святых. Однако этот художник более прославился своим умением писать портреты (согласно К. А. Фуртову).

В ростовском музее есть произведения, которые связывают с Сальниковым, однако среди них не выявлены фиксирующие имя этого мастера. Исследователями было установлено, что подписанные работы эмалиера хранятся в Москве в Историческом музее (ГИМ) и Третьяковской галерее (ГТГ), а также в Петербурге во Всероссийском музее А. С. Пушкина (ВМП). Все — портретные миниатюры, выполненные в технике гризайли. Они копированы с гравюр или дагерротипов, и специалистами определяются как невыразительные, слишком подробные, тщательные

**Ил. 4. А. Н. Сальников (1817-1880?).
Портрет графа С. С. Уварова по лито-
графии А. Маурина 1830-х (после 1835).
Фрагмент**

грязайли не раз использовалась эмальерами Ростова. В начале девятнадцатого столетия эта монохромная живопись стала обновлением для традиционного промысла: «Декоративный язык цветовых сочетаний был заменен выразительностью линии, силуэта и жеста». Нередко с ее помощью создавались композиции на основе западных гравюр (Библии Пискатора и др.). Штрих и пунктир заменили привычные приемы блика и плавии; основополагающими в передаче объема и пространства стали «свето-теневые моделировки — черты нового стиля». Позже лаконичная графика монохромной живописи ростовских мастеров чаще была связана исключительно с копированием гравированных образцов и ограниченными средствами.

и скучные. Однако, как замечает М. М. Федорова, «в чем нельзя отказать Сальникову, это в ювелирной точности владения кистью, пунктиром. Эмальерная техника в грязайли у Сальникова более совершенна, чем работа в цвете»⁸. Муромский портрет С. С. Уварова на финифти, выдержанный в коричневатом цвете с оттенком лилового, вполне вписывается в этот ряд и соответствует приведенным характеристикам.

В. И. Борисова констатирует, что техника

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

Соответственно — «индивидуального творческого начала в этих работах было мало»⁹.

При сопоставлении тщательного и суховатого образа С. С. Уварова на финифтяной миниатюре Н. Сальникова с оригинальными изображениями министра заметна скованность и ощутима зависимость от образца, но некоторое личностное отношение художника к модели проявляется в особой заостренности черт, придающей образу графа аскетический характер.

Сергей Семенович Уваров — выдающийся государственный деятель Российской империи первой половины XIX столетия, президент Академии наук (1818-1855), министр-реформатор народного образования, председатель Главного управления цензуры (1833-1849). Основатель университетов в Санкт-Петербурге и Киеве, Пулковской обсерватории, Археографической экспедиции, российского востоковедения, журнала Министерства Народного Просвещения; инициатор переводов «Илиады» (Н. И. Гнедич) и «Одиссеи» (В. А. Жуковский). Личность неоднозначная, получавшая диаметрально противоположные оценки современников и потомков. Европейец по образованию (Геттингенский университет), научным увлечениям (античная литература и искусство), кругу знакомств (И.-В. Гете, В. и А. Гумбольдты, Г.-Ф.-К. Штейн, Ш.-А. Поццо ди Борго, А.-Л.-Ж. де Сталь). Участник литературного общества «Арзамас», знакомец А. С. Пушкина (позднее мишень его же эпиграмм и недруг поэта). Забавно, что его даже нынче называют «одноклассником» Александра Сергеевича, что может в современном смысле фиксировать, что оба были в одной «социальной сети»¹⁰. Исторические же факты известны: Уваров старше Пушкина на 13 лет, а Царскосельский лицей был открыт в 1811 году, когда он уже завершил дипломатическую карьеру и начал новую на попри-

ще просвещения (назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа).

Сергей Семенович — разработчик теории официальной народности, обязательного изучения русской истории, противник адаптированных изданий для простонародья, так как считал, что дешевая литература препятствует умственному развитию¹¹. Ну, а наиболее всего он известен как автор триады, начертанной на его дворянском гербе (1846): «Православие. Самодержавие. Народность». Девиз этот удивительным образом актуален для российской идеологии не только в эпоху Николая I. А. В. Гулыга, советско-русский философ, назвал ее «формулой русской культуры». Очевидно, что и «в структуре современной российской идеологии просматриваются черты уваровской концепции»¹². Ричард Пайпс в своем очерке о С. С. Уварове констатирует, что личность его историками «либо незаслуженно игнорировалась, либо толковалась превратно». Он выражает недоумение, что «хотя этот человек умер более полутора столетий назад, ни на русском, ни на каком-либо другом языке не было создано его полной биографии»¹³.

С. С. Уваров был «выгодно женат» (1811) на Е. А. Разумовской (дочери предыдущего министра просвещения графа А. К. Разумовского). В обществе об этом браке много говорили и весьма нелестно в отношении мужа; жене прибавляли возраста и некрасивости. Супруга принесла с приданым 17 000 душ крепостных крестьян¹⁴, в том числе и муромских. В. И. Даль в посвящении министру просвещения на шмуцтитуле издания своей сказки об Илье Муромце называет Сергея Семеновича «высокоименитым вотчинником села Карачарова» (1836)¹⁵.

Ходили сплетни в свете и о нетрадиционных увлечениях С. С. Уварова, однако в семье благополучно воспитывалось три дочери и сын, образованию которого уделялось особое вни-

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

мание. Сергей Семенович «искренне желал, чтобы поколение, к которому принадлежал его сын, будучи европейски образованным „лучше знало Россию и по-русски”»¹⁶. Будущий ученый-археолог и основатель Государственного Исторического музея А. С. Уваров закончил сначала российский Санкт-Петербургский университет (1845), основанный его отцом. Потом продолжил образование в Берлине и Гейдельберге.

Не исключено, что эмалевый портрет отца именно он мог заказать ростовскому мастеру, не раз бывая в древнем городе, начиная с 1851 года. Как отмечено С. В. и Е. А. Сазоновыми, «имя графа А. С. Уварова тесно связано с Ростовом Великим». Он проводил здесь раскопки, собирал старинные рукописи и грамоты, спасал от разрушения архитектурные памятники. В конце 1870-х годов граф познакомился с Андреем Александровичем Титовым (1844-1911), который вспоминал, что именно Алексей Сергеевич своими «горячими речами» открыл ясно и определенно, какое драгоценное наследие предков гибнет в Ростове, в его историческом Кремле». Уварову-младшему (тогда председателю Московского археологического общества) принадлежит инициатива реставрации Ростовского кремля, для чего в октябре 1882 года была создана специальная комиссия¹⁷.

Если заказ портретной миниатюры действительно был осуществлен в Ростове Уваровом-сыном, то, вероятно, после смерти Уварова-отца (1855). Именно в этом году Н. А. Сальников и получил звание художника в Академии художеств. Могло это произойти и позднее, то есть в течение всей третьей четверти XIX века.

Наконец попробуем встроить рассматриваемый образ С. С. Уварова в его немалую «портретную галерею», привлекая для сравнения наиболее близкие ему по возрасту модели и особенности иконографии. Для данной задачи выбираем две порт-

Ил. 5. В.-А. Голике (1802-1848). Портрет графа С. С. Уварова. 1833 г. Холст, масло. МИХМ

ретные линии Сергея Семеновича. Одна из них представляет графа, развернутого влево (от зрителя вправо), где видна правая сторона его груди. Такие изображения зависимы (некоторые напрямую) от известного живописного портрета С. С. Уварова 1833 года работы немецко-русского художника В.-А. Голике (1802-1848). Авторские

подписные варианты этой работы хранятся в Государственном Историческом и Муромском музеях¹⁸. Граф в сюртуке и в накинутой шубе; на груди приколата звезда ордена св. Анны 1-й степени, которая, в отличие от всех других наград, носилась на правой, а не на левой стороне. Этим орденом Сергей Семенович был награжден в 1826 году; в 1827 к нему были пожалованы и алмазные знаки — «за труды по Академии наук». Ко времени создания портрета Уваров уже был награжден и другими орденами: Иоанна Иерусалимского (1802), св. Владимира 2-й (1816) и 1-й степени (1818). В этом ракурсе фигуры графа они не могли быть видны¹⁹.

На гравюре Н. И. Уткина (1780-1863), созданной с портрета Голике в 1836 году, звезда ордена св. Анны вообще

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

отсутствует (по крайней мере, на варианте, имеющем большее количество оттисков, хранящихся в нескольких музеях, в т. ч. ВМП). Беспощадна характеристика личности С. С. Уварова (в духе советского искусствознания), данная автором монографии о творчестве Уткина при описании этой работы гравера: «Некогда позерствующий либерал... стал... ярим реакционером... С портрета Уткина на нас смотрит лощеный красавец с холодными глазами карьериста, без искры человеческого чувства на застывшем, как маска, бесстрастном неприятном лице. Мастерство исполнения портрета ценится специалистами очень высоко. Однако при всем великолепии техники, гравюра все же носит отпечаток сухости. Резец здесь слишком регулярен, организован и геометричен. Объемы прорисованы четко, переходы от света и тени обозначены резко, контрастно положены блики»²⁰.

Зависима также от портрета С. С. Уварова, кисти живописца Голике, литография К.-И. Бегрова (1799-1875). Относят ее к 1830-м годам, как и акварель неизвестного художника, копированную, в свою очередь, с этой литографии (ВМП)²¹. На них граф показан со звездой ордена св. Анны, как в оригинале Голике.

Другая иконографическая линия, важная для рассмотрения публикуемой эмалевой миниатюры Уварова, связана с образами графа, где его фигура изображена развернутой вправо (от зрителя влево), где видна левая сторона его груди. В этом ряду образы Сергея Семеновича, созданные польским художником Яном Ксаверием Каневским (Каниевским. 1805-1867). Он был вольноприходящим учеником Петербургской Академии художеств (1827-1833), где получил звание академика (1845) во второй период пребывания в столице империи (1842-1846).

Один его портрет С. С. Уварова повторил в литографии

Ил. 6. А. Боссельман [литогр. с работы Я. К. Каниевского (1805-1867)]. Портрет графа С. С. Уварова (1786-1855). 1830-е(?). Оригинал – 1827-1833. МИХМ

французский гравёр А. Боссельман в 1830-е годы. Хранится она в Муромском музее (12х9,2 см)²². Поколенное изображение сидящего в кресле молоджавого мужчины, одетого в темный сюртук и жилет, белую рубашку с высоким воротником, колени укрыты плащом. Внизу под изображением надписи: «Kaniewskipinz» (слева); «Bosselman» (справа).

Вероятно, что оригинал Каниевского был создан в период его учебы в Академии художеств (1827-1833)²³. Догадка подкрепляется и тем, что на груди (соответственно, слева) изображена только одна звезда — ордена св. Владимира 1-й степени (по правилам ношения этой награды она никогда не снималась). Не изображена звезда ордена св. Александра Невского, которым Уваров был награжден в 1835 году, или знаки ордена Белого орла, полученного годом ранее (1834).

Наиболее известен живописный портрет С. С. Уварова работы Каниевского, заказанный ему Академией наук (1844), находящийся в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН)²⁴. На нем президент Академии изображен в мундире с несколькими знаками орденов. На левой стороне груди не только звезда ордена

Ил. 7. А. Морин/Маурин (Antoine Maurin, 1793-1860). Портрет графа С. С. Уварова. 1830-е (после 1835). Бумага, литография (издание Ж.-Р. Лемерсье, Париж). ВМП

на публикуемом финифтяном изображении Н. Сальникова, несмотря на тот же разворот фигуры графа вправо, что и в портретах Каниевского, тип внешности С. С. Уварова и некоторые детали (шуба) ближе к изображению Голике (несколько напоминая обратный перевод).

Именно такой компромиссный вариант образа Сергея Семеновича представил Антуан Морин (Маурин, 1793-1860), французский художник и гравер, на литографии, изданной в Париже в заведении Ж.-Р. Лемерсье (ВМП, поступила из ИРЛИ в 1953)²⁵. Под изображением слева: «A. Maurin 183...»

св. Владимира, но и звезда ордена Александра Невского (1835). На шее знак ордена Белого орла (1834), звезда которого при таком же знаке ордена Александра Невского не носилась. Два этих образа графа художника Каниевского (с разницей не менее десяти лет в возрасте портретируемого), представляют один определенный тип внешности Уварова, каким увидел его именно этот мастер. Его образ заметно отличается от иконографической линии Голике, рассмотренной ранее. Заметно, что

Ил. 8. Портреты С. С. Уварова А. Морина (литография) и А. Н. Сальникова (финифть)

(цифра стерта); справа: «Lith. de Lemercier». Ниже по центру факсимиле: «Уваровъ». Можно смело утверждать, что этот портрет создан во второй половине 1830-х годов, так как на груди графа две звезды орденов, одна из которых — Александра Невского (1835). В данном контексте среди работ этого французского художника интересна гравюра с портретом Николая I, исполненная А.-Г. Пейном (Albert Henry Payne, 1812-1902) по оригинальному рисунку Морины 1830-х гг. (?) (отпечатана в Лейпциге)²⁶.

Думается, что именно литография (16,7х10,4 см) с работы Антуана Морина, представляющая С. С. Уварова, послужила образцом для Н. А. Сальникова, ростовского мастера эмалевой портретной миниатюры, при выполнении образа графа на финифти в технике гризайли (12,2х10,0 см). Не исключе-

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

но, что при заказе граф Алексей Уваров сам мог предложить мастеру использовать данное изображение своего отца. При сравнении заметно, что на эмали иконография Морина в целом повторена. Заметное отличие только в том, что изображение у Сальникова поясное (вместо погрудного) и добавлен занавес, характерный для образов ростовской финифти. Присутствуют и мелкие различия в деталях, например, — окат рукава «с борами» у Н. А. Сальникова выглядит старомодным по сравнению с рисунком линии кроя у французского художника. Внешний облик Сергея Семеновича на литографии мягче и благовиднее, у ростовского миниатюриста он получился старше, суше и даже аскетичнее.

Представленный портрет С. С. Уварова дополняет портретную галерею графа, часть которой хранится и в музее Муром. Публикация авторской надписи Н. А. Сальникова на этой миниатюре расширяет круг подписных работ известного ростовского художника, находящихся в музейных собраниях. Теперь к коллекциям Третьяковской галереи, Исторического музея, Всероссийского музея Пушкина, обладающими такими произведениями, можно смело добавить Муромский историко-художественный музей.

¹ Сухова О. А. Коллекция финифти в Муромском музее (Краткий обзор и опыт классификации) // История и культура Ростовской земли. 2010. — Ростов, 2011. — С. 242. — Прим. 2. — С. 243; она же. Эмаль в Муромском музее. К вопросу о классификации и каталогизации «малых» коллекций // Сообщения Муромского музея — 2010. — Муром, 2011. — С. 88-89. — Прим. 2. — С. 116. Впервые рассмотрение миниатюрного портрета С. С. Уварова было предложено в нашем докладе на конференции «История и культура Ростовской земли» в 2015 году.

² Смирнов Ю. М. С. С. Уваров в дневниках цензора А. В. Никитенко: штрихи к портрету // Сообщения Муромского музея — 2012. — Владимир, 2014. — Ил. 1. — С. 94.

³ КП кн. № 44 // НА МИХМ №136. Запись 05. 06. 48 г. – Л. 100об.-102.

⁴ Там же; Смирнов Ю. М. Указ. соч. – Ил. 1. – С. 94; КП (действующая) кн. № 5. – Л. 138 об.-139. МИХМ. Инв. № М-4733. г. Муром, Карачаровское имение гр. Уваровых, 1918 г.

⁵ Расшифровка последней плохо различимой строки из трех сокращений предложена В. Ф. Пак, за что выражаю ей благодарность. Однако полностью нельзя исключить иное прочтение сокращений «рост» и «яр», т. к. в одном слабо различимы две последние буквы, а в другом – первая.

⁶ Федорова М. М. Мастера финифтяных дел из прихода церкви Воскресения Лазаря в Ростове // История и культура Ростовской земли. 2002. – Ростов, 2003. – С. 287.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: Борисова В. И. «Гризайль» в ростовской финифти // Народное искусство. Исследование и материалы. – СПб., 1995. – С. 114-116.

¹⁰ Панфилов Д. Г. Почему светские дамы пушкинского времени не носили нательный крест? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/04/16/1693>.

¹¹ Купряшина Т. Б. Два цензора Волшебного фонаря // Сообщения Муромского музея – 2012. – Владимир, 2014. – С. 82.

¹² Смирнов Ю. М. Указ. соч. – С. 100.

¹³ Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров. Жизнеописание. – М., 2013. – С. 3.

¹⁴ Карпович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб., 1874. – С. 281; Розанов С. С. Потомки казака Розума. – М., 2014. – Кн. 1. – № 36 (18). – С. 39-40.

¹⁵ Илья Муромец сказка Руси богатырской // Были и небылицы казака Луганского. – СПб., 1836. – Кн. 3. Шмуцтитул. См.: Сухова О. А. Муромский миф о богатыре Илье. История и современность // Уваровские чтения-IV. – Муром, 2003. – С. 7. – Сн. 4.

¹⁶ Стрижова Н. Б. Граф Алексей Сергеевич Уваров. – М., 2008. – С. 4.

¹⁷ Сазонов С. В., Сазонова Е. И. Московское археологическое общество и спасение памятников кремля Ростова Великого // Уваровские чтения. – Муром, 1990. – С. 22.

¹⁸ Купряшина Т. Загадки фамильных портретов // Антиквариат. – 2014. – № 3 (114). – С. 80-81. – Ил. 1.

¹⁹ Справка о наградах С. С. Уварова взята из текста М. Ф. Хартановича об Уварове. – С. 10 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

О. А. Сухова. Миниатюрный портрет С. С. Уварова на финифти

<http://www.ras.ru/presidents/19719861-86e3-4cse-853a-eddd447e382a.aspx?hidetoc=0>; Велижев М. С. С. Уваров в начале николаевского царствования // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/gam/ticket/7/1444393051032b3022b3349d1f0b4473be828ac157/Velizhev_Statija_Uvarov.pdf.

²⁰ Принцева Г. А. Николай Иванович Уткин. — Л., 1983. — Ил. с. 98; С. 102-103, 218. — № 264, 265.

²¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidents/ec50c745-154a-49fe-8fa0-03acd8456428.aspx?hidetoc=1>.

²² МИХМ. Инв. № 7245. 12X9,2; 26,2X20 (паспарту). О Боссельмане см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:afcj2il54cYJ:www.16vek.ru/index.php%3FproductID%3D1181+&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ru;http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:b0f5j3QkyAsJ:www.collo-dherbois.org/portraits/portraits18-19c/portrety-18-19;veka.htm+&cd=10&hl=ru&ct=clnk&gl=ru;http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FaXWCxKmk40J:www.europeana.eu/portal/record/2023831/kng_item_item_jsf_id_77201.html+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

²³ О Каниевском см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidents/942147ae-b663-4139-99c2-105dd163543a.aspx?hidetoc=0>.

²⁴ См.: там же.

²⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidents/ec50c745-154a-49fe-8fa0-03acd8456428.aspx?hidetoc=1>; https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=en&u=https://en.wikipedia.org/wiki/Antoine_Maurin_%28painter%29&prev=search.

²⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.avito.ru/moskva/kollektsionirovanie/imperator_nikolay_i._400_let_doma_romanovyh_652611690.

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ В СОБРАНИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

В книжном собрании Муромского историко-художественного музея значительную часть составляют издания с различными рукописными записями, пометами и т. д. Особый интерес вызывают книги с дарственными надписями. «В дарственной надписи в краткой форме заключена уникальная историческая, историко-культурная и психологическая информация»¹. Короткие строки являются ценным историческим источником, раскрывают мир взаимоотношений людей, помогают уточнить отдельные факты биографий владельцев книг. В данной работе остановимся на тех книгах с дарственными надписями, где жители Мурома выступают адресатами либо адресантами².

В конце XIX века в Муроме проживало почти тринадцать с половиной тысяч человек. Из них купеческого сословия — 640 человек, дворян — 248, 408 представителей духовенства³. Они оказывали влияние на развитие общественной, экономической и культурной жизни города. Многие являлись увлеченными краеведами, страстными коллекционерами, владельцами домашних библиотек. Друг с другом их объединяли общие деловые и собирательские интересы, соседские и родственные связи.

Один из ярких представителей купечества — Алексей Федорович Жадин (1886-1921). По воспоминаниям его внучки М. А. Казанковой, Алексей Федорович «был одним из тех молодых людей, которые составляли цвет муромской молодежи»⁴. А. Ф. Жадин снискал известность в городе и как коллекционер. Он собирал старинное оружие, предметы одежды, графику, книги. В его домашней библиотеке хранилась кни-

га Н. П. Травчетова «Подболотский могильник близ города Муром» (Владимир, 1910) с дарственной надписью автора: «Многоуважаемому Алексею Федоровичу Жадину... (неразб.) 1910». Николай Петрович Травчетов (1864-1914) занимал должности преподавателя и помощника смотрителя муромского духовного училища, вел активную общественную работу, увлекался краеведением. О себе он говорил: «Изучил Муром в его историческом прошлом»⁵.

На Полевой улице по соседству с А. Ф. Жадиным жил Иван Семенович Куликов (1875-1941) — академик живописи, собиратель коллекции этнографии, один из фондообразователей музея. Среди книг его домашней библиотеки находились и издания с дарственными надписями. Так, на томе воспоминаний И. Е. Репина читаем: «Ивану Семеновичу Куликову И. Репин. 1901. 22 марта» (Воспоминания, статьи и письма из заграницы И. Е. Репина. — СПб., 1901). Илья Ефимович Репин — наставник Куликова в Академии художеств — во многом помогал своему ученику. По ходатайству Репина весной 1898 года Куликова перевели из вольнослушателей в ученики Высшего художественного училища при Академии, а через три года, по рекомендации Ильи Ефимовича, Куликов иллюстрировал рассказы А. М. Горького⁶. Еще одна дарственная на книге из библиотеки Ивана Семеновича принадлежит И. Е. Цветкову (1845-1917) — банковскому служащему, известному коллекционеру, основателю частной картинной галереи, действительному члену Императорской Академии художеств с 1903 года. Иван Евменьевич Цветков родился в Симбирской губернии в семье бедного священника. После окончания математического факультета Московского университета поступил на службу в Московский земельный банк и сделал блестящую карьеру. С 1881 г. коллекционировал произведения русских художни-

ков. Вскоре собрание картин перестало уместаться в его особняке. И в 1899-1903 гг. по проекту В. М. Васнецова Цветков построил для коллекции двухэтажный каменный особняк в «русском стиле». В 1904 и 1915 годах Цветков издал каталоги своего собрания. На «Перечне картин и рисунков собрания И. Е. Цветкова» 1904 года выпуска есть рукописная надпись чернилами: «Уважаемому художнику Ивану Семеновичу Куликову на добрую память от И. Цветкова 13 сентября 1907». На издательской светло-коричневой обложке из плотного картона изображен дом Цветкова или, как говорили в Москве, Цветковская галерея. А в самом «Перечне...» на 52 странице указана картина И. С. Куликова «Пряха», написанная в 1903 году. Работа экспонировалась на Весенней выставке 1904 года в Петербурге и тогда же была приобретена И. Е. Цветковым для своей коллекции⁷. В музейной библиотеке хранится еще одна книга с надписью, адресованной И. С. Куликову. Это январский выпуск журнала «Старые годы» за 1910 год, посвященный Эрмитажу. Называется он «Императорский Эрмитаж – приобретения и перевески». Автором номера является Э. К. Липгарт. На обложке книги вверху надпись: «Ивану Семеновичу Куликову в добрую память от автора. Липгарт». Эрнест Карлович Липгарт (1847-1932) был известным живописцем, вел преподавательскую деятельность, в 1906-1929 годах работал в Эрмитаже главным хранителем Картинной галереи. И. С. Куликов учился у Э. К. Липгарта в школе Общества поощрения художеств. Книги с дарственными надписями Ивану Семеновичу говорят о том, что творчество художника получило заслуженное признание у ценителей живописи.

И. С. Куликов, Н. П. Травчетов, А. Ф. Жадин увлеченно занимались изучением местной истории и культуры. Одним из основателей краеведческого исследования Муромской земли

стал уроженец г. Смоленска Николай Гаврилович Добрынкин (1835-1902). Благодаря результатам своих изысканий, Н. Г. Добрынкин становится членом нескольких научных обществ — Географического (1874), Московского археологического (1878), Вольно-экономического (1878)⁸. Одну из своих работ Н. Г. Добрынкин преподнес И. П. Мяздрикову с надписью: «Многоуважаемому Ивану Петровичу Мяздрикову от автора 20/IX 1901 г.». Это отдельный оттиск статьи «Обретение древних антиминсов в Козмодамианской церкви в гор. Муроме» (Владимир, 1901). И. П. Мяздриков (1852-1931), происходивший из старинной купеческой семьи Мурома, также занимался краеведческой деятельностью, изучал историю природы Муромской округи. За многолетние исследования климата родного города И. П. Мяздрикова в 1890 г. утвердили действительным членом Главной физической обсерватории. Гербарий и альбомы с бабочками, собранные Иваном Петровичем, ныне хранятся в двух музеях: историко-художественном и школы № 16.

В здании школы № 16 до 1917 года располагалось реальное училище, воспитавшее многих известных деятелей, проявивших себя в науке и культуре. Некоторое время училище посещал будущий геолог и палеонтолог Валериан Николаевич Рябинин. В МИХМ сохранился отдельный оттиск статьи «Морские лилии главного девонского поля» Н. Н. Яковлева с дарственной надписью: «Дорогому Валериану Николаевичу Рябинину от автора». Николай Николаевич Яковлев (1870-1966) — геолог и палеонтолог, член-корреспондент Академии наук СССР (1921), автор учебника палеонтологии. Николай Николаевич был хорошо знаком с последним муромским городским головой, инициатором первой в городе газеты Константином Николаевичем Гладковым. Об этом свидетельствует дарствен-

ная надпись «Многоуважаемому Константину Николаевичу Гладкову от автора» на отдельном оттиске статьи Н. Н. Яковлева «Современные задачи палеонтологии и Палеонтологического Общества». К. Н. Гладков принимал активное участие в создании Муромского научного общества и организации при нем музея и библиотеки. Велась большая подготовительная работа, проводились консультации со специалистами в области музейного дела. Подтверждением этому служит небольшая брошюра «Устав Пермского научно-промышленного Музея естественно-исторического, сельско-хозяйственного и прикладных знаний», изданная в 1910 году в Перми. На первом листе приклеен лист официального бланка музея с краткими сведениями о его деятельности. Далее идет рукописный текст, адресованный Константину Николаевичу смотрителем Пермского научного музея. В письме сообщается, что «Устав...» выслан по просьбе Гладкова, идут пожелания успехов в организации музея и выражается надежда на последующее сотрудничество. Письмо за исходящим номером 86 датируется 18 июля 1916 года.

Известным в Муроме был род Зворыкиных. Представители этого рода проявили себя как предприимчивые купцы, активные общественные деятели, талантливые ученые. Например, Константин Алексеевич Зворыкин (1861-1928) – инженер-технолог в области технологии металлов. В собрании музея хранится несколько книг с дарственными надписями К. А. Зворыкину от разных авторов. На обложке книги С. Н. Реформаторского «Начальный курс органической химии» (Киев, 1900) есть надпись: «Многоуважаемому Константину Алексеевичу Зворыкину от автора». На машинописном сборнике практических упражнений по общей химии, составленном профессором М. Коноваловым (Б/м., 1900?) читаем: «Многоуважаемому Константину Алексеевичу Зворыкину 25/XI. 1900». Две

свои работы подарил и подписал К. А. Зворыкину профессор В. П. Ермаков. Это курсы лекций «Аналитическая геометрия» и «Дифференциальное исчисление», читанные им в Киевском политехническом институте в 1898-1899 годах. Обе книги в полукожаных переплетах. На корешке внизу суперэкслибрис в виде тисненых инициалов АЗ. Возможно, книги хранились в библиотеке отца Константина Алексеевича Зворыкина.

В собрании музея есть еще одна книга с дарственной надписью, адресованной представителю рода Зворыкиных, — «Православное исповедание кафолической и апостольской церкви восточной» (М., 1838). На листе перед титульным чернилами написано: «Петру Козьмичу Г<осподину> Зворыкину от священника Н.(?) Омофоровского в душевное наказание(?) 17 декабря 1864 года Г. Муром». У Петра Козьмича (1817-1893) 15 декабря умер отец Козьма Дмитриевич (1784-1864). Скорее всего, книга была преподнесена в связи с этим печальным событием.

С 1905 года настоятелем кафедрального Богородицкого собора города Мурома стал протоиерей Алексей Бобров. В 1866 году он окончил Владимирскую духовную семинарию. Епископом Владимирской епархии с 1863 по 1866 год был преосвященный Феофан — в миру Георгий Васильевич Говоров (1815-1894). В 1913 году вторым изданием вышла составленная А. Бобровым книга «Мудрые советы ищущим спасения, по письмам преосвященного Феофана из Вышинского затвора». Одну из книг этого тиража автор подарил муромскому иконописцу И. И. Патырину. Об этом свидетельствует надпись на титульном листе: «Достопочтенному и благостному старцу-труженику, иконописцу Ивану Ивановичу Патырину, на молитвенную память. От составителя. Мая 4 дня 1919 года».

Ученики средних и высших учебных заведений за успехи

в учебе и прилежное поведение могли быть награждены книгами. На форзаце «Нового завета», выпущенного в Петербурге в 1906 году, чернилами выведено: «Карачаровская школа за усердие и успехи Игониной Александре Графиня П. Уварова 10-го мая 1907 года».

Дарение книг являлось способом комплектования библиотек монастырей, учебных заведений, различных обществ и т. п. В собрании музея есть книги с дарственными, свидетельствующими о преподнесении изданий в библиотеки Богородицкого собора, духовного и уездных училищ, научного общества. Надписи на книгах обладают большим информационным потенциалом. Выявляя и расшифровывая автографы, можно установить круг дарителей, изучить провенанс⁹ книг, уточнить факты.

¹ Романова Т. А. Автографы и дарственные надписи на книгах в коллекции М. А. Усова (К биографии ученого) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/v/2009/v1.pdf>.

² Адресат – тот, кто получает сообщение, адресант – тот, кто адресует сообщение // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russkiy-na-5.ru/dictionary/paronyms/%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D0%BD%D1%82>.

³ Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. – Владимир, 1883. – Т. IV. – Табл. 1.

⁴ Казанкова М. А. Гражданин города Мурома – Алексей Федорович Жадин // Сообщения Муромского музея–2009. – Муром, 2010. – С. 81.

⁵ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 290.

⁶ Там же. – С. 284-285.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 294.

⁹ История владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождение // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gruzdoff.ru/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81>

ЕЩЕ РАЗ О СОСТАВЕ КЛЕЙМ МУРОМСКОЙ ИКОНЫ БОРИСА И ГЛЕБА

Икона «Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба в 20-ти клеймах», была храмовой в приделе Бориса и Глеба Троицкого монастыря в Муроме. Повествовательный

Ил. 1. Икона. «Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба». Перв. четв. XVII в. Муромский музей

Ил. 2. Икона. «Владимир, Борис и Глеб с житием св. Владимира». Сер. трет. четв. XVI в. Вологодский музей

репертуар относит ее к единичным сохранившимся памятникам древнерусского искусства, где представлено крещение Руси. Самый ранний — цикл миниатюр Радзивилловской летописи конца XV века — по домонгольскому протографу (БАН. 34.5.30)¹. На тему «Корсунской легенды» в эпоху Грозного созданы фрески в лоджии Архангельского собора Московского Кремля (между 50-70-ми гг. XVI в.)². Им были близки сцены в утраченной росписи «Золотой палаты» 1550-х годов. Кроме нашей, еще одна икона отражает событие 988 года — «Владимир, Борис и Глеб с житием святого Владимира в 16 клеймах»

середины — третьей четверти XVI в. (Вологодский музей)³. Все эти произведения имеют независимые версии. Муромская икона введена в научный оборот (1984); опубликована (2004); упоминалась в научных статьях⁴. Однако она недооценена как памятник уникальной иконографии. Сочетание редких сцен крещения Руси и более традиционных глеборисовских требует пристального рассмотрения. Сюжетный цикл ее был раскрыт недостаточно. «Разгадка» осложняется условностью композиций в клеймах, расположенных с произвольными перестановками и утратами поясняющих надписей к ним. Предлагаемая нами расшифровка также не исключает уточнений в дальнейшем.

Икону можно считать той самой, что находилась в 1623/24 гг. в местном ряду иконостаса Троицкого храма⁵. Видимо, она написана не позднее этой даты; не могла быть создана и ранее второй половины XVI века. Г. В. Хлебов «встраивал» ее в ряд московских «годуновских» икон⁶. Возможно, образ был патрональным для тезки царя — местного ктитора Бориса Цветнова. В 1643 году его сын, купец Гостиной сотни Тарасий, основал Троицкую обитель и построил каменный собор с приделом Бориса и Глеба, куда и перенесли их икону. В среднике два князя в шубах и шапках с воздетыми руками (без крестов и мечей) предстоят Троице. Прототип парных изображений Бориса и Глеба — древнейший образ из Вышгорода⁷. Иконография святых на иконе сходна с миниатюрой Сильвестровского списка «Сказания о Борисе и Глебе» второй половины XIV века (РГАДА. Тип. Ф. 381. № 53)⁸. Однако она вписывается и в круг произведений XVI-XVII веков. Владимир с XIV века изображался с сыновьями. Такие иконы были и в Муроме⁹. На публикуемой его нет в среднике, но зато в клеймах фактически представлено именно житие Крестителя Руси. В других иконах Бориса и Глеба иллюстрируется их история, а отцу отводят два-

Ил. 3. Средник иконы. «Борис и Глеб с житием Владимира, Бориса и Глеба». Перв. четв. XVII в. Муромский музей

три сюжета. Иконография восходит к Сказанию о них XI – начала XII века; проложному Житию князя Владимира; известиям летописи о нем и младших сыновьях. Муромская икона ближе всего к последней (ПВЛ под 986-987 г. «Сказание об испытании вер»; под 988 г. рассказ о крещении). Большинство клейм о выборе веры, женитьбе Владимира, его крещении и киевлян, одно – о раздаче городов; одно – про Святополка. Святым братьям уделено лишь четыре сцены.

Некоторые известия ПВЛ о Владимире, Борисе и Глебе – первом муромском князе, вошли в местную агиографию («Повесть о водворении христианства в Муроме» 50-60 гг. XVI в.). Необычный состав клейм можно объяснить связью с преданием о муромском крестителе – святом князе Константине, прибывшем из Киева с чадами Михаилом и Федором. Они почитаются как наследники князя Владимира по родству и по равноапостольному подвигу¹⁰. Уникальность изобразительной версии открывается при сопоставлении с летописными миниатюрами конца XV века; росписью и иконой грозненской эпохи. Особенности иконографии борисоглебских сцен выявляются при привлечении Сильвестровского

О. А. Сухова. Еще раз о составе клейм муромской иконы

1	2	3	4	5	6
8					7
11					9
12					10
14					13
15	16	17	18	19	20

Ил. 4. Схема клейм иконы. «Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба». Перв. четв. XVII в. Муромский музей

списка второй половины XIV века и житийных икон XIV-XVII веков.

Шесть клейм верхнего ряда нашей иконы подробно рассказывают о приеме послов и выборе веры князем Владимиром; о его походе на Корсунь и сватовстве к византийской царевне Анне. Композиции с тремя отвергнутыми посольствами и беседа с греческим философом не встречаются в других произведениях иконописи. Сюжеты восходят

к миниатюрам Радзивиловской летописи.

Клеймо 1. Владимир беседует о вере с послами от болгар-магометан(?) («Послани...»). Князь-старец с кудрявыми

Ил. 5. Клеймо 1

волосами и бородой, с городчатым венцом на голове и нимбом, в царском одеянии и с посохом, восседает на престоле. Перед ним два посла. Композиция отражает текст ПВЛ: «В льто 6494 (986). Придоша болгары въры бохъмичъ»¹¹. Она согласуется с миниатюрой Радзивиловской летописи, отличаясь по стилю и деталям (л. 48об., мин. 120). В росписи Архангельского собора нет сцен отвергнутых посольств,

как и на вологодской иконе.

Клеймо 2. Уход римских посланцев (?) из дворца кн. Владимира («Владимерь...»). Двое уходят из «палат» (вытянутые и динамичные фигуры). Юноша обернулся назад; «средовек» в недоумении — с жестом разведенных рук. Сцена следует тексту ПВЛ: «Потом же придоша нѣмьцы от Рима... Рече же Володимеръ нѣмцемъ: „Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть”»¹². Не показана

Ил. 6. Клеймо 2

беседа Владимира с папистами, а лишь ее итог. Полный вариант с немцами предъявлен в Радзивилловской летописи, где послы уходят в правой части миниатюры (л. 48об., мин. 121).

Клеймо 3. Владимир принимает послов от хазарских иудеев («Великии кн<я>зь Владимирь...»). С разночтениями (в позе и одежде князя: здесь он в плаще-корзно, как и далее) повторяется первая композиция, соответствуя тексту ПВЛ: «Се слышавшее жидове козарьстии придоша»¹³. Изображение близко миниатюре Радзивилловской летописи (л. 49, мин. 122). На ней пред сидящим на престоле Владимиром тоже две фигуры. Не исключено, что далее клейма (4 и 5) переставлены местами.

Ил. 7. Клеймо 3

Клеймо 4. Поход Владимира на Корсунь(?) (надпись стерта). Изображение лаконично: Владимир на коне и трое пеших мужей на фоне архитектуры. В левой руке князя

Ил. 8. Клеймо 4

Кавалькада воинов и на триумфальной грозненской фреске «Взятие Корсуни»¹⁶. На вологодской иконе процессия с пешим Владимиром и воинством (кл. 3).

Клеймо 5. Беседа Владимира с греческим философом (?) («...омь греческымь...»). Сцена зеркальна начальным композициям с приемом послов, но в ней есть кардинальные отличия, особенно в жестах персонажей, по которым ее можно определить. Пред Владимиром не два, а три «мужа».

Ил. 9. Клеймо 5

уздечка, в правой посох. Г. В. Хлебов не счел эту сцену походом на Корсунь, т. к. нет воинских атрибутов¹⁴. Адекватнее признать соответствие этой единственной в цикле композиции, где Владимир на коне, летописному повествованию: «В льто 6496 (988), идее Володимерьсь вои на Корсунь»¹⁵. В Радзивилловской летописи три миниатюры с «бесчисленным войском» (л. 60об.-61, мин. 132-134).

Кавалькада воинов и на триумфальной

Выделяется старец (философ?) с длинной бородой и в плаще, свисающем с плеч и перекинутом через левую руку; правая прижата к груди. Жесту мудреца вторит десница князя Владимира, приложенная к сердцу, что согласуется с ключевыми фразами летописного эпизода: «Посемь же прислаша гръци къ Володимиру философа, глаголюще... Володимер же положи на сердце своемъ, рекъ: «Пожду и еще мало»¹⁷. В предыдущих

публикациях эта сцена определялась как совет князя со своими боярами и констатировалось, что беседа с философом на иконе отсутствует¹⁸, как и на вологодской иконе. В Радзивилловской летописи общению князя с греческим мудрецом посвящено несколько миниатюр (л. 49об., мин. 123; л. 58, мин. 124, 125), а в грозненской росписи эта тема воплощена в торжественной композиции, перекликающейся с фреской Страшного Суда¹⁹.

Клеймо 6. Русские послы перед императорами Василием и Константином («Послани... Владимирь...») Посланцы на коленях пред стоящими византийскими правителями. Композиция условна, но в контексте вполне определима как летописный эпизод после завоевания Корсуни с требованием (сватовством) царевны: «Вниде Володимеръ въ град... и посла Володимеръ ко царема, Василью и Константину... яко сестру имата дъвою, да аще еъ не вдаста за мя»²⁰. В Радзивилловской летописи из девяти миниатюр «корсунской легенды» матримониальная тема на четырех. На первой Владимир отправляет гонца к императорам с предложением женитьбы на их сестре Анне (л. 61об., мин. 135). В вологодской иконе клеймо со сватовством утрачено, но фигура посланца (?) угадывается. В грозненской росписи царевна показана в сцене болезни Владимира. По одной из версий история Владимира и Анны запечатлена во фресках лестничных башен Софии Киевской первой половины XI века²¹.

Клеймо 7. Василий и Константин благословляют свою сестру Анну на брак с Владимиром («Ц<a>рю... Константин... <по>сла<ша>

Ил. 10. Клеймо 6

Ил. 11. Клеймо 7

Клеймо 8. Встреча Владимира с греческой царевной Анной (надпись стерта). Лапидарно показана встреча Анны: две фигуры в коронах в этикетных позах, с церемониальными жестами рук, обращенными друг к другу ладонями. Сцена маркирует, а не изображает эпизод по тексту ПВЛ: «Она же, съдъши в кубару, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню... и посадиша ю в полать»²³. В миниатюре Радзивиловской летописи невеста прибывает с людьми

Ил. 12. Клеймо 8

на корабле, на берегу ее ждет Владимир. (л. 62, мин. 137). На вологодской иконе репрезентативная сцена — царевна шествует со свитой (кл. 6).

Клеймо 9. Владимир принимает крещение («Велик... кн<я>з<ь> Владимерьприя... крещенеист...ы»). Иконография сцены необычна — не в купели, а в водоеме внутри пещеры в «горе». За ней видны крыши и башни града (Корсуня?) Князь показан сбоку, с непокрытой головой и без

нимба, обнаженным по пояс и стоящим в воде. Взгляд обращен вверх и говорит о чуде прозрения. Образ Владимира показывает перерождение язычника в христианина и летописно достоверен: «И повель хреститися. Епископъ же корсуньскый с попы царицины, огласивъ, крести Володимира. Яко възложи руку на нь, абье прозръ»²⁴. Но указание на крещение в храме проигнорировано, что может свидетельствовать о неизвестном архаичном протографе

Ил. 13. Клеймо 9

или о композиционном конструкте «по образцу». Лаконичная сцена по схеме близка евангельскому сюжету «Богоявления» («Крещения»). В Радзивилловской летописи и Владимир, и его дружина погружены в купель (л. 62об., мин. 139, 140). В грозненской росписи князя исцеляет царевна Анна; его крестит в купели и благословляет патриарх²⁵. В вологодской иконе, кроме наличия купели, композиции другие (кл. 7, 8, 9). В более поздней фреске Новоспасского монастыря (1689) крещение бабки Владимира — кн. Ольги, показано в той же устоявшейся иконографии — с купелью²⁶. На муромской иконе непосредственно под клеймом с крещением князя Владимира расположена сцена его женитьбы.

Клеймо 10. Брак Владимира с царевной Анной («Владимир прия брак со ц^а<a>риц^ю<ю>»). Иконографическая формула брака здесь уникальна. Молодожены сидят на одном престоле и обращены друг к другу. Склоненные головы в зубчатых коронах и синхронные жесты рук подчинены «характерному для средневековья этикету ситуаций»²⁷. Надпись к клейму точно маркирует изображение и иллюстрирует эпизод ПВЛ:

Ил. 14. Клеймо 10

«недостающее звено» находится на муромской. «Этикетные» изображения правящих супругов встречаются в иконописи, не являясь «живописной формулой» брака. Иконография его в образах пира и венчания разработана в Лицевом летописном своде (1568-1576). Исключительность нашей сцены можно объяснить архаичным протографом²⁹.

Ил. 15. Клеймо 11

«По крещеньи же приведе царицю на браченъе»²⁸. В лаконичной композиции проявляется церемониальный характер, присущий средневековой культуре. В Радзивилловской летописи имеются подобные сцены, но они показывают не супругов, а иные пары персонажей. Цикл о женитьбе заканчивается в ней перепиской с Анной (л. 62. мин. 138); иллюстрации брака нет, как и в грозненской росписи, и вологодской иконе; зато

Клеймо 11. Встреча Владимира с киевскими боярами (надпись стерта). Иконография условна, без деталей. Князь Владимир делает распоряжения. Может фиксироваться возвращение князя в Киев, соответствуя тексту ПВЛ: «Володимеръ же посемъ поемъ царицю и Настаса, и попы курсуньски, с мощми святого Климента... Постави же церковь в Курсуни на горь... а сам приде Киеву»³⁰. Вероятно, сцена указывает на приказ о мощах св. Климента (здесь нарочито

показаны храмовые ворота и персонаж с жестом рук, будто держащим невидимую реликвию). В вологодской иконе этой святине посвящены два клейма (кл. 10, 11).

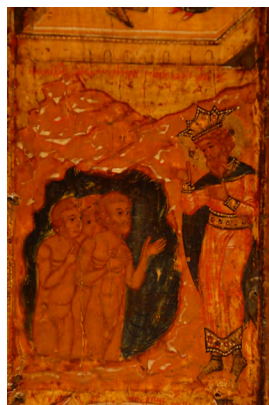
Клеймо. 12. Владимир отдает приказание уничтожить идолов(?). («Кн<я>зь Владимиръ посылаетъ посла... и»). Визуальная формула универсальна: князь отдает распоряжение коленопреклоненному слуге. По летописной логике речь

Ил. 16. Клеймо 12

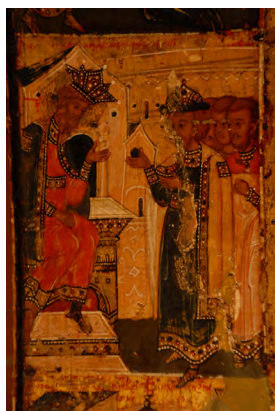
идет о ниспровержении идолов: «Яко приде, повель кумиры испровреци»³¹. В вологодской иконе князь Владимир осеняет десницей языческих служителей с кумирами в руках (кл. 12).

Клеймо 13. Крещение киевлян («Великии к<ня>з<в> Владимиръ крест... вся...»). Уникальная композиция показывает Владимира без духовенства. Он один крестит народ, что символизирует его роль равноапостольного святого. Перед ним открытый водоем с тремя фигурами. Сцена проста и выразительна; она маркирует, а не иллюстрирует событие, зафиксированное ПВЛ: «Наутрия же изиди Володимеръ с попы царицыны и с корсуньскими на Днѣпръ, и снидеса бещисла людей. Вльзоша в воду...»³². Заглавный эпизод в христианизации Руси не имеет отражения «в качестве подстрочной иллюстрации» ни в Радзивилловской летописи, ни «во всей области

Ил. 17. Клеймо 13

древнерусской миниатюры» (Д. В. Айналов). Отсутствие сюжета он объяснял потерей рисунков в протооригинале. Крещение киевлян есть в миниатюре болгарской хроники Манасии; в списке середины XIV века надпись: «Крещение роусом». Оно показано в речном потоке под горой, в отличие от иллюстрации с крещением болгар в купели. В число «просвещенных народов» мира руссы были включены в древние композиции в Софии Константинопольской. Подобные сохранились в церквах Осиос Лукас в Фокиде (ок. 1000) и св. Марка в Венеции (XII); имеются в миниатюрах Мадридской хроники Скилицы (ок. 1160)³³. Муромская сцена крещения киевлян в Днепре ныне фактически единственная в древнерусском искусстве. В грозненской фреске «Крещение Руси мощами св. Климента» на том месте, где должно бы развиваться погружение в воду — «сплошная деструктурированная штукатурка»³⁴. В сцене вологодской иконы показано не само таинство, а выход князя Владимира с духовенством и народом на берег (кл. 13).

Ил. 18. Клеймо 14

Клеймо 14. Владимир раздает земли сыновьям («...Владимерь... раздать... д...»). Правитель Руси сидит на престоле в короне; одет здесь в княжескую шубу. Перед ним сыновья; первый — Вышеслав(?), на его голове княжеская шапка. За ним трое сыновей без шапок — еще не получившие земли. Судя по отсутствию нимбов, главных героев — Бориса и Глеба — среди них быть не должно. Композиция сжато, но адекватно отражает текст ПВЛ: «Володимеръ же просвъщенъ самъ,

и сынове его, и земля его. Бъ бо у него сыновъ 12... И посади Вышеслава Новъгородъ... Умершю же старъйшему Вышеславу... посадиша Ярослава Новъгородъ а Бориса Ростовъ, а Гльба Муромъ»³⁵. Нет такой сцены ни в Радзивилловской летописи, ни в Сильвестровском списке, ни вологодской иконе. Раздача городов известна на более поздних циклах Бориса и Глеба — створах складня 1673 года (ГРМ); на их житийном образе последней четверти XVII века (Воскресенский собор, г. Тутаев); на иконе «Владимир, Борис и Глеб в житии» рубежа XVII-XVIII веков (ГВСМЭ). В этих произведениях иконописцы выделяют нимбами Бориса и Глеба среди других сыновей³⁶.

Шесть клейм нижнего поля показывают события, предшествующие гибели, и сцены убийства младших сыновей Владимира. В отличие от уже рассмотренных редких сюжетов, они известны в древнерусском искусстве. Однако иконография нашей краткой борисоглебской версии своеобразна.

Клеймо 15. Погребение Владимира в Десятинной церкви («...<б>лгове... кн<я>з Вла<димира>»). Формула изображения лапидарна: одноглавый храм, гробстелом князя; над ним две фигуры — епископ в крестчатой ризе благословляет усопшего, и юный дьякон с кадилом. Владимир в короне и княжеской шубе. Колорит в светлых тонах, с вкраплением охристых и киноварных. Композиция, согласно ПВЛ, констатирует захоронение князя в им же основанном храме, не уделяя внимания подробностям: «В лъто 6497(989)... помысли создати церковь пресвятыя богородица... в лъто 6523(1015)... в ней же болести

Ил. 19. Клеймо 15

и скончася месяца иуля в 15 день. Умре же на Бъррестовѣмъ... постав плачемъ, блаженаго князя иша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създавъ самъ... И положиша и в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженнаго князя»³⁷. На двойной миниатюре Радзивилловской летописи показан спуск тела умершего князя Владимира на землю на ковре в Берестове и положение его тела в мраморный саркофаг в Десятинной церкви Киева. Усопшего рисовальщик изображает в белых пеленах (л. 74, мин. 158). В Сильвестровском списке один эпизод в Берестове (л. 117). В клейме древнейшей житийной иконы Бориса и Глеба второй половины XIV века (ГТГ) тоже (кл. 2)³⁸. В другой иконе «Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» первой четверти XVI века (ГТГ) тело князя в белых пеленах показано дважды — его спускают в сани; заносят внутрь церкви (кл. 2)³⁹. По схеме муромское клеймо ближе сцене погребения на вологодской иконе (в зеркальном отражении). Усопший в княжеской одежде в гробу на фоне храма; над ним епископ с открытой книгой и персонаж, закрывающий крышкой гроб (кл. 16). На иконе из собрания В. Бондаренко первой половины XVII века «Князя Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба»⁴⁰ два эпизода: вынос тела в пеленах и его тайная перевозка (кл. 3, 4).

Клеймо 16. Святополк приказывает убить своего брата Бориса («Св<я>тополкъ призва к собе злых советники и п<о>сылаетъ убити св... Бор<и>са»). Сцена скупа: Святополк на престоле, одет в княжескую шапку и шубу. Подле него один персонаж, очевидно — Путша. О злом умысле, поведенном летописью, на языке невербальной лексики говорят их выразительные жесты: «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, оттай призва Путшу и вышегородскыя боярыць... он же рече имъ: „...шедше убийте брата моего

Бориса»⁴¹. В муромском цикле «Окаянный» показан только в этой сцене. Подробны и многолюдны эпизоды с ним в Радзивилловской летописи; братоубийцу еще показывают рядом со сценами злодейств (мин. 159, 161, 162, 163; л. 74, 74об., 75об., 76). В Сильвестровском сборнике другая и детальная сюжетная линия Святополка (123об., 128об., 130об., 135об.). В древнейшей житийной иконе Бориса и Глеба ему посвящено

Ил. 20. Клеймо 16

пять сцен. Муромская композиция напоминает соответствующий лаконичный эпизод этого произведения (кл. 6). В иконе с житием Бориса и Глеба первой четверти XVI века «Окаянный» показан в четырех сценах. Сначала с толпой киевлян (кл. 3). Муромская сцена по краткости ближе клейму, где Святополк отсылает слугу к Глебу (кл. 7).

Клеймо 17. Убиение Бориса («Убиении... князя Бориса»). На земле с открытыми глазами лежат Борис и Угрин; воин-«варяг» замахивается на них саблей. Князь в белом исподнем, шубе и шапке; отрок поднял руку, заслоняя его. Вместо летописного шатра — «град» и горка; нет других участников убийства: «И се нападоша акы звърье дивии около шатра и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ»⁴². В рукописях иные варианты гибели

Ил. 21. Клеймо 17

Бориса. В Радзивилловской опущен момент нападения на него в шатре; варяги добивают его в пути (мин. 162, л. 75об.). В Сильвестровском списке иллюстрируют его историю — от молитвы в шатре до перенесения тела (л. 123, 123об., 125об., 128). Своеобразна трактовка древнейшей житийной иконы святых страстотерпцев: беседа и сон о смерти с символическим изображением волка; молитва в шатре; убийство двумя воинами Бориса и отрока (кл. 9). В клейме иконы первой четверти XVI века в шатре сцена убийства многояднее (кл. 5), как и в композиции иконы первой половины XVII века из собрания В. Бондаренко (кл. 10).

Клеймо 18. Моление Глеба («<Благове>рны кн<я>з Гле<б> молится Хрис<ту>... своемье жъ получи будущия»). Князь в шубе и шапке показан стоящим в шатре (белого цвета с киноварными полосами) посреди пустыни (справа горка). Юный Глеб в молитвенной позе; обращен к сегменту «неба». Ни фигур злодеев, ни последующей сцены убийства на муромской иконе нет. Краткая изобразительная формула передает смысл и состояние «закланного агнца», описанное

Ил. 22. Клеймо 18

в ПВЛ: «Се слышавъ, Глѣбъ възпи велми со слезами, плачяся по отци, и паче же по брате, и нача молитися съ слезами»⁴³. В Радзивилловской летописи молитва Глеба показана пред походной часовней. Внутри Голгофский крест и десница Господа; нож — орудие злодейства. Слева два персонажа, один из них повар Торчин (?) — убийца Глеба (мин. 166, л. 77). Муромский шатер подобен тому, что изображен в четырех сценах

моления Бориса в Сильвестровском сборнике (л. 123, 125об.), где нет молитвы Глеба. Нет ее и в клеймах рассматриваемых икон XIV, XVI, XVII веков, как и на раме с житийными клеймами 1620-1630 годов (ГТГ)⁴⁴.

Клеймо 19. Тело Глеба лежит на земле между двумя колодами («С<вя>т<о>му праведнома страстотерп... ле<жашу> межъ колода»). Убитый Глеб в княжеской одежде лежит среди горок, с кустиком (колод не видно). Над ним полукруг «неба» с сиянием. Сюжет погребения Глеба в публикуемой иконе отсутствует; данная сцена соответствует лишь началу текста об этих событиях в ПВЛ: «Гльбу же уьбену бывшю и повержену на брезъ межѣ двѣма колодама, посемь же вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкви свягата Василья»⁴⁵. Эпизод есть в Радзивилловской летописи и Сильвестровском сборнике. В первой Глеб в рубахе лежит в пустынном месте; с двух сторон колоды (обрубки деревьев), рядом мужская фигура. Слева сцена со Святополком (мин. 168, л. 77об.). В Сильвестровском трижды показан Глеб в белых пеленах меж колодами и под носадом — лодкой (л. 135, 135об., 141). На древнейшей иконе этот эпизод по лаконизму коррелирует с муромским: князь лежит открыто и в княжеской одежде, но видны «колоды»; присутствуют два ангела (кл. 12). Сложнее композиция иконы первой трети XVI века, где тело Глеба в белой рубахе и красном плаще укладывают меж колодами; показаны ангелы, «небо» и пейзаж с горками. Подобное изображение и в верхней части клейма на раме

Ил. 23. Клеймо 19

1620-1630-х годов (кл. 10); «трио» ангелов над телом Глеба в сцене иконы из собрания В. Бондаренко (кл. 16). Д. В. Айналов заметил, что иконописцы «забыли» мотив прикрытия тела Глеба и представляют его «лежащим под открытым небом, без носада, иногда в лесу, иногда среди скал»⁴⁶. Именно таким образом этот эпизод изобразил и муромский иконописец.

Клеймо 20. Положение мощей Бориса в церкви Василия в Вышгороде (надпись стерта). Сцена идет за сюжетом с Глебом и могла бы показывать его отпевание. Иконописец, однако, указал на Бориса, нарисовав бородку, и зафиксировал момент в храме святого Василия в Вышгороде по тексту ПВЛ: «И положиша тьло его, принесе оттай Вышегороду, у церкви святого Василья»⁴⁷. Схема близка погребению Владимира (кл. 15), но изменен храм и присутствует еще один священник. Миниатюристы показывают погребение Бориса в пеленах (мин. 163, л. 76; л. 128об.). Выразителен летописный рисунок, где тело Бориса обернуто в белую ткань с кровавыми потеками. Муромское клеймо по простоте ближе к сцене погребения на древнейшей житийной иконе, где одноглавый храм и закрытый гроб (кл. 10). Мастер иконы первой трети XVI века дал сцену перенесения мощей святых, без погребений (кл. 11). Иконописец рамы 1620-1630 годов уделил им два похожих клейма; в последней сцене иконы из собрания Бондаренко показано погребение обоих братьев (кл. 20).

Ил. 24. Клеймо 20

Рассмотрение повествовательной серии публикуемой иконы и ее сопоставление с рядом изобразительных источников XIV-XVII веков на тему

житий Владимира, Бориса и Глеба показывает исключительность среди них муромской версии.

Следуя за летописным рассказом, она представляет собой уникальную комбинацию редких сюжетов крещения Руси Владимиром и своеобразных сцен истории гибели его младших сыновей. На иконе представлена подробная история выбора веры; необычный вариант крещения князя Владимира в водоеме. На ней присутствует единственное из сохранившихся изображение крещения киевлян в Днепре. Матримониальная тема имеет логическое завершение в оригинальной «формуле брака» князя Руси и греческой царевны Анны.

Лаконизм, условность, церемониальные жесты персонажей придают произведению изящную архаику. Иконография клейм напрямую не связана с другими житийными сериями, но она близка к миниатюрам Радзивиловской летописи и композициям древнейшей иконы Бориса и Глеба и почти не соотносится с иконописным репертуаром XVII века. Специфическая трактовка, простые иконографические формулы говорят о местном происхождении памятника и свидетельствуют о своеобразной локальной традиции прочтения жития Бориса и Глеба, особо почитаемых на Муромской земле.

¹ Радзивиловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М. В. Кукушкина. – СПб.-М., 1994. – Кн. 1-2; Пуцко В. Г. Княжение князя Владимира Великого по миниатюрам Радзивиловской летописи // ТОДРЛ. – СПб., 2004. – Т. 55. – С. 45-57.

² Самойлова Т. Е. Путь в Святую землю. Корсунская легенда в росписи лоджии Архангельского собора и ее диалог с наружными фресками Благовещенского собора // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. – М., 2009. – С. 651-652.

³ См.: Рыбаков А. А. Художественные памятники Вологды XIII – нач. XX в. – Л., 1980. – Кат. 54. – Ил., описание – С. 307. Икона. Вологда. 158x119. Инв. ВГИАХМЗ (ВОКМ) № 7811; Преображен-

О. А. Сухова. Еще раз о составе клейм муромской иконы

ский А. С. Иконография князя Владимира // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. 8. — С. 713.

⁴ МИХМ. Инв. № М-6665.115х80. См.: Хлебов Г. В. Житийная икона Бориса и Глеба из Мурома // ПКНО — 1982. — Л., 1984. — С. 263-274; Смирнова Э. С. Иконография Бориса и Глеба // Православная энциклопедия. — М., 2003. — Т. 6. — С. 59; Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004. — Кат. 20. — С. 168-173. — Ил. с. 169, 171-172. (Описание — О. А. Сухова); Преображенский А. С. Указ. соч. — С. 713; Сухова О. А. Крещение киевлян, ростовцев и муромцев в клеймах житийных икон Муромского музея // История и культура Ростовской земли. 2008. — Ростов, 2009. — С. 345-354; она же. Церковное венчание Петра и Февронии по редакциям жития и иконографии. К вопросу о редких изобразительных сюжетах в древнерусском искусстве // Сообщения Муромского музея—2012. — Владимир, 2014. — С. 216-218. — Ил. 3.

⁵ Сотная с Писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. // Памятники истории Мурома. — Владимир, 2010. — С. 53. В кратком описании источника не указано, какая эта икона — с клеймами или без.

⁶ Хлебов Г. В. Указ. соч. — С. 273.

⁷ Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. — М.-Л., 1958. — Т. 15. — С. 313, сн. 8.

⁸ Сказание о Борисе и Глебе: факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника. — М., 1985. — Л. 89а-116д. Факсимильное издание Сильвестровского списка (РГАДА. — Ф. 381. — № 53, 2-я пол. XIV в.) и др. борисо-глебских памятников из той же рукописи.

⁹ Сотная с Писцовых книг. — Л. 50. — С. 45 (иконы Георгиевской церкви); Книга Муромского уезду письма и межевания и меры Якова Колтовского да подьячего Романа Прокофьева. 1627/28-1629/30 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Кн. 284). — Л. 893-894об., 898, 928об. (иконы Муромского Борисоглебского монастыря). Благодарю С. В. Сазонова за предоставленную мне возможность ознакомиться с данным документом по сделанным им выпискам.

¹⁰ Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 г. — М., 2006; она же. «Святые семейства». Особенности почитания муромских святых // Уваровские чтения — VII. — Муром, 2011. — С. 89, 91-92.

¹¹ Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. (ПВЛ). —

М.-Л., 1950. – Ч. 1. – С. 59-60.

¹² Там же. – С. 60.

¹³ Там же.

¹⁴ Хлебов Г. В. – Указ. соч. – С. 267.

¹⁵ ПВЛ. – С. 75.

¹⁶ Самойлова Т. Е. Указ. соч. – Ил. 10. – С. 648.

¹⁷ ПВЛ. – С. 60, 74.

¹⁸ Хлебов Г. В. Указ. соч. – С. 274.

¹⁹ Самойлова Т. Е. Указ. соч. – Ил. 5-6. – С. 644-645.

²⁰ ПВЛ. – С. 75, 76.

²¹ Никитенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Историческая проблематика. – Киев, 1999. – С. 65-122; она же. Собор святой Софии в Киеве. История, архитектура, живопись, некрополь. – М., 2008. – С. 187-200. Более традиционна версия, что на фресках – св. кн. Ольга и имп. Константин. См.: Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. – Киев, 1989. – С. 113-162.

²² ПВЛ. – С. 76.

²³ Там же. – С. 77.

²⁴ Там же. – С. 77.

²⁵ Самойлова Т. Е. Указ. соч. – Ил. 13-14. – С. 149-150.

²⁶ «Креститель Руси». К1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира (24 июня-12 октября 2015 г., ГИМ). Буклет выставки / Автор текста С. С. Иванов. – М., 2015. – С. 5. См. фрагмент стенописи «Крещение княгини Ольги» 1689 г. (меловой грунт, водяные краски, темпера), поступивший в ГИМ из Новоспасского монастыря. Роспись была выполнена артелью костромских художников под руководством знаменщика В. О. Колпашникова.

²⁷ См.: Белоброва О. А. Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в. // Белоброва О. А. Очерки художественной культуры XVI-XIX вв. – М., 2005. – С. 300. Автор опирается на книгу: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – С. 88.

²⁸ ПВЛ. – С. 77.

²⁹ Сухова О. А. Церковное венчание Петра и Февронии по редакциям жития и иконографии. – С. 219-229.

³⁰ ПВЛ. – С. 80.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 80-81.

³³ Айналов Д. В. О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи

О. А. Сухова. Еще раз о составе клейм муромской иконы

// Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб, 1908. — Т. 13. — Кн. 2. — С. 307-323; Дуйчев Ив. Миниатюрате на Манасиевалетопис. — София, 1962. См.: «Фототипно издание на прочутата Манасиевалетопис», совместная публикация греческого издательства «Милитос» и Ватиканской библиотеки. 2007; Нефедова Н. Иконография Пятидесятницы. Сложный путь сложения образа // «Татьянин день». 22.07.2015 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1101264.html>.

³⁴ Самойлова Т. Е. Указ. соч. — Ил. 15. — С. 653-654.

³⁵ ПВЛ. — С. 83.

³⁶ Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе. — С. 324-325; Семенова С. Б. Святые благоверные князья Борис и Глеб. Житие в иконе. — М., 2015. — Кн. 3. — С. 16-17; Преображенский А. С. — Указ. соч. — С. 713.

³⁷ ПВЛ. — С. 83, 89.

³⁸ Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). Каталог собрания. — Т. 1. Древнерусское искусство X — нач. XV в. — М., 1995. — Кат. 58. — С. 134-136. Икона из Коломны; создана в Москве. 134x89. Инв.28757.

³⁹ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т. 2. — Кат. 410. — С. 60-61. — Ил. 17-20. Икона московской школы из собрания Г. Д. Филимонова. 138x120. Инв.14 247.

⁴⁰ И по плодам узнается древо. Русская иконопись из собрания В. Бондаренко. — Кат. 27. — С. 269-280 /Автор описания. В. Сорокатый. Икона в 20 клеймах. Поволжье. 93x90. Автор считает наиболее вероятным временем создания 1620-1630 гг. Стиль письма и характер изображений, на наш взгляд, близки к ряду икон муромского круга, но публикуемая архаичнее.

⁴¹ ПВЛ. — С. 90.

⁴² Там же. — С. 91.

⁴³ Там же. — С. 92.

⁴⁴ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Указ. соч. — Т. I. — Кат. 67. — С. 125-127. — Ил. 84-85. Новгородская икона XV в. На раме — житие 1620-1630-е гг. московской школы.

⁴⁵ ПВЛ. — С. 93.

⁴⁶ Айналов Д. В. Миниатюры Сказания о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1910. — Т. 15. — Кн. 3. — С. 91.

⁴⁷ ПВЛ. — С. 92.

НЕТРИВИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О «БЕЛОЧКЕ НА КЛИНКЕ» (К АТТРИБУЦИИ ПАРАДНОЙ САБЛИ ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА)

За все время существования Третьего рейха более чем сотня фирм приняла участие в изготовлении практически бесчисленного числа всех типов холодного оружия. Большая их часть, безусловно, располагалась на территории «Города Мечей», как поэтично именовали Золинген. На протяжении всего своего существования он являлся одним из признанных лидеров в мире по производству холодного оружия. Однако некоторое количество продукции выпускалось и за пределами главной кузницы страны, в таких городах, как Берлин, Рейнберг и Штерн. Определить, где выпущен клинок, можно по клейму. Как правило, клеймо проставлялось методом штамповки или вытравливания сразу под эфесом, по центру, на плоской части лезвия. Оно состояло из логотипа фирмы и (или) ее названия.

Ил. 1. Рисунок эмблемы
фирмы Карла Эхорна

Шпага и сабля оставались неизменными спутниками германских пехотных офицеров вплоть до середины Первой мировой войны и как элемент парадной формы — до конца существования вермахта в мае 1945 года. Согласно уставу, этот вид холодного оружия должны были носить все представители офицерского и старшего сержантского состава.

Ил. 2. Сабля парадная офицера сухопутных сил (Heer) Германии 30-40-е годы XX века. Муз. инв № М-17 О-28

Происхождение парадной сабли офицера вермахта из коллекции «Оружия и снаряжения» Муромского музея. Сабля парадная офицера сухопутных сил (Heer) Германии, 30-40-е годы XX века. Модель № 1734 «Zieten»¹. Клинок стальной, незначительно изогнутый, однолезвийный, с одним долом с обеих сторон, никелированный. Эфес блохеровского типа², состоит из рукояти и гарды. Гарда бронзовая, покрытая позолотой, с одной защитной дужкой, переходящей под прямым углом в крестовину рукояти, дальний конец которой загнут вниз по направлению к обуху клинка. В центре крестовины располагаются два декоративных щитика, на одном из которых отлита эмблема вермахта — орел со свастикой в лапах. Рукоять бакелитовая³, с горизонтальными желобками, перевитыми проволокой в несколько рядов по каждому желобку. Спинка рукояти сплошная, латунная, покрытая орнаментами из дубовых листьев, плавно переходящая в головку. Ножны стальные, окрашены в черный цвет, с одной гайкой и двумя обоймицами с кольцами и башмаком. Размер: длина в ножнах 93 см; длина сабли 90,5 см; длина клинка 79 см; ширина клинка 2 см. На правой пяте клинка выбита маркировка изготовителя

а)

б)

Ил. 3. а) рукоять сабли с эмблемой вермахта. Муз. инв. № М-17 О-28;
б) рисунок сабли из каталога оружия Карла Эйхорна

— клеймо в виде белки, держащей меч, и надпись «Eickhorn-Solingen». Свои изделия производитель всегда подписывал именем Карл Эйхорн и маркировал логотипом компании в виде белки. В разные годы белка крутила головой в разные стороны, хваталась за меч, порой раздваивалась, но со своего места никуда не девалась. Фирма Карла Эйхорна за промежуток времени с 1933 по 1945 года применяла для обозначения своих изделий четыре различных вида клейм.

Фирма была основана в 1865 г. и официально зарегистрирована в 1866 г. в Германии на земле Северный Рейн-Вестфалия, в городе Золинген. Это одна из известнейших золингенских фирм, специализировавшаяся именно на выпуске холодного оружия. Широко известно украшенное оружие этой фирмы, отличавшееся довольно высоким качеством.

Ил. 5. Клеймо военной приемки D.R.P (знак качества). Муз. инв. № М-17 О-28

Ил. 6. Клеймо фирмы Карла Эхкорна на сабле под эфесом. Муз. инв. № М-17 О-28

На крестовине сабли имеется клеймо военной приемки D. R. P. Многие экземпляры немецкого холодного оружия содержат аббревиатуру. Как и в современном производстве, фирма-изготовитель не может отступать от стандартов, введенных фирмой или организацией-патентообладателем. Фирма же правообладатель может ставить на клинке символы D. R. P., которые расшифровываются как Deutsches Reichs Patent и свидетельствуют о ее правах и о том, что дизайн этого изделия не может быть повторен другим производителем без предварительного соглашения.

Оружие, которое производилось в Германии подлежало обязательному прохождению контроля качества, что и удостоверялось знаком RZM. Это своеобразный аналог отметки ОТК на наших современных предприятиях. Нацистская служба контроля (Reichszengmeisteri) была образована в 1934 году для ведения строгого надзора за производством, ценообразованием и качеством продукции, выпускаемой для нужд партии. Любая фирма, занятая изготовлением униформы, наградных знаков или знаков отличия, а также другой аналогичной продукции, была обязана получить официальное разрешение от RZM и соответствующий контрольный номер.

В Золингене существовала специализация, т. е. определенная

CARL EICKHORN, SOLINGEN, GERMANY
Changed their name three times and their trademark
at least four times between 1865 and 1972.

CARL EICKHORN (1885 - 1886)
CARL EICKHORN & COMPAGNIE (1886 - 1921)
CARL EICKHORN WAFFENFABRIK (1921 - 1972)

Ил. 7. Четыре вида клейм фирмы Карла Эххорна

фирма разрабатывала свой дизайн для одного из официальных клинков, получала на него патент. В качестве примера можно привести предприятие Карла Эйхорна, которое было единственным, изготавливающим кинжалы для служащих технического корпуса (ТЕНО)⁴. Таким образом, определенные модели кинжалов были закреплены за конкретными производителями.

В период Второй мировой войны фирма Карла Эйхорна выпускала как разнообразные гражданские ножи, так и окопные ножи, штыки-ножи, а также немецкие форменные кортики, сабли и кинжалы, коих в германской армии насчитывалось очень большое разнообразие — на любой вкус и цвет. Во времена Третьего рейха фирма Эйхорна была включена в реестр производителей изделий с партийной и государственной символикой RZM. В этот период не было разделения «конкретная модель ножа — конкретная фирма», поэтому клеймо с белкой можно встретить на самых различных образцах холодного оружия — от эсесовских кинжалов и ножей для «Гитлер югенд» до простых пехотных окопных ножей образца

Ил. 9. Парадная форма офицера вермахта

1942 года. Кроме этого, фирма также изготавливала патроны, что не удивительно в военное время для фирмы, имеющей серьезное металлообрабатывающее производство.

По окончании Второй мировой войны, по понятным причинам, у предприятия дела шли весьма плохо. Огромных заказов больше не было, а немецкая армия в клинковом плане вооружалась старыми простыми моделями ножей, выполненных в стиле окопных ножей периода Первой мировой, напоминающих всем своим видом окопные ужасы, и фирма приложила свои руки к изготовлению этого ножа. Предприятие выпускало такие «страшные» ножи, чтобы свести концы с концами. Одновременно

предпринимались попытки выпуска и коммерческой продукции. В основном это были изделия для нужд других стран, ножи изготавливались по сторонним разработкам.

В 1976 году Carl Eickhorn Waffenfabrik AG была признана банкротом.

Окончательным преемником имени Карла Эйкхорна надо считать фирму, существующую в наши дни. Фирма эта — Original Eickhorn-Solingen Limited. Располагается фирма все там же, в городе Золинген. Но эта фирма уже не совсем

немецкая. Весь пакет акций этой фирмы принадлежит британцам — группе компаний LBA Systems Limited, которая, помимо собственника 100 % акций, является также владельцем бренда, всех патентов, всей интеллектуальной собственности и т. д. Так получилось в результате не самого лучшего управления компанией ее предыдущими владельцами, использовавшими имя Eickhorn. Но и под новым управлением компания успела обанкротиться... причем, несколько раз...

Компанию Eickhorn с ее историей производства холодного оружия, а также в ее нынешней ипостаси, смело можно считать одним из ведущих производителей на рынке высококачественного холодного оружия.

¹ Сабля названа по имени графа Ганса Эрнста Карла фон Цитена (1770-1848), прусского командира эпохи наполеоновских войн, генерал-фельдмаршала из аристократического силезско-бранденбургского рода Дехтофов, потомственного военного. После заключения Парижского мира назначен 3 октября 1815 года главнокомандующим прусским оккупационным корпусом во Франции. Награжден 9 февраля 1817 года российским орденом Св. Георгия 2-го кл. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>; Кулинский А. Н. Немецкие клинки и клейма. Справочник. — СПб., 2000. — С. 304; Ядловский А. Н. Холодное оружие Третьего рейха: кортики, кинжалы, штык-ножи, клейма. Каталог-определитель. — М., 2007. — С. 130.

² Эфес блюхеровского типа (рукоять). В середине XVIII в. в европейских армиях стали использоваться в легкой кавалерии сабли, рукояти которых были в верхней части изогнуты в сторону лезвия клинка, что делало более эффективным рубящий удар и несколько облегчало нанесение укола. При оптимальной длине крестовины нижняя часть защитной дужки оставалась на прежнем месте, приобретая ту самую характерную Р-образную форму. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.holodnoe-oruzhie.ru.

³ Бакелит — материал, представляющий собой первый вид пластмассы; это сильно вулканизированный каучук. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

А. С. Мохова. Нетривиальная история о «белочке на клинке»

⁴ Корпус технической службы TENO (нем. Technischenothilfe) был образован в 1919 году для оказания помощи населению Германии в случае стихийных бедствий. В 1939 году TENO стал техническим вспомогательным корпусом полиции, во время войны проводил большую работу в прифронтовой полосе и на оккупированных территориях, позднее вошел в состав армейских частей войск СС. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // russwords.com](http://russwords.com).

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИСТОРИЮ (ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ С ДОШКОЛЬНИКАМИ)

Детство — та часть жизни, в которой складывается характер человека, его отношение к себе и к окружающему миру, формируется мировоззрение личности, закладывается система ценностей. То, что упущено в детстве, очень трудно, почти невозможно, наверстать в зрелые годы.

В условиях обновления российского образования и реализации Федерального государственного стандарта, в том числе и в дошкольном образовании, много внимания уделяется патриотическому воспитанию детей. По мнению академика Д. С. Лихачева, оно, как и формирование у человека культуры и гражданственности, невозможно «без всестороннего комплексного изучения родного края»¹. Как раз музеи и могут стать базой для серьезной воспитательной работы такого рода.

Муромский историко-художественный музей, принимая и разделяя целевые ориентиры современной системы образования, уделяет большое внимание работе с самыми маленькими посетителями. С какого же возраста можно приводить ребенка в музей? Мировая практика показывает, что приобщение можно начинать уже с пренатального периода, транслируя еще не рожденному ребенку свои ощущения и эмоции от увиденного в музее. Однако наиболее продуктивной будет работа с дошкольником, начиная с четырех лет. Именно с этого возраста у детей формируется умение видеть, способность наблюдать, замечать, анализировать и размышлять над увиденным. В нашем музее ведется работа с малышами, начиная с пятилетнего возраста.

Опыт взаимодействия с дошкольниками показывает, что работа с такими детьми в музее может строиться по-разному.

Во-первых, следует использовать самую проверенную музейную форму: приглашать детские сады на разные экскурсии, проводимые в постоянных экспозициях либо на временных выставках. Количество таких посещений будет зависеть, прежде всего, от заинтересованности конкретного воспитателя, руководства детского учреждения, личных связей самого сотрудника музея. Такое взаимодействие возможно, но, на мой взгляд, малоэффективно, т. к. за одну экскурсию вряд ли можно решить серьезные задачи.

Во-вторых, возможна работа по запросам детских образовательных учреждений. Этому предшествует, как правило, большой подготовительный этап. Это и личные встречи с заведующими ДООУ, выступление на педсоветах в дошкольных учреждениях, выступления на городских методических секциях воспитателей, старших воспитателей, руководителей. После этого уже можно предлагать работать с музеем системно. В моем случае это совместные проекты, где музейный педагог является разработчиком и руководителем проекта, а воспитатели, дети, родители, а также сотрудники других городских учреждений (таких, как библиотека, Дом народного творчества, Дворец культуры) — партнеры.

Алгоритм разработки проекта прост:

1. Детский сад устанавливает контакт с администрацией музея, заключается договор о совместной работе.
2. Музейный педагог приходит в детский сад, где проходит обсуждение темы и проблем проекта, выслушиваются пожелания педагогов.
3. К началу учебного года музейный педагог составляет проект, в котором прописывается вся работа.

Ил. 1. Экскурсия «Здравствуй, музей». Проект «Русский богатырь из города Мурома»

4. В сентябре все это обсуждается с администрацией и педагогами детского сада; если необходимо — вносятся коррективы.

3. В это же время в детском учреждении проводится предварительная работа с родителями воспитанников. На родительских собраниях, проведенных в начале учебного года, родители знакомятся с программой взаимодействия с музеем и приблизительно стоимостью услуг, оказываемых музеем.

4. С октября начинается работа по осуществлению намеченных мероприятий.

Так были осуществлены следующие проекты:

— «**Муром — родина моя**», со старшей группой МБДОУ № 29 (См. Приложение 1).

Блок работы музейного педагога: одна экскурсия в музей: «Здравствуй, музей!» в Художественной галерее; две пешеходные экскурсии — «Самый древний монастырь в Муроме», «Улицы города рассказывают» и автобусная экскурсия

Ил. 2. Мастер-класс для дошкольников МБДОУ № 29 по изготовлению тряпичной куклы. Проект «История игрушек»

«Кремлевская гора — Муромский кремль». Итого: 4-5 академических часов.

— «История куклы» с МБДОУ № 29 (См. Приложение 2).

Блок работы музейного педагога: две экскурсии в музей: «Здравствуй, музей» в Художественной галерее, интерактивная экскурсия «Небывальщина»; три лекции-занятия, проведенные в музее («Путешествие в прошлое куклы», «Русские народные куклы», «Куклы наших бабушек») с показом музейных предметов. На одной из них был проведен мастер-класс по изготовлению народной тряпичной куклы. Итого: 5 академических часов.

— «Русский богатырь из города Мурома» со старшими дошкольниками МБДОУ № 52 (См. Приложение 3).

Блок работы музейного педагога: три экскурсии в музей: «Здравствуй, музей!», интерактивная экскурсия «Археология Мурома», интерактивная экскурсия по двум экспозициям «Муромцы — защитники земли русской», все — в Выставочном центре); две автобусные экскурсии — «Карачарово и Спасо-

Ил. 3. Коллективная работа с дошкольниками МБДОУ № 49 «Мой город в будущем». Проект «Живая старина»

Преображенский монастырь» и «Памятные места города, связанные с Ильей Муромцем» (по 2 академических часа). Итого: 7 академических часов.

– «История игрушек» с детьми старшей группы МБДОУ № 52.

Блок работы музейного педагога: «Здравствуй, музей» в ВЦ, лекция-занятие «Как появились первые игрушки?» (с показом археологических игрушек IX-X вв., найденных в Муромском районе), экскурсия в ВЦ «История России в куклах и игрушках», экскурсия в экспозиции «Город и горожане» с показом народных деревянных и глиняных игрушек. Итого: 4 академических часа. Проводится аналогично проекту «История куклы».

Как видно из приведенных примеров, осуществление совместных проектов дает не только системные знания по истории родного города, но и приобщает ребенка к культурным ценностям и воспитывает музейную культуру, прививает первич-

Ил. 4. Мастер-класс по оригами на выставке «Красавицы и чудовища»
ные навыки умения оценивать предметы музейного значения
в реальной жизни.

В-третьих — участие музейного педагога в проектах, разработанных сотрудниками дошкольных учреждений. Так осуществлялась совместная работа с МБДОУ № 49 по проекту «Живая старина» в течение одного учебного года.

Блок работы музейного педагога состоял из двух экскурсий в музей: «Здравствуй, музей!» (Выставочный центр) и экскурсии с мастер-классом по временной выставке «Из века в век переходя»; две экскурсии по городу — одна пешеходная по центру города (1 акад. ч.), другая автобусная обзорная по городу (2 акад. ч.). Итого: 5 акад. часов.

В 2015/16 учебном году помогала в осуществлении дошкольного проекта МБДОУ № 3.

В-четвертых, работа по музейным образовательным программам.

В 2014 году была написана и внедрена программа для детей

Ил. 5. Интерактивная экскурсия «Небывальщина». Проект «История куклы»

с ограниченными возможностями «Музей, открытый всем».

Эта программа осуществляется, как правило, в летнее время, в течение трех месяцев, в том числе и с детьми старшего дошкольного возраста: две-три экскурсии в музей, проведение трех-четырех лекций с демонстрацией музейных предметов на базе реабилитационного центра. Иногда (в зависимости от самочувствия воспитанников) с ними проводятся виртуальные экскурсии с использованием электронной техники.

В 2015 году была создана музейная программа для дошкольных образовательных учреждений комбинированного вида «**Первые шаги в историю**» (для старших дошкольников с задержкой психического развития), которая успешно осуществляется.

Эта программа написана в соответствии с базовой программой детского сада для детей с задержкой психического развития, рассчитана на один учебный год. В нее включены экскур-

Ил. 6. Интерактивная экскурсия с дошкольниками МБДОУ № 32 «Вы поедете на бал?»

сии по музею и городу и выездные занятия, которые проходят на базе дошкольного учреждения, где дети знакомятся с историей старинных вещей, взаимодействуют с ними и проговаривают свои действия.

В-пятых: интерактивные экскурсии и мастер-классы с дошкольниками. Мастер-классы в основном проводятся на временных выставках. Например, на выставке «Лоскутная радуга» дети учились крутить тряпичных кукол, на выставке «Красавицы и чудовища» делали из бумаги жуков и бабочек в технике оригами; на выставке художника В. Кокурина учились рисовать цветы в разной технике, используя кисти и ватные палочки; на выставке Зураба Церетели создавали коллективную работу «Подсолнухи»; на выставке «Из века в век переходя» учились рисовать сюжетные композиции, используя акварельные краски, а еще выполнили коллективную аппликацию «Город Муром в будущем» и проч. На интерактивных

Ил. 7. Интерактивная экскурсия «Муромцы – защитники земли русской» с дошкольниками МБДОУ № 52. Проект «Русский богатырь из города Мурома»

экскурсиях останавливаться не буду, об этих приемах уже упоминалось в моей статье «Современная экскурсия: проблемы коммуникации в музее»².

В-шестых. С начала 2015-2016 учебного года начали осуществляться выездные лекции для старших дошкольников. Прежде всего, в сады, удаленные от музея (например, в микрорайоне Вербовский).

Для того, чтоб вся проведенная в стенах музея работа с детьми нашла продолжение в дошкольном учреждении, была полноценной и качественной, а воспитатели могли воспользоваться опытом музейной педагогики, необходима обратная связь (консультативная помощь воспитателям, выступления на родительских собраниях, участие в проблемных семинарах и др.) Если в 2011 году с музеем эпизодически сотрудничали ДОУ № 6, 32, 29 и их посещаемость за год составила около

Ил. 8. Экскурсия в Карачарово. Проект «Русский богатырь из города Мурома»

100 дошкольников, то в 2015 эта цифра увеличилась в пять раз и составила 566 детей (до 14 декабря 2015 года), прибавились и новые учреждения — ДОУ № 3, 26, 43, 49, 52, 53, 54, 62.

Приложение 1

Проект «Муром — родина моя»

Автор проекта: Л. И. Глущенко, методист ведущей категории по музейно-образовательной деятельности Муромского историко-художественного музея

Целевая аудитория: дети старшего дошкольного возраста МБДОУ № 29.

Период работы: с 01.09.2013 по 15.06.2014 года (один учебный год).

Актуальность темы. Сейчас как никогда актуально патриотическое воспитание подрастающего поколения. Дошкольное детство — важный этап в становлении личности человека. В эти годы закладываются основы нравственности, формируется первоначальное представление об окружающем, этические нормы, воспитываются патриотические чувства. Одним из приоритетных направлений гражданского и патриотического воспитания является краеведение как эффективное средство воспитания базиса личностной

культуры ребенка. Основной источник впечатлений дошкольников — их ближайшее окружение, та среда, в которой они живут. Именно поэтому так важно познакомить малышей с домом и улицей, с родным городом и его достопримечательностями, а вместе с тем воспитать не только уважение и гордость за свою малую родину, но и желание сохранять, приумножать богатство своей страны. Однако беседы воспитателей с детьми, мониторинговые мероприятия показывают, что знания детей в этой области недостаточные, поверхностные. Процесс приобщения дошкольников к краеведению достаточно сложен, требует продуманного отбора знаний, проектирования педагогического процесса на основе лично-ориентированного взаимодействия, интеграции средств, методов и различных видов деятельности детей. Как показывает опыт, метод проектов является наиболее эффективным в формировании системного подхода к развитию у детей старшего дошкольного возраста любви к родному краю.

Цель проекта: воспитание интереса к городу, желания сохранить его чистым и красивым.

Задачи:

1. Создание условий для формирования у старших дошкольников интереса к своему городу.
2. Формирование первичных знаний об истории Мурома.
3. Развитие устойчивого интереса к культурному наследию города и музею. Вызвать интерес к посещению музея. Уточнить и расширить представления о музее, музейной коллекции, экспонатах. Познакомить с правилами поведения в музее, общения с музейным предметом. Развивать навыки музейной коммуникации.
5. Продолжать учить детей ориентировке на улицах города, соблюдению правил безопасного передвижения.
6. Формировать экологическую культуру у детей и их родителей, желание принимать участие в проведении мероприятий по охране окружающей среды.

Предполагаемый результат:

— дети должны знать и называть:

место проживания: город, область, свой домашний адрес и адрес детского сада; название центральных улиц города (Московская, Ленина);

названия некоторых объектов культурного наследия города: самый древний монастырь (Спасский), Художественная галерея и Выставочный центр Муромского историко-художественного музея;

символику города;

— испытывать радость от активного участия в благоустройстве помещений

Л. И. Глущенко. Первые шаги в историю

и участков детского сада;

— соблюдать правила безопасности дорожного движения;

— дети и их родители могут проявлять интерес и желание посещать постоянные и временные экспозиции музея; бережно относиться к историческому наследию города.

Совместная деятельность по проекту:

1. Постановка проблемы перед детьми — «получение письма с сюрпризом», которое должно заинтересовать детей.

2. Решение задания-сюрприза, беседа с детьми: «Кто это? Почему письмо принесли именно в наш детсад? Где можно узнать подробную информацию?»

3. Экскурсия в МИХМ «Здравствуй, музей» с посещением фондов и разговором с научными сотрудниками.

4. Выполнение музейных заданий: схематическая зарисовка правил поведения в музее, запись детских рассказов: «Что я запомнил в музее?».

5. Совместная работа воспитателя, родителей и детей — сбор информации о родном городе (буклеты, открытки, книги, карты, значки, фотографии и т. д.).

6. Речевая деятельность детей по собранному материалу.

7. Целевая прогулка по близлежащим улицам около детского сада «Мы по улицам шагаем». Повторение адреса домашнего и детского сада.

8. Пешеходная экскурсия «Улицы города рассказывают». Маршрут: ул. Лакина (детский сад) — ул. Ленина — ул. Октябрьская — ул. Первомайская — школа № 5 — Спасский монастырь — Дом народного творчества — памятник Лакину.

9. Дидактические игры «Расскажи, где ты живешь», «Назови улицы нашего города», «Узнай, назови, что на фотографии».

10. Автобусная (или пешеходная) экскурсия «Кремлевская гора — Муромский кремль». Маршрут: ул. Лакина (детский сад) — ул. Ленина — ул. Октябрьская — Спасский спуск — Набережная реки Оки — Окский парк (Кремлевская гора) — площадь 1100-летия г. Муром (центр города).

11. Конструирование: «Сторожевая башня», «Крепость».

12. Познавательная беседа «Герб города Муром». Рассмотрение буклетов и иллюстраций в книгах о городе, фотографий, принесенных из домашних семейных архивов.

13. Смотр-конкурс рисунков и плакатов «Мой город — Муром».

14. Оформление зоны в группе «Муром — родина моя»: изготовление стенда фотографий (родители и дети, дети на экскурсиях по городу); рисунки и аппликации; интересные предметы (магниты, буклеты, значки, книги).

15. Подготовка атрибутов для творческой игры «Музей», «Путешествие по городу». Выставка семейных творческих работ «Мой безопасный путь в детский сад».
 16. Пешеходная экскурсия «Самый древний монастырь в Муроме».
 17. Создание условий для развития творческих игр: «Музей», «Путешествие по городу».
 18. Художественная деятельность детей «Мой славный город Муром», составление творческих рассказов «Каким я хочу видеть свой город?»
 19. Оформление выставки в детском учреждении «Муром – родина моя».
 20. Совместная с родителями акция «Цветы, наш детский сад» – посадка зеленых насаждений, оформление цветников на участках детского сада.
- Блок работы музейного педагога: одна экскурсия в музей: «Здравствуй, музей!» в Художественной галерее; две пешеходные экскурсии – «Самый древний монастырь в Муроме», «Улицы города рассказывают» и автобусная экскурсия «Кремлевская гора – Муромский кремль». Итого: 4-5 академических часов.

Приложение 2

Проект «История куклы»

Автор проекта: Л. И. Глущенко, методист ведущей категории по музейно-образовательной деятельности Муромского историко-художественного музея

Целевая аудитория: дети подготовительной к школе группы МБДОУ № 29.

Период работы: один учебный год (2012-2013).

Актуальность темы

Сегодня незаслуженно забыты народные игры и игрушки, традиционная русская кукла. Дети чаще всего играют с такими куклами, как Барби, Синди, Братц, Винкс, Человек-паук, воин-трансформер и т. д. В основе этих игр незатейливые действия: либо нарядить, нарисовать, подготовиться к конкурсу красоты, либо расстрелять, схватить, уничтожить, убить. Ясно, что такие игры вряд ли будут способствовать воспитанию в дошкольниках добрых чувств, отзывчивости, заботы, ласки. Родители чаще всего покупают те игрушки, которые ребенок просит, или то, что соответствует их материальным возможностям. Малыши же чаще подражают друг другу в выборе игрушки и просят купить им то, что предлагает реклама.

Дети дошкольного возраста очень сензитивны и восприимчивы ко всему новому. Поэтому познавательно-исследовательская деятельность, орга-

Л. И. Глущенко. Первые шаги в историю

низованная в экспозициях и на выставках музея, позволит заинтересовать малышей (а через них и родителей) и сделать их постоянными нашими посетителями.

В процессе продуктивной деятельности, присвоения ценностей культуры, у ребенка появляются и развиваются: творческое воображение, коммуникативные навыки, способность принимать позицию другого человека, основы его будущей рефлексии, что обязательно пригодится в школе.

Цель проекта: формирование у детей 5-7 лет интереса к истории и культуре русского народа через знакомство с историей куклы, ее значения для жизни взрослых и детей.

Задачи:

1. Дать элементарные знания об истории возникновения кукол.
2. Продолжать учить детей изготавливать кукол своими руками из разных материалов.
3. Воспитывать интерес к русской народной кукле и бережное отношение к культуре своего народа.
4. Развивать устойчивый интерес к музею и его коллекциям.

Вызвать интерес к посещению музея. Уточнить и расширить представления о музее, музейной коллекции, экспонатах. Познакомить с правилами поведения в музее, общения с музейным предметом. Развивать навыки музейной коммуникации.

6. Развитие творческих, познавательных способностей и сенсорного опыта как средства подготовки детей к школе.

Предполагаемый результат:

- повышение интереса дошкольников к музею;
- привлечение в музей взрослых (родителей, бабушек, дедушек);
- развитие такой формы досуга взрослых и детей, как коллекционирование;
- создание в группе мини-музея «Кукольная страна»;
- создание картотеки детской и методической литературы по теме;
- проведение мастер-классов для детей, родителей и воспитателей ДОУ;
- разработка эскизов изготовления кукол;
- организация фотовыставки «Играем в куклы вместе с детьми»;
- обновление эстетического пространства группы;
- привлечение к работе над проектом 90 % родителей и детей группы;
- повышение компетентности родителей и педагогов по проблеме;
- пополнение и обновление предметно-развивающей среды группы;
- создание в детском саду фотовыставки по проекту.

Совместная деятельность по проекту

I. Познавательная-исследовательская деятельность:

1. Экскурсия «Здравствуй, музей!» в Художественной галерее.
2. «Путешествие в прошлое куклы» – занятие в музее (используя игрушки из собрания музея).
3. «Русские народные куклы» – занятие в музее.
4. «Куклы наших бабушек» – занятие в музее (используя игрушки из собрания музея).
5. Речевые ситуации – обследование игрушек, составление описательных рассказов.
6. Беседы – ситуативные разговоры в процессе чтения и рассматривания иллюстраций по истории и развитию кукольного промысла.
7. Интерактивная экскурсия «Небывальщина» в ВЦ музея.
8. Исследование кукол, изготовленных из разного материала.
9. Беседы с детьми «Как выглядели куклы раньше».
10. Составление творческих рассказов «Моя любимая кукла».

11. Коллекционирование кукол.

II. Продуктивная деятельность:

1. Рисование «Раскрась матрешку».
2. Лепка дымковской барыни.
3. Раскрашивание дымковской игрушки.
4. Изготовление тряпичной куклы «кувадка» на музейной площадке.
5. Изготовление куколок из соломы, мочала (на выбор).
6. Создание детской мастерской по изготовлению игрушек-кукол из разных материалов.

III. Игровая деятельность:

1. Создание условий для сюжетно-ролевых игр с куклами.
2. Решение проблемных игровых ситуаций.
3. Игровые упражнения.

IV. Музыкальная деятельность:

1. Прослушивание музыки П. И. Чайковского «Детский альбом» («Болезнь куклы», «Новая кукла», «Марш деревянных солдатиков»).
2. Проведение досуга «Веселая ярмарка».

V. Формы и методы работы с родителями:

1. Выступление музейного педагога на родительском собрании: «Знакомство с проектом, его целями и задачами».
2. Выступление и проведение мастер-класса в детско-родительском клубе «Светелка» по теме «Русская народная игрушка» (проводит музейный

Л. И. Глущенко. Первые шаги в историю

сотрудник совместно с руководителем клуба).

3. Изготовление альбома «Моя любимая игрушка».
4. Организация фотовыставки «Играем в куклы вместе с детьми».
5. Участие в сборе коллекции «Куклы».
6. Совместная деятельность детей и родителей «Куклы своими руками».
7. Создание фотовыставки по проекту.

Блок работы музейного педагога: две экскурсии в музей: «Здравствуй, музей» в Художественной галерее, интерактивная экскурсия «Небывальщина» в ВЦ; три лекции-занятия, проведенные в музее («Путешествие в прошлое куклы», «Русские народные куклы», «Куклы наших бабушек») с показом музейных предметов. На одной из них проведение мастер-класса по изготовлению народной тряпичной куклы. Итого: 5 акад. часов.

Приложение 3

Проект «Русский богатырь из города Муром»

Автор проекта: Л. И. Глущенко, методист ведущей категории по музейно-образовательной деятельности Муромского историко-художественного музея.

Целевая аудитория: дети старшего дошкольного возраста МБДОУ № 52.

Период работы: два года (2013-2015 годы).

Актуальность темы

В настоящее время жизнь диктует необходимость возвращения к приоритетам любви к Родине. Детям необходимо знать и изучать культуру своих предков. Однако анализ современной ситуации показывает, что дошкольники страдают дефицитом знаний о выдающихся защитниках Отечества, о событиях военной истории нашей страны, о достижениях и величии исторического прошлого России.

Поскольку село Карачарово близ Муром — родина Ильи Муромца, особую значимость приобретает знакомство детей дошкольного возраста с жизнью древней Руси, ее героями, полководцами, героическими событиями, которые происходили в те далекие времена.

Цель проекта: воспитание интереса к истории родного города и чувства гордости за своих предков.

Задачи:

1. Познакомить с ранней историей города Муром.
2. Дать элементарные представления о том, как муромцы защищали свой город в древности.
3. Познакомить детей с былинами как жанром народного творчества.

4. Рассказать об истории былинного богатыря Ильи Муромца.
5. Развивать устойчивый интерес к культурному наследию нашего города
Вызвать интерес к посещению музея. Уточнить и расширить представления о музее, музейной коллекции, экспонатах. Познакомить с правилами поведения в музее, общения с музейным предметом. Развивать навыки музейной коммуникации.
6. Развивать творческие, познавательные способности и сенсорный опыт как средства подготовки детей к школе.

Предполагаемый результат:

- повышение мотивации родителей и детей к изучению истории своего города и его героев;
- проявление творческой активности ребенка в познании окружающего мира и его самовыражение через творческую деятельность на основе новых впечатлений;
- знание характерных деталей одежды и доспехов богатырей;
- совершенствование диалогической и монологической речи, умение элементарно рассказать об Илье Муромце и др. русских богатырях;
- элементарное умение различать жанры литературы «сказка» и «былина»;
- создание в группе мини-музея «Наш былинный богатырь»;
- изготовление альбома «Богатырское оружие»;
- организация конкурса творческих работ детей и родителей «Русский богатырь из Мурома»;
- организация художественной выставки «Портрет папы в богатырском стиле»;
- дети и их родители могут проявлять интерес и желание посещать постоянные и временные экспозиции Муромского историко-художественного музея; бережно относиться к историческому культурному наследию города.

Совместная деятельность по проекту

1. Постановка проблемы перед детьми – «получение письма с сюрпризом», которое должно заинтересовать детей.
2. Решение задания-сюрприза, беседа с детьми: «Где можно узнать подробную информацию?»
3. Экскурсия в МИХМ «Здравствуй, музей». Здесь же просмотр видеоряда (или больших фотографий) с изображением различных достопримечательностей города.
4. Беседа с детьми об увиденном, организация декоративно-прикладной деятельности («Что запомнилось больше всего в музее?», «Правила поведения в музее»).

Л. И. Глущенко. Первые шаги в историю

5. Поход в городскую библиотеку — поиск информации об Илье Муромце, подбор книг о нем. Дать элементарное понятие о былинах.
6. Рассматривание репродукции картины «Три богатыря» В. Васнецова и составление рассказов по ней.
7. Просмотр мультфильмов «Добрыня Никитич» и «Алеша Попович и Тугарин Змей».
8. Интерактивная экскурсия в ВЦ музея на выставку «Археология Мурома».
9. Совместная работа родителей и детей по сбору материалов, связанных с Ильёй Муромцем, для создания в группе выставки (значки, магниты, фотографии, книги, игрушки, детские рисунки, аппликации, поделки и т. д.)
10. Чтение сказок, былин об Илье Муромце в группе и составление творческих рассказов на тему: «Если бы я был богатырем».
11. Декоративно-прикладная деятельность детей в группе по теме.
12. Автобусная экскурсия в Карачарово (на родину Ильи Муромца) и в Спасский монастырь (посещение придела, посвященного Илье Муромцу).
13. Совместная деятельность воспитателя, детей и родителей по организации мини-музея в группе «Наш былинный богатырь».
14. Подготовка атрибутов для игры «Музей».
15. Речевая деятельность дошкольников по предметам-экспонатам группового музея.
16. Организация условий для творческой игры «Музей».
17. Интерактивная экскурсия в выставочный центр «Муромцы — защитники земли русской» на двух экспозициях ВЦ.
18. Художественная деятельность по теме.
19. Совместная деятельность родителей и детей по изготовлению альбома «Богатырское оружие».
20. Организация строительной игры «Застава».
21. Продуктивная деятельность детей: рисование «Портрет папы в стиле богатыря земли русской», аппликация «Богатырский конь».
22. Беседа «Былинные богатыри — славные защитники родной земли».
23. Организация деятельности родителей по изготовлению богатырских доспехов (кольчуга, шлем, щит, меч) для праздничного утренника.
24. Разучивание песен, плясок к утреннику «Мы богатыри».
25. Утренник к 23 февраля «Мы богатыри».
26. Проведение конкурса творческих совместных (дети и родители) работ «Русский богатырь из Мурома».
27. Автобусная экскурсия «В гости к Илье Муромцу» (Окский парк — пл. 1100-летия г. Мурома — «Былинный камень» — макет бронепоезда

«Илья Муромец»).

28. Организация подвижных игр «Чья дружина быстрее соберется», «Пройди по бревну» и дидактических «Что нужно богатырю на службе и в бою», «Что лишнее?», «Собери богатыря в дорогу».

29. Итоговая интерактивная программа в ДНТ «Богатырские забавы».

Блок работы музейного педагога: три экскурсии в музее: «Здравствуй, музей!» в ВЦ, интерактивная экскурсия «Археология Мурома» в ВЦ, интерактивная экскурсия на двух экспозициях ВЦ «Муромцы – защитники земли русской»; две автобусные экскурсии – «Карачарово и Спасо-Преображенский монастырь» (2 акад. ч.) и «Памятные места города, связанные с Ильей Муромцем» (2 акад. ч.). Итого: 7 академических часов.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. – М. 2000. – С. 159-173.

² Глущенко Л. Современная экскурсия: проблемы коммуникации в музее // Сообщения Муромского музея – 2012. – Владимир, 2014. – С. 33-40.

ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МУРОМСКОМ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ (1990-Е — НАЧАЛО 2000-Х ГГ.)

Сегодняшние границы Муромского района определены 17 августа 1944 года, когда была сформирована Владимирская область, в которую и вошел Муром¹, в очередной раз поменяв административное подчинение. В основу территориально-административного размежевания была положена экономическая целесообразность — такая, какой ее видело правительство страны в конце войны². В результате деления часть земель по правобережью Оки, в течение многих веков входившая в область влияния Мурома, оказалась переданной в Горьковскую область. Таким образом были административно нарушены исторически сложившиеся хозяйственные и культурные связи Муромского края. Это, конечно, повлекло за собой усложнение и без того довольно запутанного изучения истории региона. Многократное переподчинение Мурома³, за тысячу лет превратившегося из столицы княжества в уездный город, привело к тому, что его история изучалась фрагментарно, как правило, в контексте истории других регионов, где ему уделялось незначительное внимание. В лучшем случае, это были упоминания⁴; в норме — полное игнорирование⁵. Едва ли стоит заострять внимание на том, что в годы советской власти систематических профессиональных исследований по истории Мурома практически не велось; по разным причинам ею занимались местные краеведы-любители со всеми вытекающими отсюда последствиями: недостаточной репрезентативностью работ, слабой источниковедческой

базой, несовершенным легендированием, отсутствием научного аппарата, идеологизированностью. Уровень их публикаций, осуществлявшихся, как правило, в городской периодической печати или местных многотиражках, значительно уступал основательности работ дореволюционных краеведов.

Тенденция к тематическому изучению муромской истории наметилась в самом конце восьмидесятых годов прошлого века. Прежде всего, здесь следует отметить несколько десятков статей о муромских святынях О. А. Суховой, вылившихся в опубликованную монографию «Иконы Мурома»⁶ (к работе над ней были привлечены и другие сотрудники музея) и две подготовленные к публикации книги. Тема муромских святынь в это время оказалась изученной наиболее полно. Исследования Т. Б. Купряшиной были связаны с жизнью и деятельностью А. С. и П. С. Уваровых, заложивших основы российской археологии⁷. В. Я. Чернышев занимался изучением купеческого Мурома⁸, а Е. И. Сазонова — быта горожан XIX в.⁹. Тогда же стали появляться и работы сотрудников музея, в которых рассматривалась история музея и формирования музейных коллекций¹⁰. Первой, и пока единственной, попыткой изложения целостной истории города и округа является написанная в 2001 году коллективом музейных сотрудников по заказу Управления образования «История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века»¹¹. Главной трудностью при работе над этим учебным пособием была лакуарность имевшихся в распоряжении авторов исследований и невозможность работы с архивными материалами, т. к. они хранятся в архивах других городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Нижнего Новгорода и др.

В 1995 году, после значительного перерыва, музеем была проведена этнографическая экспедиция. Эта экспедиция отли-

чалась от тех, что проводились в музее в прежние времена. В ранние годы работы музея основное внимание обращалось на археологические разведки. Поскольку проводивший их И. Богатов, долгое время работавший директором музея, страстный археолог-любитель, открытого листа не имел, то вместе с детьми из археологического кружка он проводил визуальное обследование местности, собирал подъемный материал, фиксировал обнаруженные памятники. В семидесятые годы, когда музей был филиалом Владимиро-Суздальского музея заповедника, проводились совместные закупочные экспедиции, но, по воспоминаниям сотрудников, заинтересованность в них муромских музейщиков была невелика. Так что проведенная в 1995 году поездка стала, по сути, первой полномасштабной закупочно-этнографической экспедицией музея. Работали по левобережью р. Оки, за пределами современного Муромского района, т. к. решили повторить маршрут экспедиции Г. Масловой, работавшей здесь в двадцатые годы.¹²

В последующие годы трудности с финансированием заставили искать новые формы организации экспедиций. В 1998 году на правах постоянно действующей экспедиции и обучающего органа при музее был создан Детско-юношеский научный краеведческий центр (ДЮНКЦ), концепция которого на несколько лет определила полевые исследования. В условиях провинциального города с ограниченным доступом детей и юношества к гуманитарной научной информации создание ДЮНКЦ позволило значительной группе учащихся приобщиться к современным проблемам гуманитарных наук, а также экологии и социального проектирования.

Центр ставил перед собой следующие цели: приобщение детей и молодежи к археологической, этнографической и охранно-экологической работе, сбору вещевых коллекций и факти-

ческого материала, камеральной и научной обработке музейных предметов; получение начальной профессиональной подготовки по ряду гуманитарных дисциплин (история, археология, этнография, фольклор, краеведение, музееведение, библиотекведение, архивоведение и т. п.); освоение навыков научно-исследовательской работы (написание рефератов, докладов, статей, участие в научно-практических семинарах и конференциях); патриотическое воспитание; привлечение студентов и учащихся на археологические раскопки и в этнографические экспедиции в период летних каникул; обеспечение комплектования коллекций МИХМ; приобретение навыков жизни в полевых условиях и освоения некоторых приемов и методов выживания в экстремальных условиях; разработка и освоение историко- и экологотуристических маршрутов. Таким образом, ДЮНКЦ предполагал проведение в регионе полного цикла профильной исследовательской деятельности — от полевых изысканий до юношеских научных конференций и подготовки научно-популярных изданий. Под осуществление проекта музей получил свой первый грант — грант Президента Российской Федерации.

На время учебного года музейным сотрудникам пришлось переквалифицироваться в преподавателей и методистов, а летом 1999 года восемь членов ДЮНКЦ вошли в состав закупочно-этнографической экспедиции. В круг своих интересов экспедиция включала сбор музейных предметов и проведение фольклорно-этнографических исследований. Экспедиция продолжила работу по маршрутам Г. Масловой, но теперь уже на правом берегу Оки и опять же на территории, ныне не входящей в состав Муромского района. Неожиданно оказалось, что участие школьников в работе экспедиции приносит неоспоримые преимущества: местные жители охотнее идут на контакт, с удовольствием отвечают на вопросы и гораздо охотнее рас-

стаются с вещами, которые заинтересовали музейщиков, причем, очень часто даже категорически отказываются брать за них деньги. В результате коллекции музея значительно пополнились, а также был собран интересный фактический материал¹³.

В том же году по инициативе Муромского историко-художественного музея было создано Региональное отделение Ассоциации музеев России «Музеи Нижней Оки», объединившее провинциальные музеи Владимирской, Ивановской, Нижегородской и Рязанской областей — городов Ардатова, Арзамаса, Вязников, Выксы, Гороховца, Касимова, Коврова, Кулебак, Навашина, Мурома, Павлова, Сарова, Шуи. Важной особенностью РО АМР «Музеи Нижней Оки» являлась его привязанность не к административному региону, а к культурному пространству, включающему смежные территории, входящие сейчас в несколько областей, но имеющие традиционные исторические, культурные и экономические связи. Деятельность Содружества должна способствовать сохранению и развитию культурно-исторической целостности этой территории. Эта целостность рассматривается, в частности, как общее информационное поле культуры и науки, научных и образовательных контактов, общее поле изучения и сохранения объектов наследия и связанной с ними культурно-исторической среды. Условная страна Содружества получила название Окландия, обзавелась собственным «правительством», территориальными картами, а, главное, музеи получили возможность совместного действия в рамках исторически сложившегося культурного региона. Сам процесс объединения был достаточно трудоемким, однако его преимущества сказались сразу же, подтвердив девиз Содружества: «Врозь — осколки, вместе — сокровищница».

Уже летом 2000 года был получен следующий грант Президента РФ на проведение Детской научной школы-

лагеря «Три кита». По сравнению с предыдущими экспедициями, деятельность лагеря была расширена и количественно, и по направлениям работы. Проект осуществлялся на территории Муромского района, но в нем уже принимали участие и сотрудники музея «Саровская пустынь» вместе с группой школьников. Базировались в лагере отдыха «Ясный». Всего работало 47 детей и 18 музейных работников и специалистов. «Китами» были три основных направления работы: этнография, археология и туризм (под туризмом понималось обучение детей навыкам жизни в полевых условиях и поведения в экстремальных ситуациях). За лагерную смену рабочие группы проходили ротацию, в результате чего каждая группа поработала на этнографических маршрутах, на археологических раскопках и разведках, пожила в полевом палаточном лагере. Собранный материал поступил в Муромский музей.

Проект следующего — 2001 года — получил грантовую поддержку на Пермской ярмарке социальных проектов Приволжского федерального округа. Участие в ярмарке стало возможным именно благодаря сотрудничеству Муромского музея с музеями ПФО. По условиям ярмарки проект был осуществлен на территории Навашинского района Нижегородской области, где базой стал оздоровительный центр «Озеро Свято». Кроме школьников из Мурома и Сарова, уже знакомых с экспедиционной работой, в лагере собрались школьники из населенных пунктов Нижегородчины. Персонал проекта из 37 человек занимался с 325 детьми. Поскольку с осени 2000 г. к проекту подключилась детская лаборатория «Экокультура» (г. Муром), направления работы расширились за счет экологической составляющей. Сложились следующие специализации, каждая из которых состояла из нескольких частей: археология (поисковая и экспериментальная — оружейная мастерская), этнография

(полевая и экспериментальная — гончарная мастерская), экология (охрана биологического разнообразия природного комплекса оз. Свято, игровая экология, экологический туризм). Кроме этого, было организовано музейное направление — все находки поступали в полевой музей, проходили камеральную обработку, после чего использовались в построении экспозиции, — а также направление по использованию компьютерных технологий в музейном деле. В день перед выездом в лагерь администрация Навашинского района уведомила участников проекта, что детей будет больше, чем запланировано, поэтому срочно пришлось ввести еще одно направление — театр фольклора. В таком виде проект получил название «Под защитой детства».

Основные трудности в работе были связаны с организацией взаимодействия с системой оздоровительного центра. Удивление вызывала заорганизованность, палочная дисциплина, командные методы общения с детьми, рутинность мероприятий, царящих в лагере. Несмотря на все просьбы сократить запланированную лагерную программу, руководство лагеря не захотело переориентировать ее на научную деятельность, тогда как вожаки проявляли большую заинтересованность в столь необычной для них работе.

Проект «Под защитой детства — 2», представленный на Саратовскую ярмарку социальных проектов и получивший там поддержку, представлял собой, по сути, уже апробированную модель. Проходил он летом 2002 года в лагере «Водопръ» Арзамасского района Нижегородской области. Главным его отличием было то, что в работе проекта принимали участие специально отобранные дети со всего Приволжского федерального округа (105 человек). Некоторые из ребят, прошедшие предыдущие экспедиции, но выросшие из «лагерного» возраста, были включены в проект волонтерами. Основными направлениями

работы оставались полевая и экспериментальная археология, полевая и экспериментальная этнография. Археологам в этом сезоне удалось поработать на полномерном раскопе мордовских средневековых могильников. Кроме этого, одна группа из экспедиционных сборов создавала музей реальный, а вторая — виртуальный, в Интернете. Для желающих проводились занятия по палеоастрономии. Туристическую подготовку проходили все. Археологи-экспериментаторы (оружейники) в процессе работы готовили снаряжение для следующего проекта — «Музейный экотранзит», который так же был поддержан на Саратовской ярмарке и проходил сразу после окончания лагерной смены.

Проект представлял собой ролевую игру — экспедицию на специально построенной копии древнерусской ладьи по маршруту Муром — Нижний Новгород. Научная проблематика экспедиции заключалась в реконструкции взаимоотношений общество — природа X-XI веков и сравнении ее с современной системой аналогичных отношений. В проекте принимали участие музейные сотрудники и школьники из Мурома, Арзамаса, Выксы, Павлова, Сарова. Команда ладьи была одета в специально изготовленную одежду а'la X век и вооружена реконструированным оружием того же времени. Параллельно движению ладьи по берегу реки шел автобус с другими членами экспедиции, которые проводили этнографические исследования побережья. На протяжении всего маршрута проводились экологические акции. Во время проведения одной из таких акций — уборки территории на озере Кусторке Павловского района — была обнаружена дюнная стоянка эпохи неолита, а этнографы привезли из села Мещеры подаренные местным жителем А. Н. Герасимовым серебряные монеты XVI века, которые он хранил с 1940 года. Попали они к нему чудесным образом: упали с неба вместе с дождем.

Дальнейшее развитие проектов предполагало, что в 2003 году будет несколько подобных лагерей на территории Нижегородской области, а сам проект превратится в движение «Под защитой детства». Поскольку в таком виде проект требовал огромной административной работы, обеспеченной полномочиями, одному музейному сообществу он был не по силам. Поэтому подготовленный и написанный сотрудниками Муромского музея проект был подан на Нижегородскую ярмарку социальных проектов от администрации полномочного представителя Президента в ПФО. Проект получил грантовую поддержку, но нас, несмотря на все предыдущие заверения, участвовать в нем не пригласили.

Таким образом, в условиях полного отсутствия бюджетного финансирования исследовательской работы, Муромскому музею удалось создать структуры, которые не только позволили проводить исследования, но и попутно способствовать решению важных социальных задач, связанных с организацией познавательной деятельности и активного летнего отдыха детей и молодежи. Выработанная модель весьма мобильна, при необходимости может быть дополнена или сокращена и, что весьма существенно, может «с колес» работать на любой территории. В отличие от школьных моделей краеведения, ставка делается не на усвоение какой-то суммы фактов по истории края, а на развитие навыков профессиональной работы, поиск этих фактов и их дальнейшую обработку. Кроме того, одним из результатов проекта можно считать то, что Муромский музей и ряд других музеев Содружества получили оргтехнику, экспедиционное оборудование, приобрели огромный опыт и пополнили свои коллекции. Достаточно сказать, что в начале восьмидесятых годов в фондах Муромского музея было всего два вышитых полотна. Сегодня их около двухсот.

Еще одним важным механизмом, не только активизирующим работу местных историков, но и позволяющим привлечь к муромской истории квалифицированных исследователей из других регионов, является проведение научной конференции «Уваровские чтения»¹⁴. Конференция проводится с 1990 года в память о создателе Императорского археологического общества графе А. С. Уварове и его жене П. С. Уваровой, ставшей председателем общества после смерти мужа. Их имение Карачарово сейчас находится в черте Мурома. Именно в этом имении А. С. Уваров нашел первую в средней России палеолитическую стоянку. Как и археологические съезды, проводившиеся Уваровыми, «Уваровские чтения» проходят раз в три года. Для каждой конференции определяется тема, проблематика которой по тем или иным причинам интересна для изучения истории Мурома. Таким образом, на каждой конференции не только пополняется база исследовательских данных, но и выявляется контекст, позволяющий определить место локальной истории Мурома в общеисторическом процессе.¹⁵ Конференция, имеющая официальный статус конференции муниципального музея, стала по сути международной: Шестые Уваровские чтения, проходившие в 2005 году, собрали более ста ученых из семи стран.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – 17 авг. – С. 4.

² Брыкин В. А. Реорганизация административно-территориального деления РСФСР в 1944 году на примере Горьковской, Ивановской и Владимирской областей // Уваровские чтения – VI. – Муром, 2006. – С. 464-465.

³ См. об этом: Большакова Н. В. Церковное строительство Ивана Грозного по пути следования его войска в Казань в 1547-1552 гг. // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003; Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Москва-Сыктывкар, 2005. – С. 87.

⁴ См., например: История Владимирского края. Учебное пособие для школ. –

Ю. М. Смирнов. Из истории региональных исследований

Владимир, 2001. — С. 8, 12, 15, 16, 18; Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. — Владимир, 2004.

⁵ Например, Мазур А. А. Русский город XI-XVIII вв. Владимирская земля. — М., 2006. То, что Муром в этой работе не упоминается, вполне объяснимо: официально он вошел в состав Владимирской земли только в XVIII в.

⁶ Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004.

⁷ Купряшина Т. Б. Родословное древо Уваровых // Уваровские чтения. — Муром, 1990; она же. Усадьба Уваровых в Карачарове // Архитектура и строительство России. — 1991. — № 2. — С. 12-13; она же. Коллекция из имения А. С. и П. С. Уваровых Карачарово в Муроме // Очерки истории русской и советской археологии. — М., 1991; она же. Фамильные портреты // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 101-108; она же. Атрибуция фамильных портретов из Карачарова // Уваровские чтения — II. — М., 1994.

⁸ Чернышев В. Я. Московская улица. Прогулки по Мурому (Социально-экономическая история XVII — начала XX вв.) — Муром, 2005.

⁹ Сазонова Е. И. Дом и усадьба жителя города Мурома в XIX в. // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 202-208.

¹⁰ Муромский историко-художественный музей. Путеводитель / Сост. Т. Б. Купряшина. — М., 2003; Купряшина Т. Б. Хроника Муромского историко-художественного музея: 1989-1994 // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. — Ярославль, 1997. — С. 313-318; Лукина О. А. От советского музея к историко-художественному (Муромский музей: взгляд изнутри) // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. — Ярославль, 1997. — С. 40-45; Субботина Е. А. Дети в музее (из опыта работы Муромского музея) // Музеи Верхней Волги. — Ярославль, 1997. — С. 50 — 62; Сухова О. А. Коллекция графов Уваровых из Карачарова как основа собрания Муромского историко-художественного музея // Уваровские чтения. — Муром, 1990; она же. Этнографическая коллекция И. С. Куликова в собрании Муромского музея: история и судьба // Музеи Верхней Волги. — Ярославль, 1997. 328 с. — С. 63-86; Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей // Художественные музеи России. Справочник-указатель. — СПб., 1999. — С. 133-135; он же. Интеллигенция, революция, музей (страницы муромской истории) // Рождественские чтения. — Ковров, 2006.

¹¹ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Учебное пособие / Под ред. Ю. Смирнова. – Муром, 2001.

¹² См.: Уколова М. Г. Этнографическая экспедиция Г. С. Масловой (к вопросу о традиционном костюме Муромского уезда) // Рождественские чтения. – Ковров, 1995. – Вып. II. – С. 109-112.

¹³ Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей: экспедиция 99 // Вестник Ассоциации музеев России. – Вып. 4, осень 1999. – Приложение. – С. 52.

¹⁴ См., например: Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей // Вестник Ассоциации музеев России. – Вып. 3, лето 1999. – Приложение. – С. 41-42.

¹⁵ Уваровские чтения. Тезисы докладов. – Муром, 1990; Уваровские чтения – II. Муром, 21-23 апреля 1993 г. – М., 1994; Уваровские чтения – III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность / Материалы научной конференции, посвященной 900-летию муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17-19 апреля 1996 г. – Муром, 2001; Уваровские чтения – IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. Муром, 14-16 апреля 1999 г. – Муром, 2003; Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 14-16 мая 2002 г. – Муром, 2003; Уваровские чтения – VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Муром, 16-18 мая 2005 г. – Муром, 2006.

КРАТКИЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ И БЛИЗЛЕЖАЩИХ ЗОНАХ В 2013-2014 ГГ.

В 2013 и 2014 гг. экспедиция ООО «Нишнеокское историко-археологическое бюро „Артефакт”» проводила археологические раскопки на территории объекта культурного наследия «Культурный слой г. Муром, X-XIX вв.» на участках строительства под установку памятника В. К. Зворыкину¹ и на участке под прокладку газопровода на ул. Первомайская, д. 4² (территория Муромского историко-художественного музея). Работы носили охранный характер, обусловленный результатами разработки разделов проектов по сохранению памятника археологии.

Обследованный участок на месте постамента памятника В. К. Зворыкину (площадью 4 кв. м) представляет собой часть фасадного сквера перед объектом культурного наследия — памятником архитектуры и градостроительства регионального значения «Дом Зворыкина, XIX в.». Планы города Мурома 1769, 1850-х, 1864-1889-1917 гг. свидетельствуют о его расположении в пределах границ древнерусского Мурома, между территориями памятников археологии федерального значения «Селище Николо-Набережное» и «Кремль города Мурома», на мысу между Поповским оврагом и оврагом с ручьем Козья речка, к востоку от рядов центральной торговой площади, ограниченной с севера улицей Поповский овраг, с запада — Гостиной улицей, с юга — Московской улицей, к юго-востоку от церкви

Ил. 1. Фрагмент генплана из проекта «Реконструкция, реставрация и приспособление памятника и истории и культуры «Ансамбль „Усадьба Зворыкиных”» с указанием местоположения участка археологических исследований

Николая Чудотворца в Зарядье, т. е. в зоне торгового центра дорегулярного города XVI-XVIII вв., частично застроенного в XIX-XX вв. (ил. 1).

Площадь шурфа под постамент, заложенного в 2013 г., первоначально составляла 2х2 м, далее в процессе работ к юго-западу от юго-западного профиля первоначального периметра была заложена прирезка площадью 2х3 м. Шурф вместе с прирезками ориентирован длинной осью по азимуту 330°.

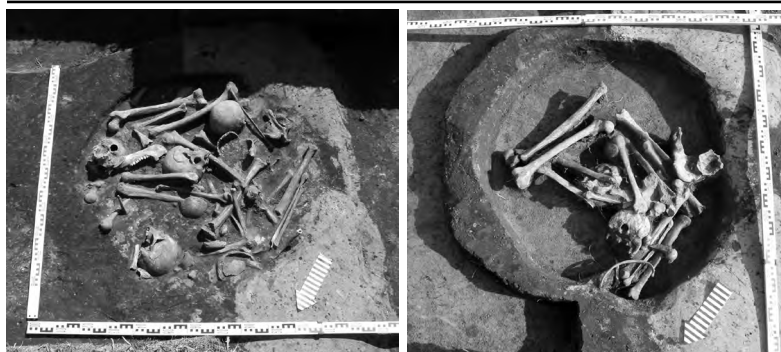
Результаты исследований, проведенных на участке проектируемого возведения постаменты памятника В. К. Зворыкину,

Илл. 3. Индивидуальные нумизматические находки конца XV – начала XVI вв. из шурфа под установку памятника В. К. Зворыкину: 1-6) монеты медные, четвертцы, Московское великое княжество; 7) монета – пуло медная; 8) монета медная, четвертца, Тверь; 9) монета белого металла, царская деньга, Иван IV, Москва

нумизматическому (ил. 3) и керамическому материалу, на участке образовались культурные отложения, в ходе возникновения которых и был переработан домонгольский культурный слой.

Опираясь на датировки монет и доминирующих типов керамического материала, реально предполагать, что в пределах XVI в. на участке происходили следующие события: на поверхность слоя пестроцветной углистой темно-серой супеси (слой 8) в подпрямоугольном периметре была осуществлена досыпка светлой супеси (слой 7), в которую вплоть до материка было впущено Погребение 1 (ил. 4-5), представлявшее собой, судя по количеству черепов, перезахоронение неполных костных останков как минимум 10-ти человек; далее на поверхность досыпки и захоронения отложился тонкий культурный слой (слой 6), вероятно возникший в результате пожара. Возможно предполагать, что остатки сгоревшего дерева в данном слое, в пределах которого концентрируются гвозди и монеты, представляли собой некую конструкцию, поставленную над перезахоронением костных останков, т. е. подобие «костницы», ана-

Ил. 4. Вид с севера на донную часть Погребения 1 на первом уровне расчистки

Ил. 5. Вид с севера на донную часть Погребения 1 на втором уровне расчистки

логии которым широко известны в христианской религиозной культуре. Следует отметить, что на момент этих событий уже существовало материковое углубление Объекта 1, а также возможно — материковое углубление Объекта 4, с поверхности которого собраны фрагменты домонгольской посуды.

Не ранее 2-й половины XVIII в., судя по монетному и керамическому материалу, углубление Объекта 1 было засыпано слоем коричневато-серой углистой супеси, насыщенной краснокирпичной крошкой и боем кирпича (слой 5), возможно взятым с окрестной территории. В это же время, вероятно, заполнение Объекта 2 было прорезано углублением Объекта 3 (ил. 2).

Не ранее XIX в. на участке была произведена планировка слоем коричневато-серой супеси, насыщенной краснокирпичной крошкой и боем кирпича (слой 4/4), и досыпка смесью светлой супеси и серовато-коричневого гумуса (слой 4/3), поверх которого укладывалась каменная вымостка (слой 4/2).

Не ранее 1-й половины XX в. по каменной вымостке была проложена Траншея 2, а поверх каменной вымостки был насы-

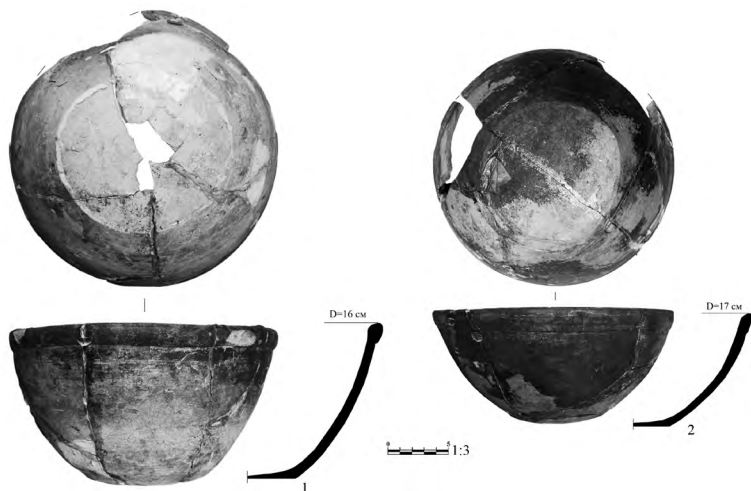
Ил. 6. Индивидуальные находки из шурфа под установку памятника В. К. Зворыкину: 1) крест нательный, медь, 2-я пол. XVI в.; 2) фрагмент браслета пластинчатого с орнаментом, медь. Индивидуальные находки из заполнения Погребения 1: 3) головка булавки, кость; 4) предмет (пломба зубная?), цветной металл

пан коричневато-серой супеси (слой 4/1), включавший монеты 1930 г. и строительный мусор, возможно происходивший из Окского парка после взрыва собора (сведения сотрудников музея).

Не ранее 1980-х гг. по участку была проложена Траншея 1, а его поверхность была засыпана смесью коричневато-серой супеси и строительного мусора (слой 3) и позже коричневато-серой супесью с небольшой примесью мелкого строительного мусора (слой 2), на поверхности которого образовался дерн (слой 1).

Коллекция индивидуальных находок из шурфа составляет 47 предметов из цветных и черных металлов, кости, камня и керамики (выборочно представлены на ил. 6-7). Массовый материал состоит из 1041 фрагмента керамических сосудов, из них 89 лепных и 179 от беложгущейся и красножгущейся посуды домонгольского периода.

Костные антропологические останки (Погребение 1), обнаруженные в ходе археологических работ под установку памятника В. К. Зворыкину, на данный момент исследуются

Ил. 7. Индивидуальные керамические находки из шурфа под установку памятника В. К. Зворыкину: 1) миска красножгущая гладкая, 2-я пол. XV – нач. XIX вв.; 2) миска морёная, XVI-XVII вв.

антропологами Института археологии РАН.

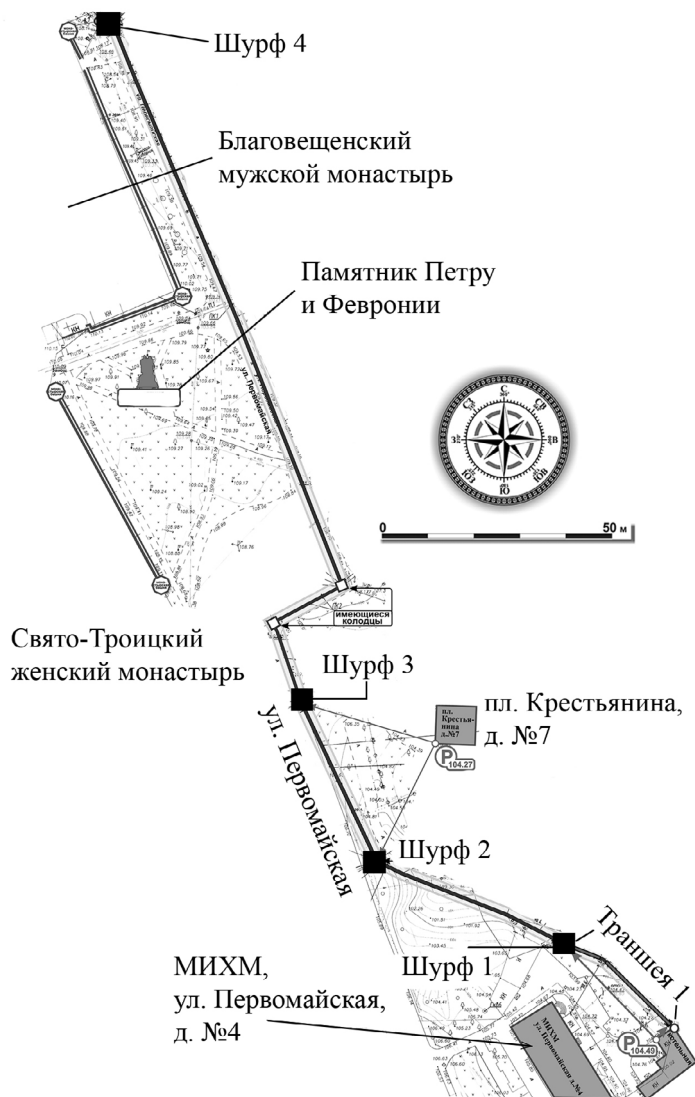
Предпринятое картографирование участка под прокладку трассы газопровода к Дому Зворыкиных по ул. Первомайская, д. 4 на плане города 1769 г. свидетельствует о его расположении в центральной части дорегулярного Муром; северное окончание трассы находится в районе перекрестка Цветновской улицы и Монашениного переулка, средняя часть пролегает через перекресток улиц Наседная, Ивановская, Пушкарская и Большая Нижегородская, затем пересекает улицы Поповский овраг и Никольский проулок и выходит к южному окончанию на восточном краю мыса в современном Музейном овраге³. Сведение современного плана трассы на план Муром 1864-1889-1917 гг. иллюстрирует траекторию прохождения, близкую к современной ситуации⁴. Основная часть проектируемой трассы пролега-

ет в непосредственной близости западной границы территории памятника археологии «Селище Николо-Набережное», VIII-XIII, XIV-XVII вв., занимающего часть плато левого берега Оки между Комсомольским (Штабским) и Музейным оврагом.

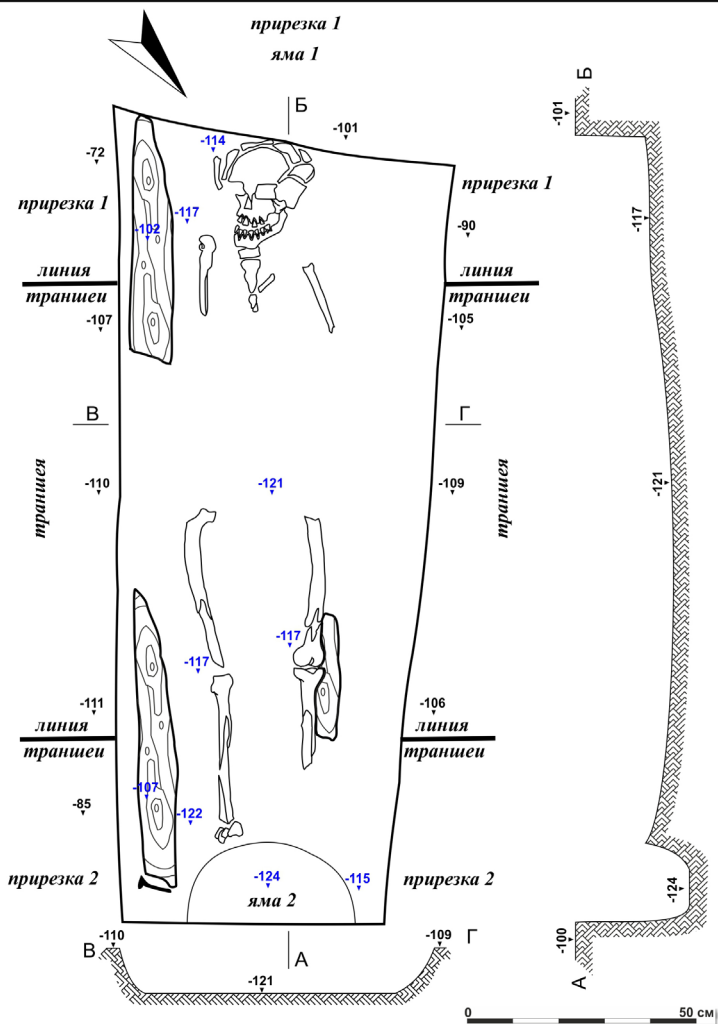
Наиболее информативными оказались участки исследования от точки входа в северо-восточный угол здания дворовой постройки Дома Зворыкиных до промоины в борту Музейного оврага, где в 2014 г. была заложена Траншея 1, и Шурф 1, общей площадью с прирезками 30 кв. м. Также дал интересные результаты Шурф 3, заложенный на ул. Первомайская в 15,4 м к юго-востоку от водоразборной колонки на западной стороне улицы, на расстоянии около 42,5 м к ЗЮЗ от юго-западного угла дома № 7 на пл. Крестьянина, около 0,5 м от бордюра восточной стороны проезжей части улицы. Площадь шурфа 3 составляла 2x2 м, ориентирован был углами по странам света (ил. 8).

В результате проведения работ на участке под прокладку газопровода по ул. Первомайская, 4 (площадь раскопок 56 м²) установлено следующее:

1). На участке проектируемой траншейной прокладки газопровода во дворе Дома Зворыкиных не менее 28 м протяженности Траншеи 1 и Шурфа 1 (более 2/3 двора Муромского музея) приходится на территорию многократных насыпок Музейного оврага, производившихся в XVIII-XIX вв. (Слой 5 Шурфа 1, Слой 4 Траншеи 1) и XX в. (Слой 2, Слой 3 Траншеи 1); Слой 5 Шурфа 1, судя по обилию следов строительной деятельности, возможно, связан с периодом возведения Дома Зворыкиных в конце XVIII в., он аналогичен слою, зафиксированному в 2013 г. в шурфе под постамент памятника В. К. Зворыкину с западной стороны Дома Зворыкиных; единственный останец материкового берега оврага во дворе Муромского музея, про-

Ил. 8. Фрагмент геодезической съемки территории с указанием трассы газопровода и местоположения археологических исследований

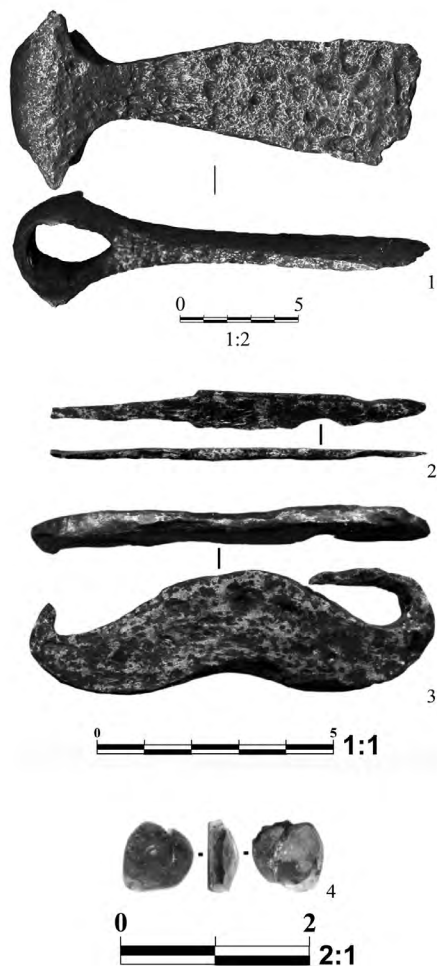
Ил. 9. Графическая прорисовка Погребения 1, обнаруженного на участке Траншеи 1, расположенного вблизи северного угла здания проектируемой котельной

тяженностью около 2,5 м, зафиксирован в непосредственной близости здания дворовой постройки — точки ввода в проектируемую котельную, где исследованы остатки Погребения 1 (ил. 9), Погребения 2 и Погребения 3, видимо представлявших участок ранее не известного регулярного христианского некрополя, основанного (судя по находкам в Погребении 1) не ранее XIV — 1-й пол. XV вв. и разрушавшегося береговой эрозией; практически во всех слоях переотложения грунтов обнаружены фрагменты керамической посуды и единичные индивидуальные находки древнерусского периода, относящиеся к находившимся здесь ранее и переработанным в последующие периоды отложениям X-XIV вв., что полностью согласуется с результатами шурфа 2013 г.

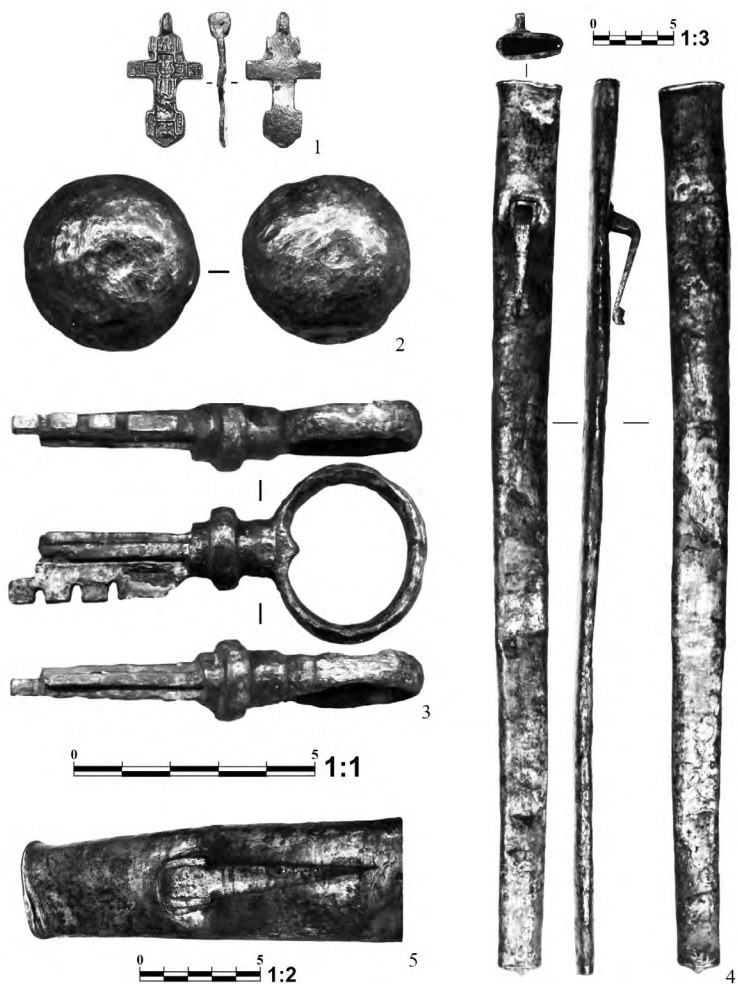
2). Участок закладки Шурфа 2 полностью попадал в толщу засыпки ложа Музейного оврага, производившейся, судя по письменным источникам, начиная с XVIII в.

3). Участок закладки Шурфа 3 на северном берегу Музейного оврага располагался на территории, освоенной в древнерусский период, судя по находкам остаточного Слоя 5, столбовым ямам и следам ограды(?); в XVIII-XIX вв. данный участок входил в территорию Сенной площади, был вымощен камнем во 2-й пол. XIX в.; наличие здесь фрагментов древнерусской керамической посуды свидетельствует о необходимости расширения к западу границ территории памятника археологии «Селище Николо-Набережное», основанного в XI в.

Коллекция индивидуальных находок из Траншеи 1 и Шурфов 1 и 3 составляет 62 предмета из цветных и черных металлов, стекла, глины, кости и камня (выборочно представлены на ил. 10-11). Массовый материал состоит из 4633 фрагментов керамических изделий, из них 29 фрагментов лепных сосудов и 242 фрагмента от беложгущейся и красножгущейся

Ил. 10. Индивидуальные находки домонгольского периода из Траншеи 1: 1) топор проушной узколезвийный клиновидный (тип 8 по классификации А. Н. Кирпичникова), черный металл, VIII-XI вв.; 2) нож универсальный, черный металл, X-XIV вв.; 3) кресало калачевидное с треугольным язычком, черный металл, X – сер. XII вв.; 4) вставка из голубого стекла (в перстень или в оклад иконы?)

Ил. 11. Индивидуальные находки из Траншеи 1: 1) крест нательный, цветной металл, XIV-XVI вв.; 2) ядро пушечное, черный металл, XVII в.; 3) ключ, черный металл, медь, кон. XIV-XVI вв.; 4-5) ножи от европейского штыка-тесака, черный металл, латунь, 2-я пол. XIX в.

посуды домонгольского периода.

Резюмируя вышесказанное, кратко представим итоги археологических исследований. Работами под установку памятника В. К. Эворыкину в 2013 г. установлено, что начало хозяйственной деятельности здесь относится к домонгольскому периоду, а дальнейшая строительная история связана с освоением территории и перезахоронением человеческих останков в течение XVI века, откопкой углубленных в материк объектов в период XVI-XVIII веков, засыпкой углублений во 2-й половине XVIII века, укладкой каменной вымостки в XIX веке и неоднократной досыпкой и планировкой участка в течение XX века. В результате производства археологических исследований впервые в Муроме выявлены участок культурного слоя и погребальный комплекс XVI века, надежно датированные нумизматическим материалом. В результате проведения работ на участке под прокладку газопровода по ул. Первомайская, 4 установлено следующее: более 2/3 протяжения двора Муромского музея вдоль трассы составляют досыпки берега оврага периода кон. XVIII в. – XX в.; материковый останец зафиксирован у здания хозпостройки XIX в., где выявлены остатки трех христианских погребений, относящихся, судя по фрагментам керамики, к ранее не известному городскому некрополю XIV – 1-й пол. XV вв., разрушенному эрозией и строительством; во всех слоях переотложений обнаружены фрагменты керамической посуды и единичные находки древнерусского периода; в двух шурфах на трассе выявлен древнерусский слой, позволяющий расширить к западу границы памятника археологии «Селище Николо-Набережное»; два шурфа по трассе газопровода находились на участках сноса культурного слоя и досыпок XVIII-XX вв.

¹ Бейлекчи В. В. Отчет «Проведение археологических разведок на участках

Вал. В. Бейлекчи Краткие итоги археологических исследований

строительства в Навашином районе (трасса газопровода к пгт Теша) и по ул. Ленина, д. 35 в г. Арзамасе Нижегородской области, по ул. Коммунистическая, д. 45 и ул. Первомайская, д. 4 в г. Муроме Владимирской области в 2013 году». — Муром, 2014.

² Бейлекчи Вал. В. Отчет «Проведение археологических раскопок на территории объекта культурного наследия «Культурный слой г. Муром, X-XIX вв.» в г. Муроме Владимирской области на участках строительства по ул. Первомайская, д. 4 и пер. Красноармейский, д. 9, кв. 2 в 2014 году». — Муром, 2014.

³ План старого Мурома в копии со специального геометрического плана, сочиненного капитаном-лейтенантом Пылаевым в 1769 г. // Архив ГБУК ВО МИХМ. М-12225.

⁴ План уездного города Мурома Владимирской губернии 1864 г. (копия И. Мяздрикова 1889 г. с дополнениями 1917 г.) // Архив ГБУК ВО МИХМ.

МУРОМ И М УРОМА

Первое население на Муромской земле появляется в эпоху верхнего палеолита, о чем свидетельствует открытая в 1877 г. А. С. Уваровым Карачаровская стоянка¹ (ныне место стоянки входит в черту города), и все последующее время до средневековья территория была хоть и слабо, но заселена. В ходе Великого переселения народов IV-V вв. н. э. с запада сюда переместились балтские племена мощинской археологической культуры и, слившись с местными финскими племенами, встретили волну переселенцев с востока — финно-угров. Этот конгломерат и образовал особую этническую группу, называемую в современной науке летописным племенем мурома². Первоначальным основанием для отнесения мурома к отдельному племени стали слова летописи «мурома — язык свой», а свидетельством принадлежности к финно-угорской общности стало единственное, как считалось, оставшееся от языка племени слово — его название, которое племя в действительности получило по ранее существовавшему названию местности, т. е. название племени, этноним, не является подлинно автохтонным, а принято извне³. Топо- и гидронимика региона, — а все реки бассейна Оки, например, имеют древние финские названия, — позволяют отнести мурому к поволжско-финскому племени, по языку близкому к мордве, но отличавшемуся заметным своеобразием⁴.

У отечественных исследователей нет единой точки зрения по поводу этнической принадлежности мурома. Пожалуй, самое оригинальное и радикальное мнение высказал еще в 30-е годы XIX в. Н. М. Макаров. Полагая, что мурома была родственной волжским булгарам, поскольку все время соседствовала с ними,

а те, в свою очередь, были славянами (этого мнения придерживался и один из создателей славистики Ю. И. Венелин), Макаров возводит происхождение муромы к далеким санскритским временам, когда две индийские секты сапван и созвучная муроме мура были вынуждены из-за войн покинуть свою родину. «Верно и то, — пишет Макаров, — что Муромы не была соплеменницею ни Мордве, ни Черемисам, ни Финнам и, особенно этому последнему народу: Финны своим выходом в Европу очень далеко опередили и Славян и Мурому»⁵. В. Ф. Генинг и С. К. Кузнецов считали мурому близкородственной мери⁶, А. А. Гераклитов отождествлял ее с мордвой⁷, А. Е. Алихова и А. Ф. Дубынин видели в муроме родственников мордвы⁸, А. П. Смирнов и Е. И. Горюнова рассматривали мурому как одно из мордовских племен⁹, В. Н. Мартыянов и Д. Т. Надькин полагали, что муромы входила в состав предков мордвы-эрзи¹⁰.

Открытые в Муромском регионе в конце XIX в. археологические памятники — могильники и селища — были отнесены к культуре этого племени, которое в IX-XI вв. по сумме археологически установленных этнографических признаков выступает как самостоятельная этническая общность¹¹.

VII-IX вв. могут характеризоваться как время проникновения на территорию муромы славянских племен — кривичей, новгородских словен с северо-запада Руси и в небольшом количестве вятичей — с юго-запада, причем, проследить территории, занимаемые ими, весьма сложно. Видный историк XIX в. Д. А. Корсаков считал, что славяне, составившие «великорусское население Муромо-Рязанской земли», пришли в верховья Оки с юга, а в среднее течение — из Ростово-Суздальской земли¹².

В отличие от С. К. Кузнецова, считавшего вятичей основными славянскими насельниками Муромской земли¹³, В. В. Седов, основываясь на данных археологии, высказал

мнение, что вятичи вообще лишь слегка затронули Муромскую землю¹⁴. Исходя из постулата А. П. Щапова, одного из первых сторонников теории социоестественного подхода в изучении истории, о том, что «русская колонизация сама носит на себе глубоко пассивный отпечаток топографических условий местностей»¹⁵, В. Семенов-Тянь-Шанский объясняет, почему славяне двигались именно в этом направлении. «Годные для земледелия полосы уходили на северо-восток в суровый климат. Что же здесь могло развиваться, при неудержимом стремлении славян в сторону наименьшего сопротивления — к мирным финским дикарям, — как не промысловая славянская жизнь со sporadическим земледелием на себя, где последнее было возможно. Эта жизнь и требовала преимущественного сосредоточения у главных путей сообщения, по которым пришли промышленники, т. е. у водоемов, по мере удаления к северо-востоку все более приобретающих речной характер... восточно-славянская колонизация, первый толчок которой дало по-видимому готское меридиональное движение, двигалось по расположению наиболее удобных для земледелия почв и притом в сторону наименьшего сопротивления, т. е. на северо-восток к финнам. Но ведь сама финская среда имела в различных своих частях различную степень сопротивляемости, давая возможность отдельным своим частям, как например мордве, сопротивляться до самого XVII века. Поэтому естественно, что славяне наперед занимали наиболее ослабленные вследствие борьбы с более ранними врагами части финской территории, или вернее даже спорной между финнами и тюрками с одной стороны и между финнами и литовцами с другой. Так обтекла древняя русская колонизация сначала двумя языками — кривицким и вятицким — московское междуречье Оки и Волги, на котором почва едва ли многим хуже, чем на конечных моренах великого ледника, но зато там

сидели более сильные финны, опиравшиеся основанием своего треугольника на могущественное Волжско-Камское Булгарское царство. Языкообразная форма русской колонизации объясняет, почему половцы так легко оттеснили вятичей, прорвав поперек узкую южную лопасть колонизации. Но в свою очередь вятичи, наперев с юга на западную часть основания финского треугольника, обеспечили этим беспрепятственный рост Муромско-Суздальско-Ростовского славянского оплота, обратившегося впоследствии в Московский»¹⁶.

Тогда же, видимо, начинается и постепенное слияние близких по типу хозяйства и языческим верованиям пришлых славянских и автохтонных финно-угорских племен. Этот процесс носил мирный характер.

Основным типом поселений у муромы были неукрепленные селища. Укрепленных же поселений муромы — городищ — на Нижней Оке пока не известно. Если возникала острая необходимость в убежище, население могло использовать городища, сооруженные еще в эпоху раннего железного века. Строго говоря, основой для такого предположения В. В. Гришакова и Ю. А. Зеленева послужило обнаруженное Н. Н. Ворониным удлиненное углубление на Кремлевской горе Муромы, которое, возможно, было оборонительным рвом. Причем, как отмечают исследователи, «если функционирование ранних селищ муромы достаточно достоверно с VIII-IX вв., то время использования городищ-убежищ определить затруднительно»¹⁷.

В то же время финно-угорское население соседних территорий — меря и мари — сооружало фортификации вокруг своих стационарных поселений уже в ранний период их существования. Другие соседи муромы — мордва — на рубеже I-II тыс. н. э., стали строить укрепленные городища¹⁸. По мнению исследовавшего их В. Н. Мартынова, это были упоминаемые в русских

летописях «тверди», которые возводились мордвой для противодействия русской колонизации¹⁹.

Во всяком случае, нет никаких свидетельств о крупных столкновениях между славянами и муромой, а данные археологии говорят о совместном проживании муромы и славян на одних селищах, использовании общих мест захоронения²⁰. К XI в. рядом с поселениями муромы появились многочисленные славянские поселки²¹. Недостаток фактического материала пока не позволяет сделать определенного вывода о причинах складывания такой ситуации. Так или иначе, характерной чертой славянской колонизации на данной территории было не вытеснение автохтонных племен, как это произошло, например, в Рязанской земле²², а некий синтез пришлых и местных народностей. Нечто сходное происходило и в будущей Новгородской земле. Поскольку эта территория изучена несравнимо лучше археологически, академик В. Янин так характеризует процесс: «На обширных пространствах русского северо-запада, изобилующих лесами, озерами, болотами и весьма бедных пахотными землями, со времен неолита и бронзового века обитали племена угрофинской языковой группы. Начиная с VI-VII вв. сюда начали переселяться славянские племена. Основным занятием местных жителей были рыболовство и охота, однако славяне уже умели пахать землю и возделывать злаки. Обе части населения, не мешая друг другу, заняли определенные участки территории, и, поскольку каждый занимался тем, что не умел другой, вскоре возникла взаимная заинтересованность»²³. Вполне вероятно, что так же обстояло дело и на Муромщине, тем более, что из славян здесь, как и на северо-западе, присутствовали кривичи и новгородские словене. «Сам муромский этнос, сформировавшись практически одновременно с другими этносами поволжских финнов, просуществовал сравнительно небольшой

исторический период времени и в XI-XII вв. фактически прекратил свое существование, будучи ассимилированным пришедшим сюда славянским населением и частично переселившись в восточном и юго-восточном направлениях — в мордовские, марийские и болгарские (булгарские. — Ю. С.) земли, где также был ассимилирован»²⁴.

Традиционно Муром называют одним из пяти древнейших русских городов, поскольку он фигурирует в списке городов Начальной русской летописи под 862 г. Однако уже в самой летописи он обозначен как город, точнее, место или территория, принадлежавшее племени м урома. Собственно летописные сведения о племени этим и ограничиваются. При этом следует отметить, что ни одного муромского города, включая сам летописный Муром (IX в.), пока не обнаружено²⁵; общее же число известных на сегодня поселений со следами проживания племени мурома достигает сорока четырех²⁶.

Еще в прошлом веке было отмечено, что до прихода славян местное население городов не строило; поэтому создание городских поселений считалось несомненной заслугой славян-пришельцев²⁷. «До конца XI в. вся эта северо-восточная окраина Русской земли представляла собою глухой и слабо населенный край, в лесах которого разбросаны были финские поселки. Меря и Мурома не строили городов, не имели никакого гражданского устройства и не были политически объединены», — писал С. Ф. Платонов²⁸. Но ведь и мигрировавшие сюда славяне далеко не сразу бросились строить города. Скорее всего, вопрос об этнической прерогативе возведения города Мурома не стоит. Просто был период, в течение которого — я не буду сейчас останавливаться на причинах этого — ни для мурома, ни для славян города не были необходимыми. С изменением экономических, политических и социальных условий — развитием ремесла, тор-

говли, разложением родоплеменных отношений и возникновением новых институтов управления, необходимостью защиты от внешней опасности и соблюдения своих выгод, включением региона в сферу интересов более влиятельных административных образований, возникающих или меняющихся условий уплаты или получения дани — такая необходимость возникает. М. Н. Тихомиров когда-то заметил, что из более чем двух десятков русских городов, возникших в IX-X вв. и упомянутых в летописях, только два — Ладога и Муром — носят неславянские названия²⁹. Было бы странно, если бы славяне, основав свой город, назвали его чужим непонятным именем, как если бы князья называли города ни в честь своего тезоименитого святого патрона, а, к примеру, в честь покровителя соперника. В связи с этим автоматически встает вопрос об этнической принадлежности города (в частности, Мурома) как в момент его возникновения, так и в период дальнейшего развития.

По времени первого упоминания в летописи Муром, если и существовал, едва ли мог считаться городом в полном смысле слова, хотя, по мнению М. Н. Тихомирова, он был уже в IX в.³⁰ А. Л. Монгайт к IX в. относит только поселение³¹. Поскольку археологически пока не подтверждено даже существование поселения этого времени на территории, ставшей впоследствии городом³², наиболее правомерной представляется точка зрения Е. И. Горюновой, согласно которой на этом месте был ряд деревенских поселков с центральным поселением племени мурома³³. Вслед за И. Я. Фрояновым М. В. Кривошеев считает, что это поселки родовых общин, которые в XI — начале XII вв. стали превращаться в посад Мурома³⁴. Однако, что это было — протогородской комплекс или конгломерат поселков — пока неясно. Следует отметить, что сделанные на основе археологического материала выводы во многом носят предварительный или дис-

куссионный характер, поскольку раскопки в регионе проводились от случая к случаю, планомерных и долговременных работ не велось³⁵.

В это время Муром существует как населенный пункт со смешанным славяно-муромским населением, но где, по-видимому, основными жителями оставались аборигены³⁶. Автор «Сказания о граде Муроме» XVI в. — единственного письменного источника по христианизации Муромского края, в котором использованы местные устные предания, — прямо указывает, что «живяху» во граде Муроме «человеци мнози и различни», следовательно, население города полиэтнично³⁷. Во всяком случае, говорить о «русском» Муроме с 862 г., как это попытался сделать в полемике с Е. И. Горюновой И. П. Богатов, несколько преждевременно³⁸. И. П. Богатов, археолог-любитель, долгие годы проработавший в муромском музее, в том числе и в должности директора, в преддверии 1100-летнего юбилея даты, под которой Муром упоминается в летописи, постарался подобрать аргументы, свидетельствующие о существовании Мурома в 862 году. И, хотя его сын, краевед В. И. Богатов, много позже напишет, что автор «обосновал закономерность» даты³⁹, научное сообщество не приняло приведенные доводы. Однако они с энтузиазмом были восприняты местным руководством, которое организовало пышное празднование 1100-летнего юбилея города. Таким образом дата утвердилась в сознании местных жителей, а потом стала тиражироваться в средствах массовой информации, рекламе, популярной литературе.

Славянская диаспора вполне могла раствориться среди местного населения — предпосылки к этому были, если бы спорадическое славянское вливание не было мощно подкреплено походами Святослава 965 г. на Оку и Волгу и Владимира Святославича 985 и 997 гг. на Волжскую Булгарию и христи-

анизацией края, начавшейся, вероятно, на рубеже X и XI вв., когда Муром попал в круг политических интересов киевских князей⁴⁰, возобновившейся в княжение Игоря Ярославича в Муроме в 40-е – начале 50-х гг. XI в. и завершившейся в первой трети XII в. при Ярославе Святославиче⁴¹.

По сути, это был второй, экспансивный этап славянизации края. С конца X в. Муром оказался вовлеченным в междоусобную борьбу южнорусских князей, когда многочисленные и разнородные славянские дружины появлялись у стен города⁴², иногда приводя с собой и половцев⁴³, которые выступали то противниками, то союзниками разных русских князей⁴⁴. Поскольку едва ли не важнейшим вопросом подчинения князьям был вопрос о дани⁴⁵, муромские жители оказывали вооруженное сопротивление пришельцам⁴⁶, т. к., по мнению историка, Муром в X в. уже являл собой политическую организацию, способную самостоятельно решать экономические задачи⁴⁷. Собственно, вопрос о дани для Мурома был не нов – по преданию кормления в Муроме получали уже дружинники Рюрика⁴⁸: «А се суть инии языци иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь»⁴⁹.

Вторым вопросом, вызывавшим активное неприятие автохтонов-язычников, среди которых, видимо, жили и отдельные представители ислама⁵⁰, было христианство, настолько интенсивно внедрявшееся новой властью, что это дало повод некоторым историкам считать стычки X-XI вв. вокруг Мурома и восстания муромцев конфессиональными по своему характеру⁵¹. Даже с внедрением христианства присутствие язычества весьма ощущалось в менталитете муромских жителей⁵². Сами жители получили прозвище «святогонов», а известные на Руси защитные заклинания уберегали от «ведьмы Киевской и от сестры ее

Муромской»⁵³, что свидетельствует о широко распространенной славе Мурома как языческого центра. Кстати сказать, остатки языческого святилища были обнаружены при производстве земляных работ в марте 1878 года на Воеводской (Кремлевской горе)⁵⁴.

Внешняя угроза способствовала консолидации местного населения, и не случайно по преданию первый муромский князь Глеб из-за противодействия местных жителей даже вынужден был основать свою резиденцию в нескольких «поприщах» от города⁵⁵.

Так или иначе, и княжеская экспансия, и христианизация Мурома, несомненно, явились факторами, способствовавшими процессу ассимиляции автохтонного населения. Из работ большинства российских ученых следует вывод, что окончательная ассимиляция муромы произошла именно в этот период. В пользу этого свидетельствует то, что Муром играет роль плацдарма славянской колонизации Нижегородского Поволжья, которая формируется по ходу развития города⁵⁶. Это подтверждается и данными исторической лингвистики⁵⁷. Однако финский историк Х. Киркинен предполагает, что процесс ассимиляции был более длительным, т. к. с точки зрения лингвистики она невозможна в столь краткое время, а потому обращает внимание еще на один фактор, по его мнению, усиливший в XIII в. слияние муромы со славянами — монголо-татарское владычество⁵⁸. Это вполне возможно, тем более, что не исключается вероятность того, что с середины XIII до середины XIV вв. в Муроме находилась резиденция представителя Орды — «великого баскака владимирского»⁵⁹. И, хотя никаких очевидных влияний татаро-монгольской общины не прослеживается (следует, правда, оговориться, что этот период — самый темный в истории Мурома), археологически факт возможности существования

ордынской резиденции подтверждается находкой в 1869-70 гг. печати баскака⁶⁰.

По всей вероятности, именно в XIII-XIV вв. завершается формирование антропологического и этнического облика жителей Мурома; при этом они сохраняют локальное название. Во всяком случае, С. Герберштейн в своих «Записках» называет их муроманами (Muroman)⁶¹. (Полковник генштаба Талызин, описавший Владимирскую губернию в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» отмечал: «В переделах Владимирской губернии жили в древности, в диком состоянии, два народа: Мурома и Меря (Чудь)... Время не могло совершенно изменить одного — наружного вида, и действительно, тип Финского племени и народа Мурома, сходного с ним, сохранился еще в некоторых местах. Так, жители уездов: Муромского, Меленковского, Гороховецкого, Судогодского и южной части Покровского резко отличаются, по наружному виду, от жителей уезда Владимирского и прилежащих к нему частей Суздальского, Александровского, Юрьевского и верхней части Покровского: первые малорослы, уродливы и носят на себе известный отпечаток Финского племени»⁶². Этнограф XIX в. описывал жителей Муромского уезда так: «Как правило, роста среднего, волосы имеют темнорусые, глаза — серые. Физически сильны, здоровы, проворны, ловки»⁶³. Представляется, что к этому следует добавить и несомненный процесс обратного влияния — муромы на славян, до настоящего времени не только не изученный, но практически и не обозначенный в специальной литературе, за исключением, может быть, арабеска на эту тему С. К. Кузнецова. Во всяком случае, по мнению специалиста Центра русского фольклора В. Е. Добровольской, высказанному при обсуждении докладов на VI «Уваровских чтениях», финно-угорская составляющая

до сих пор весьма заметно проявляется в комплексе традиционных обрядов населения Муромского округа. Проведенное несколько лет назад генетическое исследование, для которого по специальной методике были отобраны представители коренного населения региона, показало, что «этническое облако популяции Муромца слегка выдвигается из ядра центральных русских популяций, и выдвигается в сторону финно-угорских народов. Возможно, что таким образом здесь проявляется влияние генофонда племени муромца, которое вошло в состав современного населения региона и относилось к финно-угорскому миру... Возможно, что после полной расшифровки генома... этих индивидуумов мы сможем увидеть более детально сохранившиеся в их геноме финно-угорские особенности»⁶⁴.

¹ Уваров А. С. Археология России. Каменный период. — М., 1881. — Ч. 1. — С. 112; История Муромца и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 29.

² История Муромца и Муромского края. — С. 13; Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. — 1966. — № 3. — С. 67-79.

³ См.: Альквист А. От Муромца до Мууромца: происхождение этнонима муромца // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001.

⁴ См., например: Кузнецов С. К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мещера, муромца, весь). — М., 1910. — С. 109; Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. — СПб., 1880. — С. 141-142; Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. — СПб., 1910. — С. 20; Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. — Л., 1973. — С. 101, 102; Убийственный удар по славянским теориям наносит историк из Мордовии Шароньян Сандра (Александр Шаронов) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rsmix.ru/visitor/readfeed/page/4_43; и др.

⁵ Макаров Н. М. Муром и Муромца [30-е гг. XIX в.] // НИОР РГБ. — Ф. 203. — Кн. 228. — Ед. хр. 2. — Л. 1-4об.

⁶ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы фин-

но-угорского языкознания. – Ижевск, 1976. – Вып. IV; Кузнецов С. К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте в 1907-1908 г. – М., 1910. – Вып. 1. – С. 108-127.

⁷ Гераклитов А. А. К вопросу о национальности летописной «муромы» // Изв. Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1931. – Т. IV.

⁸ Алихова А. Е. Мордва и мурома // КСИИМК. – М., 1949. – Вып. XXX. – С. 26-30; Дубынин А. Ф. Мальшевский могильник (К истории нижней Оки I тысячелетия н. э.) // КСИИМК. – М., 1949. – Вып. XXV. – С. 134-136.

⁹ Смирнов А. П. Очерк древней истории мордвы // Тр. ГИМ. – М., 1940. – Вып. XI. – С. 159; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1961. – Вып. 94. – С. 143.

¹⁰ Мартыанов В. Н., Надькин Д. Т. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тысячелетия н. э. // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. – Саранск, 1979. – С. 103-133.

¹¹ Голубева Л. А. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С. 82; подробнее см.: Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). – Муром, 2005.

¹² Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. – Казань, 1889. – С. 12-13.

¹³ Кузнецов С. К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). – С. 110.

¹⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М., 1982. – С. 143-145.

¹⁵ Цапов А. Историко-географическое распределение русского народонаселения. – С. 24

¹⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. Указ. соч. – СПб., 1910. – С. 11, 33.

¹⁷ Гришаков В. В., Зеленев Ю. А. Мурома VII-XI вв. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 6.

¹⁸ Там же. – С. 7.

¹⁹ Мартыанов В. Н. Археологическая разведка в Мордовской ССР и южных районах Горьковской области // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1979. – Вып. 52. – С. 155-157.

²⁰ Голубева Л. А. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – С. 81, 83, 84-85; Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. – 1901. – № 25. – С. 44-50, 105, 113; Бейлекчи В. В., Родин В. В.

Поселения племени мурома // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gromgrom.ru/infom/psel.php>.

²¹ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. — М., 1955. — Вып. 59. — С. 14, 171; она же. Муромская экспедиция // КСИИМК. — М., 1949. — Вып. 27. — С. 101; она же. Итоги работ муромской экспедиции // КСИИМК. — М., 1950. — Вып. 33.

²² Седов В. В. Восточные славяне... — С. 143-145.

²³ Янин В. Боярская республика на Волхове // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sciam.ru/2006/2/archeology.shtml>.

²⁴ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муром VII-XI вв. — Йошкар-Ола, 1990. — С. 3.

²⁵ См.: Воронин Н. Н. Муромская экспедиция // КСИИМК, XXI. — М., 1947. — С. 136-139; Е. И. Горюнова. К истории городов северо-восточной Руси // КСИИМК. — М., 1955. — С. 12-14; Успенская А. В., Фехтер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X-XIII вв» // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. — М., 1956. — Вып. 32. — С. 146.

²⁶ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч.

²⁷ См., например: Добронравов В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1897. — Вып. 4. — С. 136; Галкин В. А. Суздальская Русь. — Иваново, 1939. — С. 26.

²⁸ Цит. по: там же. — С. 27.

²⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Ученые записки МГУ. Вып. 99. — М., 1946. — С. 9-10, 12.

³⁰ Там же. — С. 431.

³¹ Монгайт А. Л. Указ. соч. — С. 247-248.

³² См: Бейлекчи В. В. Исследования на Кремлевской горе Мурома // Археологические открытия 1998 года. — М., 2000. — С. 76-77; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 9-17; Воронин Н. Н. Муромская экспедиция // КСИИМК. — М., 1947. — Вып. XXI; Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Отчет муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. № 343. — 1947; Чалых Н. Е. Археологические исследования в кремле г. Мурома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. — М., 1987; История Мурома и Муромского края. — С. 41.

³³ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси. — С. 14, 171; она же. Муромская экспедиция. — С. 101; она же. Итоги работ муромской

экспедиции // КСИИМК. 1950. – Вып. 33.

³⁴ Фроянов И. Я. Спорные вопросы образования городов на Руси // Историческая этнография. – Л., 1985. – Вып. 3. – С. 114, 115; Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI начала – XIII вв. по материалам повестей. – Гатчина. – 2003. – С. 34-35.

³⁵ См.: Лодыгина Е. В. Обзор археологических исследований Мурома и Муромского района // Уваровские чтения – V. – С. 78-82.

³⁶ Кривошеев М. В. – Указ. соч. – С. 30.

³⁷ Зиборов В. К. Домашнее прочтение Муромского сборника. Приложение // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 67.

³⁸ Богатов И. П. О времени возникновения Мурома // СА. – 1959. – № 3. – С. 223-226.

³⁹ Богатов В. И. «...Во власти двух стихий» (Н. Н. Воронин в Муроме) // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 11.

⁴⁰ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951. – С. 197-200; 217.

⁴¹ Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988. – С. 399-400; Тихомиров М. Н. Начало христианства на Руси // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. – С. 261; Чернышев В. Я. Исторические предпосылки крещения Муромской земли // Рождественские чтения – VII. – Ковров, 2000. – С. 46-48.

⁴² См., например: Кривошеев М. В. Указ. соч. – С. 36-39; Кузнецов С. К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). – С. 110; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М., 1984. – С. 60; Насонов А. Н. Указ. соч. – С. 197-200, 205; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – СПб., 1909. – С. 103-104; Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. – СПб., 1909. – С. 39-40, 41, 75-76, 120.

⁴³ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. – Петроград, 1918. – С. 224-225, прим.

⁴⁴ Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. – Владимир, 2004. – С. 62.

⁴⁵ См.: Кривошеев М. В. Указ. соч., 2003. – С. 36-39.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. – С. 75.

⁴⁷ Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. – М., 1991. – С. 74-75.

⁴⁸Насонов А. Н. Указ. соч. — С. 10. Прим. 3; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. — С. 22;

⁴⁹Лавр. Цит. по: Тебеньков М. М. Происхождение Руси. — Тифлис, 1894. — С. 137.

⁵⁰См., например: Кузнецов С. К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). — С. 113.

⁵¹См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — С. 75-77; Тихомиров М. Н. Древняя Русь. — М., 1975. — С. 94-95; 270.

⁵²См.: Кривошеев М. В. Указ. соч.; Алексеева Л. М. Характер менталитета создателей муромской повести о Петре и Февронии // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 103-106; она же. Легенда о Петре и Февронии как возможный ключ к расшифровке древнейшей мифологии Европы // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. С. 116-120; Смирнов Ю. М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии муромских» // Рождественские чтения — VII. — Ковров, 2000. — С. 42-45; он же. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских „святогонов” // Уваровские чтения — IV. — Муром, 2003. — С. 75-81.

⁵³Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1880. — С. 241.

⁵⁴Протокол № 142 // Древности. Труды Московского Археологического Общества. — М., 1880. — Т. VIII. — С. 41, 42.

⁵⁵Следует, однако, отметить, что ситуация, когда князь селился вне города, была достаточно типичной для древнерусских городов. См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. — М., 1971. — С. 126; Щенков А. С. Функциональная структура городов // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — М., 1993. — С. 41.

⁵⁶См.: Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков. — Горький, 1939; Грибов Н. Н. Сельская округа средневекового Муромы на правом берегу р. Оки // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 18-22; Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 247-248. В. Т. Пашуто также считает Муром одним из центров славянской колонизации Поволжья. См.: Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 96. Ср.: Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. — Казань, 1889. — С. 12-13. По его мнению, «расселением славян с юга в верховья Оки и в среднее ее течение — из земли Ростовско-Суздальской — сложилось великорусское население Муромо-Рязан-

ской земли».

⁵⁷ Русинов Н. Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. – Н. Новгород, 1994. – С. 123, 143.

⁵⁸ Цит. по: Адьквист А. Указ. соч. – С. 234.

⁵⁹ Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Мурома // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 70.

⁶⁰ Добрынкин Н. Н. Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии. Доисторическая эпоха древнейшего каменного века и бронзового периода. – Владимир, 1896. – С. 27.

⁶¹ Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 134.

⁶² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Владимирская губерния / Сост. полковник генштаба Талызин. – СПб., 1852. – Т. VI. – Ч. 2. – С. 141-142.

⁶³ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). – СПб., 1993. – С. 34.

⁶⁴ Лимборская С. А. Использование новейших технологий геномного анализа для изучения генофонда народов восточно-европейского региона, включая Муромский район Владимирской области // Уваровские чтения-IX. – Владимир, 2014. – С. 205.

В ПОИСКАХ ДРЕВНЕГО МУРОМА

Однозначного мнения по поводу того, где располагался первоначальный Муром, нет.

Пожалуй, впервые вопросом о местонахождении древнего Муромы задался в 1823 году член Королевского Варшавского общества любителей наук Зорян Доленга-Ходоковский (Адам Черноцкий). В 1823 году, в продолжение осуществления высочайше утвержденного «Проекта ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории», которая являлась первой в отечественной науке четко сформулированной программой исследования славянских древностей языческого периода¹, Ходоковский обратился с письмом к владимирскому губернатору П. И. Апраксину. «Приложенный при сем в копии Открытый Лист Г. Управляющего Министерством Внутренних Дел Графа В. П. Кочубея, — писал Ходоковский, — засвидетельствует предприятие мое... После обозрения Северо-Западной России, и здесь на планах в Межевой Канцелярии 24-х губерний, уверился я, что древняя География вошедшая в историю нашего Государства, основалась на слабых известиях преподобного Нестора в Киеве, и требует еще многих исследований, и местных проверок. Касательно же происхождения Словен, их языческой номенклатуры, и религиозных (?) оград земляных, которые во всем пространстве наших соплеменных, замечаются под названием *городцов*, и *городищ* (здесь и далее курсив Ходоковского. — Ю. С.), с постоянными в округе их названиями, не имеем во всей истории нашей точного изложения. Однообразие замеченное мною от пределов Шлезии до здешних мест, в насыпях Городищенских и порядке

древней номенклатуры, сделаться не могло само собою; и если обратить внимание на оное, то сколько может быть пользы в разных отношениях к Истории, и подлинному языку словенскому. Обращаясь к Знаменитому Начальнику Губернии, я не смею утруждать Его до излишества моими рассуждениями, и сейчас объясню, в чем состоит повод мой, и надежда что Ваше Сиятельство не оставите меня без великодушного содействия своего.

Муром уездный город с левой стороны Оки, почти всеми принимается за древнейшую усадьбу племени Муромы, а сие племя полагают за одно с Мордвою, Мещерою, и Черемисами принадлежащим к Финнам или Чудьскому народу. Сие кажется мне невероятным по причине: что Муром при разделении России на XII сыновей Владимира I был уже городом тогда, как все племена Финские не имели еще понятия о городах, и даже деревнях в настоящем смысле. Что в сей стране, на обоих берегах Оки представляются *Городища*, и языческие урочища, однообразно со всеми Словянами, и самое название Муромы, не есть единственное, повторяясь в Смоленской губернии, и других округах в именовании речек, и усадеб. По тому все писанное по ныне, можно назвать одною теориею, которая может открыться тем неудачнее, что никогда не было через все области наши практической проверки. Я имею причины сомневаться даже, чтобы нынешний город Мурома был на первобытном месте, хотя по указанию Российской иерархии в томе III на странице 358 имеется в оном *старое Городище*. Первоначальная усадьба Муромы долженствовала быть за Окою на устье речки Муромки, около 25 верст ниже теперешнего города, в близи к Сетчину погосту и Ефановой деревни в местах высоких, как сказано в Экономическом примечании Межевой Канцелярии, и при большой дороге,

лежащей из Мурома в Нижний Новгород. Ваше Сиятельство по любви к Отечеству, не будьте равнодушными и к Истории оного. Помогите своим просвещением и властью, чтобы кто из Муромских Чиновников или Помещиков обратил внимание на предложенное мною и исследовал бы: нет ли при Оке на устье речки Муромки каких-либо валов ограждающих жило, нет ли урочища: *Старой-Муромы*. Не будет ли насыпное, или так называемое *Городище* в сей околотке до Черного ручья, и речки Соколовки. Если же найдется последнее в натуре, или только в названии, то желал бы я, чтобы в округе оного списаны были все усадьбы, пустоша, и названия на 4 версты, с показанием каждого расстояния от *Городища*»².

Губернатор предписал муромскому исправнику собрать все необходимые сведения, и тот вынужден был отправиться в археологическую разведку «для изыскания о первобытном месте города Мурома», о результатах которой рапортовал 20 августа: «В Муромском уезде по правую сторону реки Оки речка Муромка действительно имеется, но она так мала, что более походит на ручей и начало имеет из-за деревни Корниловки, принадлежащей помещице Грушевской, которая речка протекает лесными местами, и через большую Нижегородскую дорогу расстоянием от теперешнего города Мурома на 25-й версте, от деревни Ефановой вотчины князя Сергея Михайловича Голицына в полуверсте и села Спаса-Седчина господж Киселевых в 3-х верстах; наконец от дер. Корниловки в 4 — верстах впадает в затон реки Оки, называемой озеро Седчино, расстоянием от Оки с версту; не доходя же до деревни Корниловки с полверсты по речке Муромке, во оную истекает ключ из оврага, называемого Чернавка, а за оным оврагом по речке находится до самой деревни Корниловки пустошь Соколово; речки ж Соколовки не оказалось; а при устье речки Муромки, на левой стороне

по течению, к селу Седчину имеется возвышенное место, но на оном находится строевой и дровяной сосновый лес, а в середине его имеются пахотные небольшие поля, называемые сечами; на правой же стороне Муромки к Оке в полуверсте имеется церковь приходская, называемая Перемилевская пустынь; но по обозрению моему всех вышеозначенных мест, ничего примечательного, чтобы около оных мест находился когда-либо город Муром, не открылось, да и по речке Муромке места более лесные и частию пахотные, к жительству ж неудобные»³.

«Сказание о граде Муроме» сообщает, что город стоял «и многим летом минувшим; пирнесен (так в тексте. — Ю. С.) на ино место вскраи того же града и поставлен идеже ныне стоит»⁴, там, где когда-то была поставлена «первоначальная» Благовещенская церковь, а сейчас стоят Благовещенский и Троицкий монастыри. В Муроме это место еще в прошлом веке называли Старое или Верхнее (Вышнее) городище, поскольку там до сегодняшнего дня визуальнo прослеживаются остатки земляных укреплений — валов. (В середине 1990-х годов владимирский археолог В. Глазов подтвердил существование одного из валов домонгольского времени, заложив разведочный шурф в колокольне Троицкого монастыря). Опираясь, видимо, на эти сведения «Сказания» и А. Л. Могайт, и М. Н. Тихомиров посчитали это городище изначальным местом расположения города⁵, тем более, что природный рельеф для укрепленного поселения был весьма выгодным.

За последующие пятьдесят лет ряд исследователей, занимавшихся изучением различных аспектов истории древнерусских городов, касавшихся, в том числе и Мурома, повторил этот тезис, особо не вдаваясь в подробности. П. А. Раппопорт и Т. П. Кудрявцева, например, с отсылкой к А. Л. Монгайту пишут: «Острог располагался на высоком

холме, лежащем в своеобразном природном треугольнике, ограниченном берегом Оки, Мытовским оврагом и дорогой, поднимающейся к граду от устья ручья Мытовского. На этом месте в XVII в. разместился Благовещенский монастырь. Позднее на другом холме у берега Оки выстроили вторую крепость — кремль. Расположенный между ними посад занял поднимающийся в гору участок берега, образовав центр всех частей Мурома и став основой города XVI-XVII вв.

Город IX-XIII вв. расширился к юго-западу от торгового центра в двух направлениях. Первое — вдоль берега Оки с включением муромских, а затем кривичских селищ, одно из которых на южной оконечности поселения еще в XI было занято Спасским монастырем. Второе направление было связано с развитием сухопутной дороги. Началом ее стал подъем на Старое городище, в дальнейшем перешедший в Московскую (Владимирскую) дорогу, пересекавшую будущий центр Мурома по диагонали... дорога к этому первому граду проходила от возможной пристани вдоль него, огибала его с юга и подходила к воротам с напольной стороны оборонительных сооружений, видимо, бывших деревоземляными. Основные высотные ориентиры города — храмы стояли вдоль берега реки, раскрываясь к ней. В какой-то степени градостроительная композиция Мурома IX-XIII вв. была близка Старо-Рязанской»⁶.

Это достаточно вероятно, тем более, что подобный путь в процессе роста проходили многие города: в самом начале своей жизни город нередко занимал скрытное место в некотором удалении от реки. Река, с одной стороны, была залогом успешного существования города, играя роль удобного пути сообщения, с другой — являлась носителем опасности, поскольку по ней могли внезапно нагрянуть незваные гости. По мере того, как город рос и крепчал, он постепенно

набирал силы для контроля над рекой, передвижением по ней купцов, военных отрядов, мигрантов, а, следовательно, и для дополнительного дохода — торговли, сбора пошлин, контроля над территорией и проч. Накачав мускулатуру, город менял дислокацию, выбираясь на самое побережье реки и занимая там тактически и стратегически важное положение, т. е. становился хозяином округи.

Однако в ситуации с Муромом ни эти сведения о первоначальном расположении города в Старом Верхнем городище, ни предположение о его последующем перенесении на высокий берег Оки не находят пока должного археологического подтверждения.

Местный краевед В. Чернышев, вслед за муромским знатоком первой половины XIX в. А. А. Титовым, полагает, что на этом городище поселился пришедший в город князь Константин⁷, легендарный креститель Мурома, которого традиционно отождествляют с князем Ярославом Святославичем⁸. Какими источниками пользовался Титов — местными преданиями, историческими документами или чем-то иным — неизвестно. Возможно, в его распоряжении была какая-то редакция «Сказаний» или «Жития Константина». «Он (Константин. — Ю. С.) построил для себя дворец в старом вышнем городе, укрепил его тыном и осыпал земляным валом (остатки которого и теперь еще видны под стеной Троицкого монастыря), — пишет Титов. — Вскоре построил деревянную церковь, во имя Благовещения Божией Матери близь дому своего... устроил дома, как для епископа, так и для прочих, прибывших с ним из Киева»⁹. В известных мне редакциях текста сказано только о строительстве Константином в этом месте двух церквей — Благовещенской и Борисоглебской.

Почему-то коллизию, описанную в «Сказании»,

В. Чернышев предлагает рассматривать как «противостояние славян, исповедующих языческую религию и славян-христиан, пришедших установить социально-экономический контроль над важными и значимыми землями муромской округи», исключая из конфликта остальное население, в том числе и мусульманское. Однако город, если верить автору повести — и мы это уже видели — был полиэтничным («А во граде Муроме, тогда живяху, погании человеци, мнози и различни, языцы злии», в том числе и адепты «Моамефа» — Мухаммеда, т. е. мусульмане). А вот племя мурома, по совершенно необъяснимому для меня мнению краеведа Чернышева, было «лояльно» по отношению к Константину, представляло «слабую военную угрозу» и от него «трудно было ожидать нападения», хотя в «Сказании» на это нет даже намёка. Более того, по результатам раскопок Пятницкого селища Е. И. Горюнова в 1946 г. отметила, что в XI в. с селища на некоторое время ушло население, и предположила, что это было связано с протестом против христианизации. Так ли это — судить трудно, но, во всяком случае, уже постановка вопроса ставит под сомнение полную «лояльность» мурома к Константину. Более того, анонимный автор публикации по истории Шатурского края в интернете делает из того же «Сказания» радикальный и также бездоказательный вывод: «В начале XI века он (первоначальный Муром. — Ю. С.) был разрушен киевским князем Константином и основан заново уже на том месте, где стоит и поныне»¹⁰.

В свою очередь, А. Альквист, изучавшая финно-угорский субстрат Ростовского и Переславского районов Ярославской области, в том числе и взаимодействие языческих верований с христианством, аргументированно отмечает: «Из древних источников хорошо известно, насколько трудно население Ярославской земли принимало новую, христианскую веру.

Кажется, не без основания можно предполагать, что местным дославянским населением, а именно мерей, христианство принималось хуже, чем пришлым славянского происхождения, уже из-за того, что новому богу приходилось служить на чужом языке»¹¹.

«Таким образом, — продолжает Чернышев, — „Старое вышнее городище” с градообразующей точки зрения следует рассматривать как важный элемент городской микротопонимики. В X-XI вв. оно представляло собой некую „приграничную” буферную зону, поскольку занимало срединное положение между территорией, полностью подконтрольной пришлым славянам-язычникам („Богатырева гора” и Кремль) с одной стороны, и старинными, исконными землями племени *мурома* (муромское селище Кожевники и Николо-Набережное селище) с другой»¹². В этом пассаже непонятным остается, во-первых, каким образом микротопонимика [а это *филологическая дисциплина, занимающаяся изучением названий* (курсив мой. — Ю. С.) небольших местных объектов, непостоянных, известных ограниченному кругу проживающих там людей], может влиять на градообразование? Вторая несообразность связана с тем, что автор исключает Богатыреву и Воеводскую (Кремлевскую) горы из числа «старинных, исконных земель племени *мурома*». Третье. Если резиденция Константина — «буферная зона», то закономерно следует вывод, что этот буфер ограничивает контакты «славян-язычников» и *муромы*, из чего вытекает и следующий вывод: *мурома* и славяне враждуют, или, по крайней мере, находятся в неприязненных отношениях. Более того, при таком раскладе как-то само собой получается, что собственно город — славянский, поскольку Воеводская гора занята славянами. Однако ничего подобного ни в «Сказании», ни в археологических данных нет. Более того, Н. Е. Чалых, в восьмидесятые годы

XX века проводившая раскопки на Воеводской горе, пишет, что в расчищенном комплексе жилых построек «под нижним венцом одного из домов... найден череп лошади — строительная жертва — обычай, характерный в начале XI в. для славянского населения. В другом доме, между стеной и печкой, расчищено погребение собаки на берестяной подстилке. Это уже пережиток обычаев местного финно-угорского населения, у которого собака была культовым животным». Совершенно очевидно, что на Воеводской горе бок о бок живут и славяне, и мурома.

С точки зрения безопасности в предполагаемых краеведом конфликтах Константин при такой дислокации также ничего не выигрывал, поскольку от городища до поселений и славян, и мурома было всего несколько сот метров. В случае внезапного, или, как говорили в древности, нечаянного приступа стража едва ли бы успела закрыть ворота, не говоря уже о том, чтобы подготовиться к отражению штурма. Судя по «Сказанию», у Константина был двор. Насколько он был укреплен — судить трудно: «В един день приидоша все невернии, муромстии народи ко двору; благоверного князя Константина, со оружием, и дреколием, и сташа вси у врат его». Скорее всего, это был огороженный дворовый участок, обнесенный частоколом, острог, где, кроме Константина и его семьи, жила незначительная часть пришедших с ним людей. Остальные обитали в отдельных жилищах, неукрепленных, что следует из дальнейшего текста: «Видевши вернии людие пришедших; велми убояшася! И затворишася во *храмах* (хоромах, жилищах, а не в укреплении; не побежали занимать место на стенах «по боевому расписанию»; курсив мой. — Ю. С.) своих, приготоваху оружия бранное к борению с сопротивными!».

Следует учесть, что в «Сказании» название «Старое вышнее городище» имеется далеко не во всех редакциях, в других

известных мне письменных документах и изданных работах оно появляется в XIX веке¹³. Например, изо всех хранящихся в Муромском музее рукописных вариантов, упоминание есть в двух: «И потом воздвиге в Старом городище первоначальную церковь превелику»¹⁴. В списке 1896 г., принадлежавшем местному «антикварию» Н. П. Андрину, место названо «старым городцом»¹⁵. Так что когда для муромских жителей городище стало «старым» — неясно. Хотя за полтысячи лет, прошедших до написания «Сказания» в середине XVI в., городище вполне могло успеть стать «старым».

По логике В. Чернышева определение «старое», входящее в название городища, существовало уже во времена Константина, и все потому, что «поблизости находилось два грунтовых могильника, принадлежавших племени *мурома* (они датируются VII-XI вв.) и Николо-Набережное селище VIII — нач. X вв.». Однако возможна и другая логика. Бытование микротопонимов в средневековых русских городах показывает, что дополнение «старое» появляется по отношению к тем объектам, которые или перестают играть свою прежнюю функциональную роль, или в том случае, когда появляется новый аналогичный объект. Во времена Константина усадьба (двор, укрепление?) вновь отстроенная пришедшим князем на прежде заселенном месте, скорее всего, должна была получить название или Константиновой, или Княжьей (ср.: Рюриково и Труворово городища, Ярославово дворище и проч.). Хотя, строго говоря, Константиновой она вряд ли могла быть, поскольку Константин в нашем контексте — имя легендарное, известное только по «Сказанию».

Если предположение о том, что определение «старое» появилось в названии достаточно поздно справедливо, то следует полагать существование еще одного городища —

условно назовем его «Новым» или «Нижним». О нем, однако, нет ни упоминаний, ни косвенных намеков в топографии и топонимике средневекового Мурома. Единственным гипотетичным претендентом на эту роль может быть укрепление на Кремлевской горе, т. е. собственно «город», кремль, или, в дефинициях Чернышева, «укрепленное местонахождение славян-язычников».

Значительный сумбур в систему аргументации В. Чернышева вносит и публицистическое использование им научных терминов. В одном случае он называет Старое вышнее городище «сторожевым пограничным форпостом». Форпост — передовая укрепленная позиция — предполагает подчиненную роль по отношению к основным силам. Такой силой в Муроме был кремль, где, по Чернышеву, сидели противники князя. Было бы весьма странно, если бы Константин взял на себя роль сторожа, охраняющего покой своих недругов. В другом случае городище определяется термином «город в городе», которым обычно обозначается детинец — внутреннее укрепление в самой крепости, полная противоположность форпосту. «Впоследствии, когда конфликт за правом обладания городом был исчерпан, „Старое вышнее городище” прекратило играть роль сторожевого пограничного форпоста», — утверждает исследователь, что, на мой взгляд, не совсем верно. В целом же в той картине, которую пытается нарисовать В. Чернышев, Вышнее городище предстает обычной укрепленной усадьбой. Их порой достаточно условно называют «замками феодала», и считают, что именно они из-за широкого распространения стали основанием для скандинавского названия Руси — Гардарики, Страна городов.

Единственное наблюдение исследователя, с которым трудно не согласиться, это то, что «городище находилось на приподнятом плато, и, будучи ярко очерченным глубокими

оврагами, действительно производило впечатление „вышнего”, т. е. более возвышенного, нежели соседняя кремлевская гора... прекрасно контролировало северную и западную часть городской территории, т. е. нижнее течение Оки и основную сухопутную дорогу, уходящую в западном направлении». Но и здесь из текста статьи не ясно: северную и западную части по отношению к городищу или по отношению к городу — «укреплению славян-язычников». Если это территории к северу и западу от городища — то они еще не были заселены, и в этом случае Старое вышнее городище — при условии, что на нем сооружены укрепления — казалось бы, действительно могло играть роль сторожевого пункта от внешних врагов. Но опять же непонятно, зачем в таком небольшом удалении от города ставить целое укрепление, когда вполне можно обойтись сторож ей, или, в крайнем случае вежей — наблюдательной башней. Если же это север и запад от кремля — это территория городского торгового, и в предложенном Чернышевым контексте непонятно, зачем нужен военный контроль над ним.

Пожалуй, объяснение характера и функций сооружения на Старом вышнем городище следует искать во втором названии этого места — Острог. Это название впервые встречается в писцовой книге 1624 г.: «Да на посаде ж в осыпи, где бывал острог, монастырь Благовещенский»¹⁶. Выделив курсивом слово «острог», В. Чернышев считает, что это «долгое сохранение памяти о Старом вышнем городище», хотя об оном не сказано ни слова. Здесь я просто разведу руками, поскольку не в состоянии постигнуть логику автора: каким образом слово «острог» сохраняет «сохраняет память» о городище? А вот память об остроге в этой фразе действительно сохраняется, и понятно, что этот острог был здесь не столь давно. Названный же Благовещенский монастырь скорее указывает для сведущего

человека, что городище и острог стояли примерно на одном месте, чем напрямую отсылает к городищу.

Название «Острог», наряду со Старым вышним городищем, приводит еще один местный краевед второй половины XX века — А. А. Епанчин. Его сообщение могло бы внести некоторую ясность в вопрос об «исторической памяти». К сожалению, Епанчин не указывает источников информации: книжные ли это сведения или сообщения носителей устной традиции; это делает невозможным определение времени и сферы бытования названий и практически обесценивает значение приведенных фактов. Говоря о границах территории, он расширяет ее на восток до берега Оки¹⁷, что, на мой взгляд, маловероятно.

И. И. Срезневский так определяет значение слова «острог»: «Частокол, ограда из кольев, устраивавшаяся около города, как для защиты, так и для нападения на город; внешнее окружное укрепление (противоположность детинцу — крепости внутренней)»¹⁸. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» острогом названа «внешняя крепость в противоположность детинцу»¹⁹, а в «Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)» — внешнее окружное укрепление города»²⁰. Острогом также назывался укрепленный пункт, обнесенный оградой из тына, т. е. вертикально поставленных бревен, заостренных сверху²¹. Остроги могли быть «жилыми», если в них имелось постоянное население, или «стоялыми» — если они вмещали гарнизоны только на время ведения военных действий²².

Если с этих позиций подобраться к нашему городищу, становится ясным его предназначение. Прежде всего, не возникает сомнений, что это фортификационное сооружение, расположенное с максимально возможным учетом защитных свойств рельефа местности. Дело не только в том, что овраги, у откосов которых стоял острог, затрудняли подступы к нему

и его штурм. С одной стороны, укрепление контролировало территорию самих оврагов и, соответственно, препятствовало скрытному сосредоточению сил противника при подготовке приступа города с наиболее уязвимо для него направления. С другой стороны — и другим фасадом — сооружение выходило на северную оконечность городского торга, которое «по совместительству» являлось и осадным пространством. Шедшие на приступ города, таким образом, попадали в клещи, оказываясь под двойным ударом — с фронта и с тыла.

После покорения Казани Иваном Грозным во второй половине XVI века оборонное значение Мурома падает. В начале XVII, в смутное лихолетье, город был разорен и разграблен бандами Лисовского и Крупки. От укрепления остаются воспоминания и валы, образующие городище, — «в осыпи, где бывал острог» — и восстанавливать острог нет резона и средств. Насколько мне известно, заложенные в свое время на территории Троицкого и Благовещенского монастыря археологические шурфы показали отсутствие слоев домонгольского времени — встречались лишь отдельные вещи этого периода. Это свидетельствует, что городище было необитаемым, гарнизон в него, видимо, ставили по мере опасности.

Городское предание связывает начало Мурома и с Чадаевским городищем, что находится в 9 км западнее от современного города. Оно стало известным по найденному в 1895 г. бронзовому наконечнику ножен меча скандинавской работы²³. Полномасштабных раскопок там не проводилось. Однако неоднократные обследования датируют его IX-X вв.²⁴ Разведочные шурфы и разрез вала были произведены Н. Н. Ворониным, который, датируя памятник тем же временем, пришел к выводу, что «городище не обиталось и было убежищем»²⁵. Есть предположение, что это был пункт сбо-

ра дани теми же варягами. Чаадаевское городище в городских преданиях связывают и с переселением туда муромских жителей в период запустения города после нападения татар, моровой язвы и пожаров, где они жили до 1351 года, до возобновления города князем Юрием Ярославичем²⁶.

Таким образом, наиболее вероятной оказывается все-таки версия изначального возникновения города на высоком овражном мысу — Кремлевской (Воеводской) горе — левого берега Оки в X-XI вв.

¹ См.: Голотвин А. Н. Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей. — Воронеж, 2014. — С. 69.

² А. См. Где был древний город Муром? // Труды Владимирской ученой комиссии. — Владимир, 1901. — Кн. III. — С. 3-4.

³ Там же. — С. 4.

⁴ Житие святого благоверного князя Константина и чад его, благоверных князей Михаила и Феодора, муромских чудотворцев. Сказание о граде Муроме // Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006. — С. 247.

⁵ Монгайт А. Л. Муром. — М., 1947; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — С. 76.

⁶ Раппопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — М., 1993. — С. 123.

⁷ Чернышев В. Я. Муромское «Старое вышнее городище»: от мифа к реалиям // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://moscowia.su/projects/konkurs/raboty/2008/1016-muromskoe-staroe-vyshnee-gorodishche-ot-mifa-k-realiyam>; Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — Муром, 1991. — С. 19 (Репринт с издания: Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1902. — Кн. IV).

⁸ См.: Шиман Н. Б. О муромских князьях XI-XIII веков // Уваровские чтения — VIII. — Владимир, 2012. — С. 169-179.

⁹ Титов А. А. Указ. соч. — С. 19.

¹⁰ Шатурский край // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://>

vobbler.narod.ru/pages/trips/kraeved/shatura.html.

¹¹ Альквист А. Синие камни, каменные бабы // Journal de la Soci et e Ougrienne 86. – Helsinki, 1995. – P. 20.

¹² Чернышев В. Я. Муромское «Старое вышнее городище»: от мифа к реалиям.

¹³ См., например: История Российской иерархии, собранная Новгородской Семинарии Ректором и Богословия Учителем, Антониева монастыря Архимандритом Амвросием. – М., 1811. – Ч. III. – С. 358; Титов А. А. Указ. соч. – С. 19; Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 83; Сокращенная редакция жития благ. князя Константина Муромского // Серебрянский М. Древнерусские княжеские жития. – 1915. – ЧОИДР. – Кн. 3. – Прилож. VIII. – С. 102.

¹⁴ Сказание о граде Муроме. М 30593 Л. 19; М 2306.

¹⁵ Повесть о водворении христианства в Муроме // НА МИХМ. – М-2303 (65). – С. 20.

¹⁶ Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 48.

¹⁷ Епанчин А. А. Топонимика Мурома и его окрестностей. – Муром, 2000 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/d/domnina_e_a/toponimikamuroma.shtml.

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1902. – Т. II. – Стб. 744-745.

¹⁹ Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1987. – Вып. 13. – С. 156-160.

²⁰ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) – М., 2009. – Т. VI. – С. 231.

²¹ Ласковский Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России. – СПб., 1858. – Ч. I. – С. 15.

²² Древнерусские деревянные фортификационные сооружения. Типы древнерусских фортификационных сооружений. Виды типовых оград, виды стен срубам, детали их. Типы башен и детали их конструкции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wood.totalarch.com/krasovsky/5>.

²³ Спицын А. А. Древности бассейнов Оки и Камы // МАР. – М., 1901. – № 25. Табл. XXVIII, 2.

²⁴ Паспорт памятника археологии, № 29 от 30 августа 1960 г. // НА МИХМ. – Ч. 12; Королев В. Б. Отчет об археологической разведке... – Л. 14; Предварительный отчет работы разведочного отряда Окской экспедиции института краеведческой и музейной работы НКП РСФСР –

Ю. М. Смирнов. В поисках древнего Мурома

1939 год // Переписка об археологических исследованиях // НА МИХМ.
— № 280. — С. 12.

²⁵Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. — № 343. — С. 31.

²⁶Тихонравов К. Указ. соч. — С. 82.

МУРОМ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И без того скудные на информацию источники по истории раннего Мурома — летописи, «Повесть о водворении христианства в Муроме», «Повесть о Петре и Февронии» — к тому же содержат чрезвычайно мало сведений, по которым можно судить о локализации Мурома в географическом пространстве. Из ранних прямых сведений следует только то, что находится город в «Рустей земле», где-то на реке Оке. Контекстуальное прочтение текстов позволяет уточнить, что располагается он в лесах между Ростовом и Рязанью (чуть позже появляется туманная привязка к Суздалию, Владимиру и Москве). Ближайшие соседи — мордва и меря. При этом складывается впечатление, что летописцы сами не вполне представляют, где он находится, этот Муром. А. Г. Кузьмин, например, отмечает, что «в Густинской и Никоновской летописях наблюдается смешение Тмутаракани и Мурома. Видимо, существовал какой-то источник, сближавший или даже отождествлявший Муром с Тмутараканью»¹ — городом на Таманском полуострове.

Скандинавские сочинения — «Hauksbok», «Heimslýsing», «Сага об Одде-Стреле» — также знают Муром, но и в них, как правило, обращение к городу носит констатирующий характер в общем списке перечисляемых городов². Любопытно, что в исландском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире», восходящем к XI в., указаны восемь главных городов Руси, причем Муром (Moramar), Ростов (Rostofa) и Суздаль (Surdalar) названы в перечне раньше Новгорода и Киева³. В некоторых источниках по неизвестным нам причинам Муром вообще назван первым среди главных городов: «В том государ-

стве, которая зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Полоцк и Кенугард (Киев)».

Таким образом, опираясь на сведения этих источников, в лучшем случае — с известными допущениями — можно лишь говорить о существовании города в то или иное время в достаточно неопределенном пространстве.

Под 862 годом Лаврентьевская летопись в числе «иниих языцев», дающих дань Руси, называет и мурому. Если верить летописи, Муромская земля попала под руку Рюрика после его призвания на княжение Русью. Муром, как и ряд других земель, Рюрик отдает во владение своим дружинникам⁴. Даннические отношения — и тоже не синхронно, а с временным отрывом — зафиксированы и в исландской «Саге об Одде Стреле», сообщающей, что конунга, который правил в Морамар (Муроме. — Ю. С.), звали Марро⁵. Судя по тому, что конунга, правившего в Ростове (по саге «земля Радстова») источник называет Радставом, конунга Хольмграда — Хольмгейром, Палтескьюборга — Палтесом, Кенугардов — Кёнмаром, эти имена, как и Марро, являются именами не собственными, а титульными, т. к. включают в свой состав название подчиненной местности. По-русски это бы звучало как князь Муромский, князь Ростовский.

Кроме того, что мурома платила дань Рюрику, письменные источники — исландские и русские — больше ничего не говорят о взаимоотношении племени с внешними правителями.

Показательно, что в первой половине X века, при князе Игоре, Муром отсутствует в списке данников Руси⁶. С одной стороны, это наводит на мысль, что включение Мурома наряду с другими, не существовавшими в IX веке, городами в список данников в XI веке призвано обосновать традицией притязания «власти Руси» на эти территории. С другой — что некая терри-

тория, носившая название Муром, ранее платила дань, но, став городом, усилившись, отказалась это делать. Похожая ситуация сложилась в X в. с вятичами. В 966 году Святослав, во время похода на Оку и Волгу, обложил их данью, но после смерти Святослава, вятичи, воспользовавшись ослаблением центральной власти, временно возвратили себе независимость⁷. Во всяком случае, «Сказание о граде Муроме» связывает неприятие муромскими жителями в XI в. пришлых князей не столько с предложением принять христианство, сколько с необходимостью выплаты дани⁸. Автору летописной вставки XI в. современный ему Муром также известен как языческий.

В последнее время в работах ряда авторов появились новые версии происхождения Мурома. Согласно одной из них, Муром построил балтавар (князь) Кара-Булгара Чернояр (Караджар) в 815 году⁹, т. е. возраст города увеличивается еще почти на полвека. Сторонники этого сенсационного мнения основываются на тексте не столь давно опубликованного свода средневековых болгарских летописей «Джагфар тарихы» («История Джагфара»), в которой Муром имеет название Кан (Кан-Керман, Кан-Мардан, Кан-Мурдас) и входит в болгарскую губернию Мардан-Беллак¹⁰. Эта гипотеза могла бы перевернуть все наши представления о генезисе Мурома, если бы не одно но: «После краткого анализа основных проблем представленного текста, вне всякого сомнения, можно сказать, что данная работа является вымышленным документом XX века, „изобретением традиции”, — пишет известный американский тюрколог Юлай Шамильоглу. — Полное опровержение его потребует комментария, равного по размеру оригиналу. Но я не могу даже представить себе, что кто-либо из историков или тюркологов потратит на это свое время». Ведущие историки и тюркологи академической школы с ним вполне солидарны¹¹.

Два других исследователя, говоря о «средневековой глобализации на территории современной России», подгоняя исторические данные под свою гипотезу, утверждают, что Муром, построенный дашти-кипчаками, наряду с Киевом, Новгородом и несколькими другими городами, существовал уже в V-VI вв.¹² Большая группа авторов «Истории экономических учений», не касаясь времени происхождения Мурома, утверждают, что его, «город-крепость», построили киевские князья¹³.

Не менее фантастическую версию выдвигает анонимный автор в статье об истории Шатурского края, восточная оконечность которого входила в свое время в Муромское княжество. Не приводя никаких доказательств, автор полагает, что «главное святилище племен междуречья Оки и Клязьмы, посвященное богу Перуну, находилось на самой высшей отметке — 162 метра — в районе нынешнего села Тугалес». В группе озер около этого села есть и озеро под названием Муромское. Соответственно, «изначально город Муром, как языческий центр, расположен был в районе тугалесских озер. В начале XI века он был разрушен киевским князем Константином и основан заново уже на том месте, где стоит и поныне»¹⁴.

Что касается включения летописцем Мурома в список городов, то оно вполне объяснимо, т. к. в XI веке, когда была сделана вставка, он уже существовал как город, о чем свидетельствуют и древнескандинавские географические обзоры. Тем более, что, судя по лингвистическим данным, и до возникновения города местность носила то же название — Муром¹⁵, и, собственно, фраза начальной летописи «в Муроме — насельники мурома», не дает возможности однозначного толкования, что Муром — это город. С таким же основанием Муром может означать определенную местность, район, тем более, что и позже Муромом порой называли не город, а территорию.

Например, Петр Петрей Де Ерлезунда в начале XVII века писал: «В 40-ка милях к востоку от Нижнего Новгорода лежит маленькая область, называемая Муром, имевшая прежде собственных Князей и Государей»¹⁶.

Эта «маленькая область» находится в средней части России, называемой Белой Россией, которая, как указывает В. Н. Татищев, лежит между Великой и Малой Россией. Ее восточные границы простираются до устья Оки, а «древние владения в ней знатных были: ...Мурома или Озерная, во оной город Муром древний»¹⁷, т. е., как видим, Василий Никитич разделяет Муром-регион и Муром-город. Происхождение названия местности Ерлезунда объясняет анекдотически: «Думаю, что одно место в этой стране называется Белоруссией по той причине, что там мужчины в летнее время носят на голове белые шапки, а женщины красят и поддельывают себе лица белилами»¹⁸.

Топоним Белая Россия (*Rossia Bianca*, *Russia Alba*, *Alba Russia*) был известен и в Западной Европе XV-XVII вв. Однако локализовывали его западные картографы и географические руководства в разных местах, подразумевая под ним в одном случае московские земли к востоку от Днепра, в другом — к юго-западу, довольно часто размещая в северо-западных областях России, реже — на востоке¹⁹. И. К. Фоменко склонен объяснять происхождение названия символически, исходя из противопоставления другому топониму — Черная Россия (*Rossia Negra*). Последним термином, по мнению исследователя, на западе обозначали территории, находившиеся в зависимости от монголо-татар — значки городов здесь сопровождалось изображением татарской тамги, а вот у городов Белой Руси таких изображений не было²⁰. Государь царь и великий князь Алексей Михайлович в годы войны с Польшей включил в свою объектную, т. е. фиксировавшую подчиненные земли

и территории, титулатуру наряду с Великой и Малой Белую Русь, для которых он значился как самодержец²¹. Только при принятии Петром I титула императора формула «великий государь, царь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» была заменена на «император и самодержец Всероссийский». Сам Муром издавна был включен в титулатуру бояр, окольничих, думных людей, стольников и дворян, которым следовало пользоваться ей «по старшинству при посольствах и переговорах», что подтверждалось докладной запиской о наместничествах царю Федору Алексеевичу в 1678 г.²²

К первой половине XII века сведения о Муроме уже, видимо, распространяются по Европе. Это немудрено: в XI-XIII вв. Муром был столицей Муромо-Рязанского княжества и самым крупным поселением восточнее Днепра²³.

Знаменитый арабский географ аль-Идриси в 1154 году закончил сочинение под названием «Развлечение утомленного в странствии по областям» (или, в другом переводе «Отрада страстно желающего пересечь мир»). Это была своего рода энциклопедия о земной поверхности, обобщавшая сведения греческих и арабских географов, путешественников и специально посланных людей и, главным образом, интинерариев — путеводителей, которыми пользовались купцы и прочие странствующие. Составленная аль-Идриси карта мира представляла собой, по сути, множество условных маршрутов, в некотором условном порядке без масштаба и точной ориентации по странам света распределенных по условной поверхности. Так что подобная конструкция для современного интерпретатора является весьма сложной головоломкой. Тем не менее, один из 6000 поименованных в тексте объектов — город Баруна — исследователи вслед за финским историком О. Талльгреном-Туулио склонны считать Муромом²⁴.

На западноевропейских картах Муром появился после второго путешествия в Россию в 1526 году Сигизмунда Герберштейна. Прилагаемые к его «Запискам о Московии» карты изображали Муром традиционным картографическим символом крупных городов: огороженным стеной с проездной башней, с виднеющимся за стенами шпилем собора и крышам и зданий. Как это водилось в то время, С. Герберштейн в описаниях указывает гидрографическую сеть и расстояние до ближайших или важных городов: «Клязьма начинается в четырех немецких милях (немецкая или географическая миля – 7420 м. – Ю. С.) от Москвы... ниже Владимира она течет на расстоянии двенадцати миль до города Мурома (Muron), расположенного на берегу Оки... В двадцати четырех милях от Владимира прямо на восток некогда в обширных лесах было княжество, народ которого назывался муроманами (Murmani) и которое изобиловало звериными мехами, медом и рыбой... Нижний Новгород... отстоит на сорок немецких миль на восток от Мурома... есть река Мокша (Mosha), она течет с юга и впадает в Оку выше Мурома... Ока... протекает кряду мимо многих городов»²⁵, в том числе около Мурома.

После этого Муром постоянно присутствует на западноевропейских географических картах. Чаще его помещали на левом, но иногда и правом берегах Оки, то выше, то ниже впадения Клязьмы. По описаниям Ерлезунды, сделанным до 1620 г., мимо Мурома, стоящего в ряду «многих больших городов», протекает Волга, которая «потом течет в Нижний Новгород»²⁶. Обозначали его как большой город. На карте 1596 г. он окружен крепостной стеной с башнями и символ города значительно больше, чем у соседнего Нижнего Новгорода. На карте И. Массы (Амстердам, серед. XVII в.) Муром расположен на восток от Москвы, но значительно севернее, гораздо ближе

к Вологодчине, чем к Рязани, между мерей и мордвой, и обозначен значком, много меньшим, чем столица, и меньшим, чем Вологда, Переславль и ряд других городов. На карте Г. Герритса (Голландия, 1649 г., переиздание 1614 г.), Муром уже гораздо ближе к Москве, почти строго на восток от нее и обозначен таким же знаком, еще восточнее Мурома — нагорные черемисы и мордва. Позиция Мурома на перегазированной в 1820-х гг. П. Дейтриардом издании 1651 г. почти такая же, значок города меньше, чем у Москвы, но больше, чем у, скажем, Касимова. Весьма интересно, что, если у Герберштейна вся карта обозначена как карта Московии, то здесь Московией называется не все русское государство, а лишь ближайшие земли юго-западнее Москвы²⁷.

Четырежды в своих путешествиях в Персию и обратно проплывал мимо Мурома англичанин Энтони Дженкинсон. В 1562 году, т. е. после первого путешествия, появилась карта, где Муром обозначен символическим значком города и расположен на левом берегу реки «Mosco» — так он назвал Оку. В своих записках Дженкинсон отметил, что было солнце, и они определили широту Мурома — 56° (для сравнения: измерения начала XX в. показывали $55^\circ 35'$ с. ш.²⁸; современные измерения дают $55^\circ 34'$)²⁹.

На всех картах Муромщину обычно располагали в безлесной местности, в ополье. Ближайшее изображение лесов имелось, как правило, на правобережье Оки или гораздо севернее Мурома, хотя Муромская земля издревле славилась «заповедными и дремучими». Суздальская летопись конца XII в. сообщает о том, как в этих лесах заблудились не то, что неприятельские, — свои рати: «Между тем как Михалко с братом Всеволодом и с Володимером Святославичем шли к Москве в 1176 г., Володимерцы выехали им навстречу... услышали

об этом Мстислав (Ростовский) и Ярополк (Владимирский), посоветались с дружиною своею и повелели Ярополку с полком его — идти против Михалка... и Божиим промыслом разминувшись (обе рати) в лесах, и Михалко с Москвы поехал к Володимеру, а Ярополк иным путем вышел к Москве»³⁰.

А вот на амстердамской карте 1596 года на противоположном от Мурома берегу Оки показаны самые густые в европейской части России леса с устрашающей надписью в чащобе: «Mordva grassatore mahumetan» («мордовские разбойники магометанской веры»)³¹. Еще раньше западноевропейские картографы помещали в этих местах воительниц-амазонок, фигуры дикарей в шкурах, разрывающих руками диких зверей, и даже Ultra Alexandria (Александрию Крайнюю) — город, основанный Александром Македонским на границах его завоеваний³². Короче говоря, для жителей Западной Европы Муром существовал где-то на краю ойкумены, полном опасностей.

Эти полуанекдотичные легенды в известном смысле отражают реальное положение вещей, ибо и для жителей Московии Муром на протяжении пяти веков был крепостью на краю ойкумены Руси, охранявшей ее восточные рубежи.

По указу государя Ивана Васильевича после 1552 года был сделан «Большой чертеж всему Московскому государству». Предназначался он, главным образом, для отправки «государевых посылок», поэтому составлен был на основе дорожников — маршрутных указателей, которыми и прежде пользовались купцы и гонцы. Поэтому и указаны в нем дороги летние — сакмы и зимние — реки, которые в холодное время были самыми удобными путями сообщения. Указывалось и расстояние между соседними населенными пунктами. Чертеж довольно быстро истребался, его поновляли, однако до нашего времени дошло только его описание — «Книга Большому Чертежу», где отме-

чено «А ниже Елатьмы 50 верст, на Оке город Муром. А ниже Мурома 25 верст, с полдни (с юга. — Ю. С.) пала в Оку река Теша. А против Тешы реки с другой стороны пала в Оку река Унжа»³³.

В начале XVII века по чертежу царевича Федора Годунова была создана карта России, изданная Г. Герритсом в Амстердаме в 1614 году. Муром на этом плане размещен северо-восточнее-восточнее Москвы, во Владимирской земле, на ее границе с нагорными черемисами, но обозначен значком большим, чем сам Владимир³⁴.

Следует отметить, что даже в XVIII в. солидные, казалось бы, российские географические издания допускали весьма серьезные ошибки в описании топографии Мурома. Например, в «Топографических известиях, служащих для полного географического описания Российской империи» Г. Х. Л. Бакмейстера, сведения для которых были предоставлены «по запросным известиям из Муромской воеводской канцелярии присланным за подписанием Коллежского Ассесора Григорья Батурина» в апреле 1764 года, точно указано, что «расстоянием сей город находится от Нижнего Новагорода в 121, от Арзамаса 120, от Гороховца в 80, от Касимова в 80, от Володимера в 120 верстах». Но при этом утверждается, что у Оки «на правой руке вниз лежит нагорная сторона, а на левой луговая... Построен он (Муром. — Ю. С.) на луговой стороне реки Оки»³⁵.

На самом деле — наоборот. Луговая, пойменная, сторона лежит на низком правом берегу Оки, а город стоит на высоком левом. Едва ли подписавший «запросное известие» муромец Григорий Батурин мог так ошибиться. Скорее всего, была произведена редакторская правка, поскольку считалось, что в силу вращения земли в наших широтах высокий берег у рек обычно правый. «До впадения в Оку реки Ушны, — писал П. Полевой,

– левый берег Оки является нагорным, а правый покрыт песками, болотами и лесом. Здесь-то, на самом высоком месте левого берега, стоит, красуясь, древний город Муром. Тотчас за Муромом левый берег начинает понижаться и за рекой Ушной становится совершенно ровным; но зато здесь подходят к самому правому берегу Премиловские горы и делают его нагорным до самого устья»³⁶.

¹ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. – М., 1965. – С. 62.

² См., например: Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М., 1985. – С. 226-227; она же. Список древнерусских городов в «Книге Хаука» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. – М., 1989; Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. – М., – С. 141-156; она же. Древнескандинавские географические сочинения. – М., 1986; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. – М., 1978. – С. 146, 166-167, 217; и др.

³ Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округа. – Владимир, 2004. – С. 87.

⁴ См., например: Карамзин Н. М. История Государства Российского. – Изд. Эйнерлинге. – Т. 1. – С. 67.

⁵ Родина М. Е. Указ. соч. – С. 87.

⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование древнерусского государства. – М., 1951. – С. 197.

⁷ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) Летописи. – Варшава, 1885. – С. 167.

⁸ См.: Смирнов Ю. М. Еще раз к вопросу о христианизации Мурома // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). – Владимир, 2007. – Т. 1. – С. 132-137; он же. Крест, меч и золото (Еще один взгляд на христианизацию Мурома) // Альманах краеведа. – Владимир, 2008; Кривошеев Ю. В. Муромо-Рязанская земля. очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей. – Гатчина, 2003.

Ю. М. Смирнов. Муром в географическом пространстве

⁹ См. например: Трусов С. В. О происхождении Мурома, Рязани и о денежных знаках древней Руси // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.murom.ru/node/4824>.

¹⁰ Джагфар тарихы. — Оренбург, 1993. — Т. 1; Краткий словарь средневековых болгарских географических названий и терминов, встречающихся в «Джагфар тарихы» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/10_History/Djagfar_Tarihi/DjagfarTarihiDictionaryRu.htm.

¹¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E6%E0%E3%F4%E0%F0_%D2%E0%F0%E8%F5%FB.

¹² Тамакаев А. Я., Есенакаев Э. А. Средневековая глобализация на территории современной России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--b1admmflbe.xn--p1ai/?p=1717>.

¹³ Юдина Т. Н., Зотова М. В., Козаченко Б. Ф., Кочетков А. Л., Кудряшова В. В., Левина Л. Ф., Писемский В. А., Черкасов М. М., Фигурновская Н. К. История экономических учений. Часть 1: История русской экономической мысли // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook241/01/part-002.htm>.

¹⁴ Шатурский край // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vobbler.narod.ru/pages/trips/kraeved/shatura.html>.

¹⁵ Альквист А. От Мурома до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 236-237.

¹⁶ Де Ерлезунд Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. — М., 1867. — С. 28.

¹⁷ Татищев В. Н. Лексикон российский исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения. — Л., 1979. — С. 183.

¹⁸ Де Ерлезунд Петр Петрей. Указ. соч. — С. 88.

¹⁹ Кордт. Материалы по истории русской картографии. — Киев, 1899. — Вып. 1. — Табл. II; Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. — СПб., 1836. — Т. I. — Разд. II. — С. 104; Новомосковский Павел Иовий. Книга о Московитском посольстве. — СПб., 1908. — С. 259В; Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив. — М.-Л., 1940. — Т. III. Цит. по: Франческо Тьеполо. О делах московских (ок. 1560 г.) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istclub.ru/topic/656-%D1%84-%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE-%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%85-%D0%BC%D>

0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BE%D0%BA-1560-%D0%B3/; и др.

²⁰ Фоменко И. К. Россия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 59-60.

²¹ Титулы русских государей // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?id=3389&rzd=1>; Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. – М., 2008. – Ч. 1. – С. 121-136.

²² Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 150.

²³ Рапопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – М., 1993. – С. 122.

²⁴ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК, XLIII. – М., 1952; Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999. – С. 98, 101, 108-109; Харин Евгений. Критический анализ книги Коноваловой о карте Идриси и новая трактовка некоторых спорных моментов, касающихся территории бассейна Волги: Артан, Кама, Вятка, Иднакар, город Табуни и страна Баджанаков, Русская река и страна Нибарийя // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/h/harin_e_a/idrisy.shtml. Е. Харин полагает, что Муромом можно считать город *Kiniu*, расположенный ближе к Булгару, т. к. Муром по-булгарски звался Кан.

²⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 134, 138.

²⁶ Де Ерлезунд Петр Петрей. Указ. соч. – С. 78.

²⁷ См.: Кольникова В. М., Михайлова Ю. И., Таценко С. Н. Планы Москвы и карты Московии из собрания Музея истории Москвы. – М., 2006. – С. 90, 92, 93.

²⁸ Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.

²⁹ *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson and others Englishmen.* – London, 1886. – P. 44-45; Краткий справочник по городу Мурому. – С. 5.

³⁰ Лавр., под 1176 г. – С. 356. Цит. по: Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. – СПб., 1880. – С. 138.

³¹ Фоменко И. К. Россия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 63.

³² Там же. – С. 58, 59, 60.

Ю. М. Смирнов. Муром в географическом пространстве

³³ Древняя Российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города и урочища, и на каком они расстоянии. — СПб., 1773. — С. 138; Книга Большому Чертежу или Древняя карта Российского Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. — СПб., 1792. — С. 198-199.

³⁴ Кольникова В. М., Михайлова Ю. И., Таценко С. Н. Указ. соч. — С. 43.

³⁵ Бакмейстер Г. Х. Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — СПб., 1771. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 130, 133.

³⁶ Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. — СПб., 1880. — С. 139-140.

МУРОМ ТОРГОВЫЙ (VIII-XI вв.)

Еще до революции вопрос происхождения древнерусского города попал в круг интересов отечественных историков. Видные исследователи — М. Т. Каченовский, В. О. Ключевский, Д. Я. Самоквасов и др. — уделили ему значительное внимание. Однако отсутствие полноценной базы археологических данных не позволило прийти к однозначному и определенному решению.

К середине тридцатых годов прошлого века был накоплен некоторый необходимый материал, и советские историки и археологи вновь обратились к решению проблемы, рассматривая генезис города с социально-экономических позиций¹. По мере ввода в научный оборот новых разнообразных данных, стали появляться различные предположения и гипотезы, порою взаимоисключающие друг друга. Рассматривая первые русские города, М. Н. Тихомиров, например, высказал соображение, что причиной их появления стал внутренний рынок, который удовлетворял потребности сельской округи². В феодальных замках VIII-IX вв., вокруг которых концентрировались ремесленники, видел основу городов М. Ю. Брайчевский³, а для С. А. Таракановой такой основой были бывшие племенные центры восточно-славянских племен⁴. По А. Н. Насонову города как экономические центры вырастали в ходе развития центров феодального властвования⁵. С точки зрения В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова основой для первых городов послужили племенные центры, которые вследствие разложения родового строя изменили свою роль⁶. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский исключили княжеские замки и торгово-ремесленные поселения как основу возникновения древнерусских городов, поставив

на их место административные вечевые центры сельских округ, где сосредоточивалась и взимаемая с округи дань, и отряды, ее собиравшие⁷. Снять противоречия и найти точки соприкосновения в высказанных гипотезах попытался Л. В. Алексеев. По его мнению, условием образования города была возможность сбыта ремесленной продукции, а, следовательно, города могли расти на торговых путях, в тех местах, где стояли укрепленные пункты, предоставляющие безопасность торгово-ремесленным поселениям. Соответственно, центростремительной основой для них могли быть и укрепленные племенные центры, и феодальные замки⁸. Таким образом, единой модели становления древнерусских городов не было. Эта теория была поддержана М. Г. Рабиновичем⁹, а В. Г. Пашуто отметил, что разница в происхождении обуславливалась многообразием форм социальной структуры и политических функций¹⁰.

Что касается Мурома, то в исторической литературе он давно и прочно обрел эпитет «торговый»¹¹. Этому определению, как правило, сопутствуют самые общие рассуждения по поводу торговых путей или два-три факта, свидетельствующие о некоторых торговых контактах, или же некие предположения. На этом обычно характеристика коммерческой деятельности Мурома заканчивается.

Между тем, самым ярким индикатором развитых форм торговли является наличие денег в той или иной форме. С античных времен и до конца XIX в. около трети добываемого серебра шло на чеканку денег. Главным источником серебра для Европы долгое время служили единственные известные в то время рудники на территории Испании, принадлежавшие Карфагену, а затем Риму¹². В течение нескольких веков первого тысячелетия нашей эры многие страны и народы Европы в качестве основного платежного средства использовали римскую монету.

Восточные славяне с денежным серебром познакомились также еще в античные времена. Во II и III вв. н. э. римская серебряная монета массово ввозилась в Восточную Европу, оседая в основном на территориях Поднестровья и Поднепровья. За двести лет было импортировано такое количество серебра, что его как сырья для ремесла хватило на четыреста лет. По минимальным подсчетам к 1966 году на территории Центральной и Восточной Европы зарегистрировано свыше 50-ти тысяч римских монет, найденных в кладах или отдельными экземплярами на территориях древних поселений и в могильниках¹³. Однако в Поокском регионе находки таких монет чрезвычайно редки. Муромская земля не исключение. Единственной известной мне находкой античной монеты на территории Муромской земли является даже не серебряный римский денарий, а медная афинская тетрадрахма, точнее, варварское подражание ей, или, как записано в старой инвентарной книге музея, «грубая подделка монеты»¹⁴. Самое интригующее то, что монета входила в состав клада из 558 золотоордынских и русских монет XIV-XV вв., найденного у д. Молотицы и скрытого между 1434 и 1450 гг.

С VIII в. в муромских могильниках появляются первые монеты — серебряные арабские дирхемы. Дирхем представлял собой тонкую круглую серебряную пластинку диаметром 20-25 мм. На ней с обеих сторон были вычеканены арабские надписи, содержащие благочестивые изречения, имена правителей и сведения о месте и годе чеканки монеты. Поскольку надписи делались шрифтом куфи, сами монеты получили название куфических. Такой тип на протяжении четырех столетий — с конца VII в. — оставался единственным для мусульманской серебряной монеты. Само по себе присутствие монет в погребениях еще не дает основания говорить о существовании денежного обращения у муромы; тем более, что, судя по проделан-

ным в некоторых монетах отверстиям или припаянным ушкам, а в некоторых случаях и подвеской нескольких штук в монисто, они могли использоваться в качестве украшений.

Впервые находки куфических монет в Муроме документально зафиксировал местный краевед А. А. Титов в 1840 г., но достоянием широкой публики эти сведения стали только в 1900 г. после публикации их другим краеведом, Н. Добрынкиным: «На земле издревле бывшей городской, ныне отошедшей священнослужителям Крестовоздвиженской церкви, находится овраг, Бучихою называемый, где... ныне построены чугуноплавильный и кирпичный заводы; во время рытья для последних глины, от поверхности не более 5 четвертей (в зависимости от того, какую четверть использовал Титов, глубина в пересчете на современные меры составит от 0,9 до 2,7 м. — Ю. С.)... попадаются серебряные с монгольскими надписями монеты (понимай — дирхемы. — Ю. С.); — полагать надобно, что во время отдаленное на этом месте было языческое кладбище»¹⁵. Найденные во времена Титова монеты не сохранились, но впоследствии на это известие ссылались многие исследователи, а могильник получил название Пятницкого. За многие десятилетия некрополь был значительно поврежден добычей глины, поэтому раскопать его полностью не удалось. Тем не менее, в 1937 г. проводивший раскопки К. Я. Виноградов в числе находок отмечает определенные Р. Р. Фасмером «серебряные дирхемы, чеканившиеся в Самарканде в первой половине X в.»¹⁶. Было их не менее двух — в могилах № 22 и 29¹⁷.

Пятницкий могильник не единственный, где были найдены монеты. В 1924 году от академика живописи и коллекционера И. С. Куликова в музей поступили шесть дирхемов 913-970 гг., обнаруженных в д. Подболотне в 1910 г. — один целый, два с пробитыми отверстиями и три обломка; в 1933 от другого

жителя Мурома приобретен еще один, аббасидский, найденный там же в том же 1910 г.¹⁸ Еще В. А. Городцов, в 1910 г. проводивший первые раскопки этого некрополя, отмечал, что «на пашнях к северо-западу от могильника крестьяне нередко выпаживают серебряные монеты»¹⁹.

Находки дирхемов в могильниках на племенной территории муромы на середину 1980-х годов суммировала Л. А. Голубева. Всего к тому было времени вскрыто тридцать погребений с монетами. «Самая старшая — аббасидский дирхем 753-754 гг. из погребения 5 Максимовского могильника... — найдена с вещами IX — начала X в. Монеты Аббасидов IX в. (без младших монет) чеканки 820 и 825, 867 и 880-881 гг. обнаружены в погребениях 16, 9, 6 Максимовского могильника... которые датируются по вещам IX в. и началом X в. В Корниловском могильнике встречена монета 853-862 гг., чеканенная в Мерве. Две аббасидские монеты IX в. происходят из Подболотьевского могильника (Муромский музей, нумизматическая коллекция, № 12 027-12 028). Одна аббасидская монета IX в. вместе с двумя саманидскими X в. обнаружены в погребении 1 Корниловского могильника... В 21-м погребении муромы (18 происходят из Мальшевского могильника) и на двух поселениях — Тумовском и в Муроме — найдены дирхемы X в.»²⁰. Через несколько лет Т. В. Равдина приводит сведения еще об одиннадцати монетах (целых и фрагментах) из раскопок на Максимовском могильнике (у Л. Голубевой по этому могильнику значатся четыре монеты) и обломках двух дирхемов из случайно вскрытого погребения в Молотицах²¹. В. В. Гришаков и Ю. А. Зеленева дополняют сведения о находках на Мальшевском могильнике еще 33-мя монетами 900-980 гг.²²

При этом на протяжении VIII в. весь бассейн Оки край-

не беден на клады и отдельно поднятые монеты. Известно всего 4 экземпляра, чеканенных в 750-760 гг. Из них два — 753/754 и 758 найдены в Муромском регионе. В первой четверти IX века на Оке уже происходит выпадение девяти кладов (258 экз.) и семи отдельно поднятых монет. На территории, впоследствии занятой г. Муромом, — только одна монета 822 г. Исходя из этого, И. В. Петров делает вывод, что здесь в то время «о формировании крупных и средних состояний не может быть и речи. Следовательно, едва ли можно говорить о формировании на данной территории влиятельных торговых и военно-политических элит»²³. Косвенно этот вывод свидетельствует о том, что на Муромщине еще нет условий для складывания города.

К середине XX века историкам по Восточной Европе было известно более 400 кладов и отдельных находок куфических монет²⁴; каждый год их число увеличивается на 3-4 клада²⁵. Из них на бассейн Оки приходится почти треть. На территории Волго-Окского междуречья обнаружено более 50-ти кладов, количество монет в которых варьирует от нескольких штук до десятка тысяч²⁶.

«Серебряный поток» не обошел и Муромскую землю. В 1924 г. у деревни Савково близ Мурома открыт клад дирхемов; из всех монет — точное число их мне неизвестно — удалось определить 203 штуки, позднейшие из которых чеканены в 996 г.²⁷ Через 73 года, в сентябре 1997, на селище у той же деревни, всего в 350 метрах от предыдущей находки, без следов упаковки был найден небольшой кладик из 5-ти куфических монет и одной серебряной пластины монетовидной формы. Спрятан он был не ранее 970 г.²⁸ Еще один клад, разошедшийся по рукам, был обнаружен под Муромом в 1980 г. Его объем и состав установить не удалось; единственная плохой сохранно-

сти монета из этого клада, которую видели у местного коллекционера, была бита от имени Исмаила бен Ахмада на монетном дворе Самарканда²⁹.

На Русской равнине известно всего четыре клада-гиганта арабской монеты с числом, превышающим 10 тыс. экз.³⁰ Один из них, самый большой для всей Восточной Европы, зарытый после 939 г., обнаружен на территории бывшего муромского кремля в 1868 году всего в 20 саженьях (42 м) от алтаря Богородицкого собора. Под остатками деревянного сруба в двух сосудах — медном и керамическом, заложенными глыбой известняка на глубине около полутора метров, оказалось 10 077 целых (в глиняном) и 14 фунтов изломанных (в медном) монет. Судя по тому, что еще в тридцатые годы XX в. от частных лиц в музей поступали монеты из этого клада, какое-то количество дирхемов все-таки ушло на «сувениры». Общий вес находки составил 2 пуда 23 фунта, т. е. более 41 кг. (Для сравнения: ежегодный размер выплаты Новгорода киевскому князю в первые десятилетия XI в. составлял 50 тысяч дирхемов, или 136,4 кг серебра)³¹. Интервал чеканки монет — от 715 до 935 гг.³², чеканены они в аш-Шаше, Андерабе, Самарканде, Балхе, Нишапуре, Мадинат ас-Саламе и других городах³³. Камень, под которым схоронили сокровище, В. М. Потин рассматривает не только как примету, по которой его можно было найти хозяину, но и как свидетельство языческого пережитка поклонения камням и принесения им жертвы³⁴. В финно-угорском язычестве действительно существовал такой культ. А. Альквист, например, рассматривая культ камней в Ярославской области и связывая его с дославянскими верованиями местных финно-угров (меря), отдельно отмечает сопутствующие им факты и легенды о кладах³⁵. Вероятнее всего, муромская глыба была специально втащена на Кремлевскую гору, поскольку таких камней в округе не встречается.

Весной 2006 года еще один клад найден двумя рыбаками на левом (муромском) берегу Оки в 12 км от города. В раздавленном глиняном горшке всего в 10 см от поверхности было спрятано несколько небольших серебряных слитков, моток серебряной же проволоки, 29 западноевропейских и византийских монет и 970 куфических дирхемов и их фрагментов. Из слитков рыбаки сделали блесны, проволока затерялась, а монеты авторам сообщения удалось взвесить и сфотографировать. Дальнейшая их — монет — судьба неизвестна. Дирхемы этого клада чеканились на тридцати семи монетных дворах с 751 по 1003-1004 гг. Младшая же монета, которая дает нижнюю границу датировки клада, — это английский денарий 978-1016 гг.³⁶ Часть монет и обломков была с одним-тремя пробитыми отверстиями, часть обрезана. Анализируя хронологию поступлений, авторы сообщения отмечают десятилетнюю безмонетную лакуну, на время которой — примерно в 1007 г. — приостановилось формирование сокровища, а затем его владелец, возможно, переместился западнее и дополнил клад поздними монетами; сравнивая находку с другими крупными кладами этого времени, авторы приходят к заключению, что накопление предназначалось уже не для денежного обращения, а являлось серебряным ломом для изготовления украшений³⁷.

Таким образом, сегодня можно говорить не менее чем о пяти кладах дирхемов, выпавших на Муромщине. Следует учитывать, что клады скрывали с разными целями: они могли служить депозитами, свидетельствовать об инфляции, военной угрозе, быть накопителем сырья для ювелирных изделий или жертвоприношением.

При раскопках Подболотьевского могильника 2012-2013 гг. найдено еще пятнадцать целых дирхемов, три фрагмента, пять подражаний³⁸; причем, в трех случаях монеты находились

в кошельках — явное указание на то, что они использовались в качестве денег. Есть в регионе и отдельно найденные монеты: два дирхема чеканки 757-758 гг. — в Муроме и Лесникове, еще два 821-822 и 939 гг. — в Муроме³⁹. Один аббасидский дирхем (821-822 гг.) найден в 1925 г. Ф. Я. Селезневым при обследовании Чаадаевского городища⁴⁰. Еще три или четыре дирхема были обнаружены рабочими там же во время строительства трансформаторной будки в конце 1990-х; о двух дирхемах из Максимовки и Лесникова упоминает И. В. Петров⁴¹. Дирхем Саманида Насра, Самарканд, 938 г., найден в 1935 г. в Муроме около церкви Козьмы и Демьяна⁴².

По сведениям местных коллекционеров из не паспортизированных находок 8-9 монет в последние годы поднято на свекольном поле в Старых Котлицах; позже на том же поле найдено несколько фрагментов. Один дирхем обнаружен в Молотицах при рытье котлована под фундамент дома; еще один целый и несколько обломков подняты на поле рядом с Чаадаевским городищем; несколько экземпляров найдено в черте города на берегу Оки: всего было 12-15 находок. Разломанные и обретенные монеты подобраны в окрестностях Мурома у Ковардиц, Юрьева, Михайлова, Катышева, Угольного. Количество найденных фрагментов не установлено (но не менее 10-ти). Четыре подражания мультидирхемам в окрестностях Мурома стали добычей «черных археологов» во время проведения Второй международной нумизматической конференции в 2003 г.⁴³ Все они разошлись по частным коллекциям за пределы Мурома⁴⁴. Судя по тому, что в интернете время от времени появляются сообщения вроде этого от апреля 2012 года «сегодня нашли около Мурома один дирхем татаро-монгольский, второй Саманидский (8-10 век)... и третий тоже какой-то куфический дирхем нашли в прошлом году»⁴⁵, обозначенное выше количе-

ство найденных монет далеко не конечно.

Собственно, единичные находки, даже паспортизированные, в отличие от кладов не позволяют выявить закономерности денежного обращения. Однако найденные дирхемы — а их только целых не менее 38-ми (плюс еще более 75-ти в погребениях), свидетельствуют о достаточно интенсивном их использовании на Муромской земле.

Проникновение арабского серебра на Муромщину не было случайным. После распада Западной Римской империи в 476 году чеканка римской монеты, соответственно, прекратилась. Почти на триста лет заглохла и разработка рудников. Обращение римского платежного серебра еще некоторое время — около шестидесяти лет — продолжалось на европейском рынке, составляя его денежную основу, однако отсутствие новых эмиссий повлекло за собой уменьшение денежной массы⁴⁶. Выпуск собственной монеты начал король франков Теодеберт I (правил 533/534-547/548)⁴⁷. Но в 711 году на Пиренейский полуостров пришли арабы и создали там могущественное государство — Кордовский эмират, с которым разгорелась война у крупнейшей тогда европейской державы — империи франков Карла I. На ведение войн Карлу, воевавшему к тому же со всей Европой, требовались немалые средства. Эльзасские рудники, поставлявшие серебро с VII в., положения не спасали.

Арабы возобновили добычу на испанских копях и интенсивно разрабатывали серебряные рудники в Центральной Азии⁴⁸. Однако еще одна крупная держава — недружественная Карлу Византия, едва ли не перманентно конфликтовавшая и с гигантским Арабским халифатом, перекрывала доступ мусульманского серебра в Центральную и Северную Европу через Балканы. Единственными воротами, сквозь которые арабское и среднеазиатское серебро могло перетекать на запад, становилась

Восточная Европа, и важнейшей дорогой, ведущей к этим воротам, был Волго-Окский путь, поскольку до похода Святослава 965 г. на Оку и Волгу сухопутные пути находились под полным контролем Хазарского каганата. Изучив состав европейских кладов куфических монет X в. А. В. Фомин определил, что на границе Средней Азии распределялись на два потока: «Первый направлялся в Волжскую Булгарию, а затем вверх по Волге. Второй монетный поток распространялся из Хазарии в Поднепровье и частично в Поднестровье и Прикарпатье»⁴⁹. После ослабления хазар роль Волжской Булгарии, а, следовательно, и Волго-Окского пути, значительно возросла.

Едва ли стоит напоминать, что в древности реки служили магистральными транспортными артериями, по которым, в том числе, двигались и торговые караваны, соединяя подчас невообразимо далекие друг от друга земли. По рекам с минимальными затратами можно было перемещать большое количество грузов, а естественная речная сеть, притоки крупных рек, расширяла рынки сбыта. В разное время разные авторы писали по этому поводу примерно одинаково: «Волга и Ока с своими притоками служили большою торговою дорогою для Суздальцев, Ростовцев, Владимирцев, Устюжан, Муромцев и Рязанцев, по которой они торговали с Болгарами, Мордвою и другими тамошними народами»⁵⁰; или: «На юго-востоке — Муром, — древние, насиженные центры обширных и богатых поселений двух финских племен — Меря и Муромы. Племена эти, благодаря водным системам Оки и Волги, уже очень рано вошли в торговые сношения с Востоком и Севером через посредство Волжских Болгар, и с норманнским Западом, через Новгород. Рано вступили эти финские племена в тесную связь с племенами славянскими»⁵¹. Места слияния рек долгое время служили путевыми ориентирами во всяческого рода описаниях маршрутов.

Волга — самая большая река Европы — вместе со своими полноводными притоками Камой и Окой образовывала грандиозную трансконтинентальную воднотранспортную систему, в значительной мере обеспечивающую потребности в торговых сношениях многих стран и народов. Эту систему принято называть «Великий Волжский путь»; скандинавы, по некоторым данным, называли его и вместе с ним Русь «Аустверг» — «Восточный путь»; для отдельных исторических периодов в литературе используются уточняющие названия: «Путь из варяг в арабы» или «Серебряный путь». Название «Серебряный путь» возникло не случайно, и это не просто красивый эпитет.

Начало его активного использования для транзита серебра некоторые исследователи связывают с тем, что, заключив союз с ободритами — племенами западных балтийских славян, среди которых были и отряды руси-варягов, — Карл I узнал от них о возможности получения арабского серебра и поручил им найти оптимальный путь доставки драгоценного металла с Востока⁵². Другие полагают, что освоение Волжского пути — целиком заслуга викингов, точнее, их страсти к серебру: «Где бы ни оказывались датчане, норвежцы или шведы в то время, они высоко ценили этот драгоценный металл, и приобретение его являлось одной из главных целей скандинавов, были ли они пиратами, купцами или наемниками... все были рады любой возможности захватить или отобрать серебро. Именно за мусульманским серебром скандинавские купцы пускались на Волгу, и именно серебром платили скандинавским наемникам за их службу английские короли и византийские императоры. Для некоторых приобретение серебра для того, чтобы копить его или носить в виде украшений, было самоцелью, другие же видели в нем средство получить другие необходимые вещи — еду, вино или

верность»⁵³. Однако только освоения торговых путей было мало — следовало также взять их под свой контроль⁵⁴, что порою удавалось сделать варягам. Например, к 850-м гг. в результате нашествий они установили контроль над территориями ильменских словен, кривичей, мери и веси, не ограничиваясь при этом установленной данью, а творя «насилия», о которых упоминают летописи⁵⁵.

Этим, собственно, можно объяснить изначальный интерес варягов (в частности, Рюрика) и к стоящему на «Серебряном пути» Мурому, прослеживаемый по летописям.

Однако двинувшаяся с конца VIII в. арабская монета до Центра, Запада, а некоторое время и до Севера Европы так и не доходила, оседая, главным образом, на ее Востоке. В. М. Потин утверждает, что в Скандинавии, например, ни только кладов с арабским серебром VIII в. нет, — отсутствуют даже находки отдельных монет⁵⁶, однако А. К. Марков сообщает о единственном маленьком куфическом кладе, найденном на Готланде, младшая монета которого относится к 783 г.⁵⁷ (это не означает, что клад был сокрыт в том же году — обычно это происходит через несколько десятилетий после времени выпуска монеты). В целом по наблюдениям В. Л. Янина в Западной Европе монет оседало в два раза меньше, чем на землях восточных славян⁵⁸. Со ссылкой на Н. Бауэра В. Л. Янин утверждает, «что приток серебра в Русь был поистине гигантским. Перемещение масс серебра с Востока... в IX-XI вв. на территорию Руси имело следствием, в частности, то, что куфическая нумизматика гораздо полнее представлена в музеях СССР, чем на родине этих монет»⁵⁹.

Статистический анализ, проведенный нумизматами разных стран, показывает, что мусульманское серебро в IX в. сначала несколько десятилетий обращалось в Восточной Европе⁶⁰.

В этом случае, если постулат о решающей роли викингов в торговле по Волжскому пути принять за истину, следует признать, что, возвращаясь «из арабов», свою маржу воинственные скандинавы до суровых северных земель не довозили. Трудно представить, как насельники Мурома предлагали им такой уровень комфорта и неги и такие соблазны и товары, что закаленные в походах, набегах и путешествиях варяги проматывали все полученные деньги, словно непутевый артельщик-золотоискатель, в первом встретившемся кабаке. К тому же в этом случае на Муромщине должна была остаться россыпь скандинавских вещей — а этого, увы, нет. Таким образом, из этой логической схемы следует, что если и бывали здесь варяжские гости, то не столь часто. А. Л. Монгайт также отвергал скольконибудь заметное участие в транзитной торговле по Оке и Волге норманнов, поскольку находки скандинавских вещей в рязанском и муромском течении Оки единичны.

Проанализировав топографию выпадения кладов на землях восточных славян, количественное соотношение монет с различной датировкой, местом чеканки и, соответственно, эмитировавших их династий и правителей в каждом кладе, В. Л. Янин пришел к выводу, что транзит мусульманской серебряной монеты не являлся главной целью восточных славян и их ближайших соседей. Львиная доля серебра оседала у них и служила не только и не столько сырьем для ювелирных и иных изделий, сколько платежным средством, т. е. обслуживала собственную торговлю. Об этом оставили свидетельства и средневековые арабские авторы. Заинтересованность восточных славян в серебре хорошо отражена современниками. Рассказывая о том, как происходит торговля у славян и восточных купцов, ал-Гардизи отмечал: «Дирхемы они ломают, и каждый кусок [употребляют в дело?]. Потом они (арабские купцы. — Ю. С.) те дирхемы отдают рус-

сам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»⁶¹. В свою очередь Ибн-Русте писал, что «у них (славян. — Ю. С.) нет денег (чеканенной монеты своей нет у них)... белые, круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они их покупают (приходят к ним... путем мены за их товары)»⁶².

Происходило это потому, что, за исключением болотных железных руд, заселенные восточными славянами регионы практически не имели собственных месторождений иного металлического сырья. Таким образом, арабское серебро в виде монеты — куфического дирхема, стало основным ввозимым с неевропейского Востока продуктом⁶³. Разумеется, ввозилось монетное серебро не просто так: со стороны славян, финно-угров, скандинавов, славяно-финно-угорских общностей по Оке и Волге двигался встречный товаропоток.

Обращение куфической монеты в Восточной Европе продолжалось два с половиной века — с конца VIII по первую половину XI. На начальном его этапе — конце VIII — начале IX — вместе с куфическими монетами завозились и драхмы сасанидского типа, тоже участвовавшие в торговле, однако в поокскихкладах они встречаются редко, в том числе и на муромской территории.

Подробно анализируя ситуации на денежных рынках Восточной Европы по находкам восточных монет, И. В. Петров приходит к выводу, что количество обращавшегося там арабского серебра в разные периоды не было одинаковым. Выделив девять этапов обращения куфического дирхема с середины VIII по XI вв., автор отмечает, что в них были кризисные периоды, когда приток серебра в Восточную Европу резко ослабевал и даже совсем прекращался, связывая их с внешнеполитической ситуацией⁶⁴.

Таким образом, вопрос о причинах происхождения города в случае с Муромом оказывается напрямую связанным с транс-континентальной торговлей. К концу X — началу XI веков на Муромской земле возникла ситуация, благодаря которой в племенном центре муромы, расположенном на важном водном участке международного торгового пути, сконцентрировались значительные финансовые средства. В условиях разложения родо-племенного строя это неизбежно должно было повлечь складывание новых местных финансово-политических элит и стремление этих элит к укреплению, обогащению и усилению своего влияния. Наиболее очевидным способом достижения таких целей было сооружение укрепленного административно-ремесленного центра, который бы устанавливал и обеспечивал порядок внутренней и внешней торговли, осуществлял функции охраны местного населения и транзитных торговцев, служил перевалочной, ремонтной и продовольственной базой и проч. Таким центром и стал Муром.

¹ См.: Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. — 1934. — № 11-12; Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // ИГАИМК, 1934. — Вып. 103; Юшков С. В. Очереди по истории феодализма в Киевской Руси. — М.-Л., 1939. — С. 20-24.

² Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Уч. Зап МГУ. — М., 1946. — Вып. 99. — С. 32-35.

³ Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов: города Среднего Приднестровья, Поднестровья и Побужья в VIII-IX вв. н. э. по полевым данным последних лет // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 41.

⁴ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. — 1950. — Вып. 25; она же. К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИИМК. — М., 1951. — Вып. 41.

- ⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951.
- ⁶ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник ЛГУ. – Л., 1970. – № 3.
- ⁷ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – № 2.
- ⁸ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. – М., 1966. – С. 132.
- ⁹ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М., 1968.
- ¹⁰ Пашуто В. Г. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – М., 1966.
- ¹¹ См., например: Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. – М., 1954 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy-ru.com/ekonomicheskaya-istoriya-rf/torgovlya-zarapdnoy-evropey-drevney-23096.html>.
- ¹² Серебро в мире // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xenoid.ru/elements/serebrovmire.php>.
- ¹³ См., например: Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kirsoft.com.ru/mir/KSNews_320.htm; он же. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к Своду археологических источников вып. Г4-4) // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1966. – Т. VI. – С. 93-121.
- ¹⁴ МИХМ. Инвентарная книга № 4 (10 939-12 331). По нумизматике.
- ¹⁵ Титов А. А. Статистическое обозрение города Мурома (публ. подг. Н. Добрынкин) // Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир, 1900. – С. 56.
- ¹⁶ Карпов А. В. Пятницкий археологический комплекс в древнем Муроме: история изучения и вопросы интерпретации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://рпу.рф/uploads/3-12/karpov.pdf>.
- ¹⁷ Виноградов К. Раскопка Пятницкого могильника в гор. Муроме в 1937 году. Цит. по: Карпов А. В. Указ. соч.
- ¹⁸ КП 4. – Л. 77об.-78. № 12 026, 12 027-12 033.
- ¹⁹ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. – М., 1914. – Т. XXIV. – С. 51.
- ²⁰ Голубева Л. А. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1987. – С. 92.
- ²¹ Равдина Т. В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней

Ю. М. Смирнов. Муром торговый (VIII-XI вв.)

Руси: Каталог. — М., 1988. — С. 82, 86.

²² Гришаков В. В., Зеленев Ю. А. Муром VII-XI вв. — Йошкар-Ола, 1990. — С. 52-53.

²³ Петров И. В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // International Journal of experimental Education. — 2012. — P. 82.

²⁴ См.: Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). — СПб., 1910; Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики и т. д. // Сообщ. ГАИМК. — Л., 1926. — Т. I; он же. Список монетных находок (II) // Там же. — Л., 1929. — Т. II.

²⁵ Хан Н. А. Очерки распространения куфических монет на территории Восточной Европы в конце VIII — начале XI вв. — М., 2004. — С. 3.

²⁶ Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. — Владимир, 2004. — С. 67-68.

²⁷ Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л., 1989. — С. 108 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://englishbookworld.com/bookinfo-dubov-i-v/dubov-i-v-velikiy-volzhskiy-put-razdel-1.html?start=28>.

²⁸ Петров П. Н., Калинин В. А. Кладик куфических монет из-под г. Мурома // Древности Поволжья и других регионов. — Нижний Новгород. — 2000. — Вып. 3 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=drevniy-mir&author=petrov-pn&book=2000&page=60>.

²⁹ Там же.

³⁰ Хан Н. А. Метролого-хронологическое обсуждение // Бауэр Н. П. Серебряные и золотые слитки русского средневековья (Археологическое исследование). Ч. 1. (1929). Ч. 2 (1931) / Пер. с немецкого. Введение и комментарий Н. А. Хана. — М., 2013. — С. 164.

³¹ Ляхницкий В. Н. О конфликте князя Владимира с Ярославом // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2011. — История. — № 2 (14).

³² Марков А. К. Указ. соч. — С. 5-6. — № 28. Родина М. Е. Указ. соч. — С. 67-68; Янин В. Указ. соч.; Хан Н. А. Указ. соч. — С. 50-54; и др.

³³ Хан Н. А. Очерки распространения куфических монет... — С. 50.

³⁴ Потин В. М. Монеты, клады, коллекции. — СПб., 1993. — С. 204.

³⁵ См.: Альквист А. Синие камни, каменные бабы // Journal de la Soci et e Ougrienne 86. — Helsinki, 1995. — P. 15.

³⁶ Рева Р. Ю. (Новосибирск), Гростьянский О. В. (Чебоксары). Денежно-вещевой клад начала XI века из окрестностей Мурома (предварительное сообщение) // Обзор докладов и сообщений Международной нумизматической конференции «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18-20.04.2014 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://muzeydeneg.ru/research/obzor-dokladov-i-soobshheniy-mezhdunarodnoy-numizmaticheskoy-konferentsii-epoha-vikingov-v-vostochnoy-evrope-v-pamyatnikah-numizmatiki-viii-xivv/>; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gold10.ru/news/19535/.

³⁷ Там же.

³⁸ Зеленцова О. В. Отчет о проведении охранных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Мурома (II этап) (в 5-х томах). – М., 2013. – Т. I. – С. 28, 29, 30, 31, 56, 93, 127; она же. Отчет о проведении научных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в 2013 г. (в 3-х томах). – М., 2014. – Т. 1. – С. 31, 40, 46, 51. Благодарю Вал. В. Бейлекчи, любезно предоставившего мне возможность познакомиться с отчетами о раскопках.

³⁹ Петров И. В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // International Journal of experimental Cation. – 2012. – № 5. – С. 82.

⁴⁰ См.: Мурома и славяне // http://lubovbeuzsl.ucoz.ru/publ/istorija/murom/osnovanie_muroma_knjaz_gleb_vladimirovich_svjatoj/66-1-0-1393; МИХММ. Инв. № 10 350.

⁴¹ Петров И. В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // International Journal of experimental Education. – 2012. – P. 82.

⁴² КП 4. – Л. 77об.-78. – № 12 025.

⁴³ Арсюхин Е. Стояли три сосны. Муром – каким он был и каким я его увидел // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archeologia.narod.ru/murom/murom.htm>.

⁴⁴ Благодарю Л. Соловьева, любезно сообщившего мне эти сведения.

⁴⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kladoiscatel.ru/forum/2-394-2>.

⁴⁶ См.: Максимов М. Очерк о серебре // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-mihail-maksimov/10269-ocherk-o-serebre-mihail-maksimov/read/page-1.html>.

⁴⁷ Франкское государство // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Ю. М. Смирнов. Муром торговый (VIII-XI вв.)

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.

⁴⁸ О рудниках см., например: Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII вв. // http://kroraina.com/casia/kamalid/kamal2_12.html.

⁴⁹ Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // СА. — 1988. — № 4. — С. 187-198.

⁵⁰ Беляев И. Рассказы из русской истории. — М., 1865. — Кн. 1. — С. 367.

⁵¹ Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. — СПб., 1880. — С. 136.

⁵² Аимин А. Серебряный путь // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://groza.ru/2009/10/05/1179>.

⁵³ Соьер П. Эпоха викингов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.plam.ru/hist/уэроха_викингов/index.php.

⁵⁴ Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне. Ученые, политики и дипломаты о русско-скандинавских отношениях. — СПб. 1998. — С. 61.

⁵⁵ Петров И. В. Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2013. — № 8. — С. 132.

⁵⁶ Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX-XVII вв. — Л., 1970. — С. 66.

⁵⁷ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). — СПб., 1910. — С. 62. — № 13.

⁵⁸ Янин В. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/28_ya/ni/n_1.htm.

⁵⁹ Там же. Автор ссылается: Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Munzen des 11 und 12. Jahrhunderts. Zeitschrift für Numismatik (Berlin). Bd. 39 (1929) und 40 (1930). Автореферат. Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1933. — № 9-10. — С. 235.

⁶⁰ См.: Хан Н. А. Очерки распространения куфических монет... — С. 11.

⁶¹ Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью в 1893-1894 гг.» // Бар-

тольд В. В. Сочинения. – М., 1973.

⁶² Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. – Чебоксары, 1954. – С. 46; другой перевод, приведенный в скобках, см.: Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста и т. д. – СПб., 1869. – С. 24-25.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Работы И. В. Петрова: Сасанидское монетное серебро (Средняя Волга, Вятка, Кама) // Перспективы науки. – 2013. – № 3. – С. 56-58; Периодизация обращения куфического дирхема и региональные денежные рынки (VIII-IX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2013. – № 4-3. – С. 137-141; Верхневолжский и Волго-Клязьминский денежный рынок IX в. // Государство и гражданское общество. – СПб., 2004. – Вып. 9. – Ч. 1. – С. 181-191; Восточное монетное серебро: Западная Двина – Днепр (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования (Далее – МЖЭО. – Ю. С.). – 2012. – № 5. – С. 57-58; Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 82; Крупнейший восточноевропейский клад (IX в.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 116; Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (до 825 г.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 116-117; Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (до 825 г.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 125-126; Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (до 825 г.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 136-137; Архивные материалы и обращение восточного монетного серебра в Восточной Европе // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 138-139; Древнейшие восточные монеты Волховско-Ильменского региона (VI – первая половина VIII в.) // МЖЭО. – 2012. – № 5. – С. 139; Восточное монетное серебро: Минское и Могилевское монетные скопления (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований (Далее – МЖПФИ. – Ю. С.). – 2012. – № 5. – С. 72; Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (до 825 г.) // МЖПФИ. – 2012. – № 5. – С. 83; Восточное монетное серебро: Прибалтика (до 825 г.) // МЖПФИ. – 2012. – № 5. – С. 95; Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (825-859 гг.) // МЖЭО. – 2012. – № 6. – С. 25-26; Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (825-859 гг.) // МЖПФИ – 2012. – № 6. – С. 26-27; Восточное монетное серебро: Западная Двина – Днепр (825-859 гг.) // МЖПФИ. – 2012. – № 6. – С. 27-28; Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (825-859 гг.) //

Ю. М. Смирнов. Муром торговый (VIII-XI вв.)

МЖЭО. — 2012. — № 6. — С. 28; Восточное монетное серебро: Ока (825-859 гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 6. — С. 28; Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (825-859 гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 6. — С. 28-29; Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (860-879 гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 7. — С. 96-97; Восточное монетное серебро: Прибалтика (825-859 гг.) // Современные наукоемкие технологии (Далее — СНТ. — Ю. С.). — 2012. — № 7. — С. 8; Западные монетные связи Древней Руси (830-е гг.) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 8; Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (860-879 гг.) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 9; Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (860-899 гг.) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 13-14; Восточное монетное серебро: Верхняя Волга (880-890-е, 860-870-е гг.: сравнительный анализ) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 35; Восточное монетное серебро: Западная Двина — Днепр (860-899 гг.) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 58; Восточное монетное серебро: Прибалтика (860-899 гг.) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 61; Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (880-899, 860-879 гг.: сравнительный анализ) // СНТ. — 2012. — № 7. — С. 64; Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (860-899 гг.) // МЖПФИ. — 2012. — № 8. — С. 69; Восточное монетное серебро: Березина (конец IX в.) // МЖПФИ. — 2012. — № 8. — С. 73; Восточное монетное серебро: Ока (860-870-е, 880-890-е гг.: сравнительный анализ) // МЖПФИ. — 2012. — № 8. — С. 118; Первый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (700-740-е гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 10. — С. 68-71; Второй этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (750-760-е гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 10. — С. 71-72; Третий этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (770-780-е гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 10. — С. 72-76; Четвертый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (790-е гг.) // МЖЭО. — 2012. — № 10. — С. 76-77; Пятый этап обращения куфического дирхема на Западно-Двинском денежном рынке (800-е — 1 пол. 820-х гг.) // СНТ. — 2012. — № 12. — С. 39; Пятый этап обращения куфического дирхема на Волго-Вятско-Камском денежном рынке (800-е — 1 пол. 820-х гг.) // СНТ. — 2012. — № 12. — С. 40; Пятый этап обращения куфического дирхема на Верхневолжском (Волго-Клязьминском) денежном рынке (800-е — 1 пол. 820-х гг.) // СНТ. — 2012. — № 12. — С. 40-42; Пятый этап обращения куфического дирхема и Минское монетное скопление (790-е гг.; 800-е — 1 пол. 820-х гг.) // СНТ. — 2012. — № 12. — С. 42; он же. Пятый этап обращения куфического дирхема на Волховско-Ильменском денежном рынке (800-е — 1 пол.

820-х гг.) // СНТ. – 2012. – № 12. – С. 42-44; Пятый этап обращения куфического дирхема и Могилевское монетное скопление (800-е – 1 пол. 820-х гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 1. – С. 125; Пятый этап обращения куфического дирхема в Прибалтике (800-е – 1 пол. 820-х гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 1. – С. 132; Пятый этап обращения куфического дирхема и Днепро-Деснинский денежный рынок (800-е – первая половина 820-х гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 1. – С. 138-139; Пятый этап обращения куфического дирхема и Поокский денежный рынок (800-е – первая половина 820-х гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 3. – С. 16-17; Пятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе (800-е – первая половина 820-х гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 3. – С. 17-19; VI этап обращения куфического дирхема на Волховско-Ильменском денежном рынке (825-849 гг.) // МЖПФИ. – 2013. – № 4. – С. 125-126; VI этап обращения куфического дирхема на Волго-Вятско-Камском денежном рынке (825-849 гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 4 (часть 2). – С. 151-152; Второй этап обращения куфического дирхема на Волховско-Ильменском денежном рынке и кризис поступления восточного монетного серебра (750-760-е гг.) // МЖЭО. – 2013. – № 4 (часть 2). – С. 157-158; Третий этап обращения куфического дирхема и расцвет Волховско-Ильменского денежного рынка (770-780-е гг.) // Успехи современного естествознания (Далее – УСЕ. – Ю. С.). – 2013. – № 5. – С. 29-31; Четвертый этап обращения куфического дирхема и кризис обращения восточного монетного серебра на Волховско-Ильменском денежном рынке (790-е гг.) // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 31-32; Шестой этап обращения куфического дирхема на Верхневолжском (Волго-Клязьминском) денежном рынке (825-849 гг.); значение фрагментированных монет; драхмы и полудрахмы сасанидского типа // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 32-34; Шестой этап обращения куфического дирхема, финансовый кризис на Днепро-Деснинском и Поокском денежных рынках, проблема исчезновения монет сасанидского типа (825-849 гг.) // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 34-36; Шестой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе, время расцветов и кризисов (825-849 гг.) // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 36-38; Седьмой этап обращения куфического дирхема на Волховско-Ильменском денежном рынке (850-е гг.) и кризис поступления восточного монетного серебра (вторая половина 820-х – 850-е гг.) // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 38-39; Восьмой этап и расцвет обращения куфического дирхема на Волховско-Ильменском денежном рынке (860-870-е гг.) // УСЕ. – 2013. – № 5. – С. 39-41; Девятый этап обращения куфического дирхема и катастрофический спад финансовой

Ю. М. Смирнов. Муром торговый (VIII-XI вв.)

активности на Волховско-Ильменском денежном рынке (880-890-е гг.) // УСЕ. — 2013. — № 5. — С. 41-42; VI этап обращения куфического дирхема на Западно-Двинском денежном рынке и проблема фрагментированных восточных монет (825-849 гг.) // МЖПФИ. — 2013. — № 5. — С. 128-130; Седьмой, восьмой, девятый этапы обращения куфического дирхема на Верхневолжском (Волго-Клязьминском) денежном рынке: кризисы 850-х и 880-890-х гг., расцвет 860-870-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 5. — С. 150-152; Седьмой, восьмой и девятый этапы обращения куфического дирхема и исчезновение восточного монетного серебра на Волго-Вятско-Камском денежном рынке (850-890-е гг.) // МЖПФИ. — 2013. — № 5. — С. 153-154; Седьмой этап обращения куфического дирхема на Западно-Двинском (Верхне-Днепровском) денежном рынке: финансовый кризис 850-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 6. — С. 119-120; Восьмой этап обращения куфического дирхема на Западно-Двинском (Верхне-Днепровском) денежном рынке: финансовая активность 860-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 6. — С. 120-121; Девятый этап обращения куфического дирхема на Западно-Двинском (Верхне-Днепровском) денежном рынке и Березинское монетное скопление (финансовый кризис 880-890-х гг.) // МЖПФИ. — 2013. — № 6. — С. 122-123; Первый этап обращения куфического дирхема (первая половина VIII в.) и монеты сасанидского типа на Волховско-Ильменском денежном рынке // УСЕ. — 2013. — № 7. — С. 157; Шестой и седьмой этапы обращения куфического дирхема в Прибалтике: время расцветов и кризисов (вторая половина 820-х — 850-е гг.) // МЖПФИ. — 2013. — № 7. — С. 141-142; Восьмой и девятый этапы обращения куфического дирхема в Прибалтике: подъем 860-870-х гг. и финансовый коллапс 880-890-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 7. — С. 142-143; Шестой, седьмой, восьмой, девятый этапы обращения куфического дирхема и финансовый кризис 825-900 гг. на Днепро-Деснинском денежном рынке // МЖПФИ. — 2013. — № 8. — Ч. 3. — С. 115-117; Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 8 — Ч. 3. — С. 132-133; Восьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: деятельность Рюрика и финансовые потоки 860-870-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 8. — Ч. 3). — С. 159-160; Девятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: финансовый кризис 880-890-х гг. // МЖПФИ. — 2013. — № 8. — Ч. 3. — С. 160-161; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 1. Волго-Вятско-Камский денежный

рынок. VI-VII вв.) // МЖЭО. – 2013. – № 11 (часть 1). – С. 107-109; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 2. Нижний Днепр, бассейн Черного моря в районе Днепровского лимана. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 1. – С. 33-36; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 3. Поокский денежный рынок. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 1. – С. 36-37; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 4. Подонский денежный рынок. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 1. – Ч. 2. – С. 225-226; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 5. Черноморское побережье Северного Кавказа; Таманский полуостров. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 19-20; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI – XIII вв. (Часть 6. Северный Кавказ: Кисловодская котловина. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 20-22; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI- XIII вв. (Часть 7. Крымский денежный рынок. VI-VII вв.) // МЖПФИ. – 2014. – № 3. – Ч. 2. – С. 22-27; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 8. Волховско-Ильменский денежный рынок. VIII в.) // СНТ. – 2014. – № 4; 9. Верхневолжский денежный рынок. VIII в.) // СНТ. – 2014. – № 4; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 10. Западно-Двинский и Верхнеднепровский денежный рынок. VIII в.) // МЖЭО. – 2014. – № 5. – Ч. 2; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 11. Прибалтийский денежный рынок. VIII в.) // МЖЭО. – 2014. – № 5. – Ч. 2; Топография кладов восточных, византийских, западноевропейских и древнерусских монет VI-XIII вв. (Часть 12. Днепро-Деснинский денежный рынок. VIII в.) // МЖЭО. – 2014. – № 5. – Ч. 2.

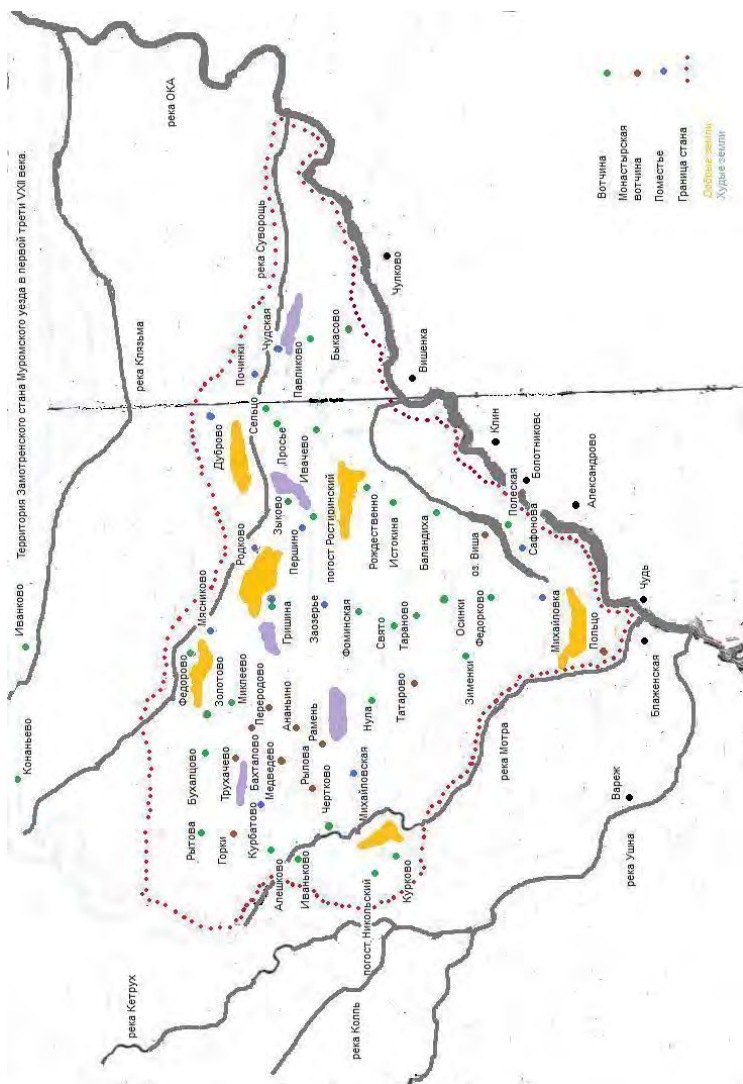
ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕРРИТОРИЯ ЗАМОТРЕНСКОГО СТАНА МУРОМСКОГО УЕЗДА ПО СОСТОЯНИЮ НА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XVII ВЕКА

Продолжая характеризовать и составлять атлас-схему Муромского уезда на первую треть XVII века, я обратился к землям Замотренского стана уезда, территория которого на момент составления плана генерального межевания конца XVIII века уже не входила в состав Муромского уезда.

Для определения территории этого стана и его характеристики мною были использованы следующие источники:

- писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1629, 1630 годов, составленная Яковом Котловским и подьячим Романом Прокофьевым¹;
- список с переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 года, составленный Яковом Петровичем Вельяминовым и подьячим Федором Андреевым²;
- дозорная книга вотчины Троице-Сергиева монастыря в станах уезда 1616 года, составленная Айдаром Степановичем Дурасовым и подьячим Михаилом Толпыгиным³;
- описание, в виде атласа, смежных уездов Владимирской губернии 1778-97 годов⁴;
- отказные и межевые книги по Муромскому уезду 1629-1650 годов⁵;
- карты Владимирской губернии и карты Владимирской области.

В ходе исследований при определении территории

Ил. 1. Замосурский стан

В. Е. Ершов. Характеристика и территория Замотренского стана

Унженского стана возникли те же трудности, что и ранее:

— не удалось установить местонахождение более одной третьей части поселений, упоминаемых в источниках;

— есть предположение, что некоторые поселения на момент описи располагались на других территориях, отличных от территорий современных одноименных поселений;

— отсутствие информации о государевых дворцовых землях, находящихся в пределах территории данного стана.

Характеристика вотчинных землевладений

Впервые упоминание Замотренского стана Муромского уезда встречается в духовной грамоте Василия Матвеевича Иватина, составленной в 1455 году⁶. По ней он дал своему сыну Василию в этом стане в вотчину село Замотренское. В конце XV века на территории стана также имелись вотчинные землевладения Ефима и Матвея Афанасьевых детей Колянова⁷. Согласно источникам, в XVI веке родовую вотчину в Замотренском стане имел Микита Яковлевич сын Хвостова. В 1567 году по его духовной грамоте она была поделена между его сыновьями Баженом, Богданом и Иваном⁸. В то же время старинными родовыми вотчинными землевладениями здесь владели Григорий Петров сын Черткова⁹, Татьяна вдова Богданова жена Голохвостова и ее сын Василий¹⁰, Андрей Афанасьев сын Молвянинова¹¹. В дальнейшем большая часть родовых вотчинных землевладений перешла наследникам, но некоторые земли на протяжении XVI-XVII веков были проданы другим муромцам. Еще в конце XV века вышеупомянутые Ефим и Матвей Афанасьевы дети Колянова продали Василию Васильевичу сыну Елизарова принадлежавшую им деревню Колянова с пустошами¹², а Яков Неклюдов сын Языкова продал село Чертково Федору Матвееву сыну Елизарову¹³. Позднее, в 1619 году, Михаил

Григорьев сын Елизарова купил у Андрея Семенова и Бориса Матвеева детей Городчикова деревню Ломки¹⁴. Примечательно то, что покупателями земель являлись представители древнего муромского рода, занимающего высокое место в служилом городе Муроме. Этими землями они пополнили и до того значительные землевладения рода на территории Муромского уезда. Всего в начале XVII века в Замотренском стане сохранились 5 родовых и купленных вотчин, состоящих из сельца, 3 деревень и 13 пустошей, в которых стояли 2 двора вотчинников, двор приказчиков, 2 двора людских, 27 дворов крестьянских 17 дворов бобыльских¹⁵.

В начале XVII века на территории стана появляются вылуженные вотчины, которые царь Михаил Федорович давал служилым людям и детям боярским «за осадное сидение в королевичев приход». Всего тогда было пожаловано 4 вотчины — боярину князю Ивану Никитичу меньшому Одоевскому¹⁶, Миколаю Микитину сыну Новокшенова¹⁷, Михаилу Григорьеву сыну Елизарова¹⁸ и Андрею Андрееву сыну Микулина¹⁹. В конце 20-х годов XVII века вотчина боярина князя Ивана Никитича меньшого Одоевского числилась уже за его племянником стольником князем Никитою Ивановичем Одоевским²⁰, а вотчина Андрея Андреева сына Микулина за его сыном Львом²¹. Всего в Замотренском стане в выслуженных вотчинах значились 3 погоста, сельцо, 22 деревни, починок, 5 пустошей и пустошь припущена в пашни. В погостах, сельце и деревнях стояли 9 дворов поповых, 4 двора пономаря, 4 двора просвирнических, 23 двора церковных бобылей, 11 клейниц, 4 двора вотчинников, двор приказчиков, 138 дворов крестьянских и 81 двор бобыльский²².

Во второй половине XVI века на территории стана образуются монастырские вотчины. Основной формой

В. Е. Ершов. Характеристика и территория Замотренского стана

приобретения монастырями земель были «вклады» частных лиц своих земель в помин о родителях, детях²³ или как обеспечение пострига, похорон по смерти вкладчика²⁴. Еще в 70-х годах XVI века в Троице-Сергиев монастырь сделали вклады Матрена жена Никитина сына Хвостова и ее дочь Мавра²⁵, Арина жена Второва и ее дети Матвей и Роман²⁶, Михаил сын Владыница по приказу шурина Василия Богданова сына Владыница²⁷, Нелюба Михайлов сын Секерина по приказу шурина Василия Богданова сына Владыница²⁸, Иван Матвеев сын Горянкова²⁹. В конце XVI века одной из форм приобретения монастырем земель становится покупка. Например, Алексей Онтифьев сын Телятьева с женой Маврой Ивановной дочерью Хвостова дали в монастырь свои вотчинные деревни с пустошами, за что получили из троицкой казны 50 рублей сдачи³⁰. В первой трети XVII века Троице-Сергиев монастырь становится крупнейшим землевладельцем. Всего в монастырской вотчине в Замотренском стане было 22 деревни, 7 пустошей и 4 пустоши припущены в пашне. В них стояли двор монастырский, 3 двора детенышей монастырских, 66 дворов крестьянских и 50 дворов бобыльских. 20 дворов были пустыми. Пашни паханные монастырские средние земли 15 четвертей³¹, крестьянские пашни 421 четверть, пашни паханные наездом 23 четверти, перелогу 300 четвертей и лесом поросло 394 четверти в трех полях³².

В начале XVII века на территории Замотренского стана Муромского уезда имели землевладения и другие монастыри. Еще ранее в 1570 году Иван Терентьев сын Осорбина по духовной грамоте Петра Матвеевича сына Своробоярского дал в вотчину Борисоглебского монастыря деревню Полянка³³. Чуть позднее, в 1574 году, Федор Константинов сын Своробоярского отдал тому же монастырю деревню Раменское с пустошью³⁴. В конце 70-х годов XVI века Василий Андреев

сын Шильникова, по приказу Федор Константинов сын Своробоярского, дал в Борисоглебский монастырь 2 пустоши с озерками³⁵. Всего на первую треть XVII века в вотчине Борисоглебского монастыря в Замотренском стане были деревня и 3 пустоши. В деревне стояли 2 крестьянских двора и один бобыльский двор³⁶. В то же время в вотчине Спасского монастыря, что в Муроме на посаде, числилась пустошь и пожалованные в 1607 году царем Василием Ивановичем озера³⁷; за Спасским Суздальским монастырем значилась одна пустошь³⁸. Итого к концу 20-х годов XVII века в Замотренском стане Муромского уезда в монастырских вотчинах было 23 деревни, 12 пустошей и 4 пустоши припущены в пашню. В них стояли монастырский двор, 3 двора монастырских детенышей, 68 крестьянских и 51 бобыльский двор³⁹. Обобщив сказанное, получим, что в Замотренском стане в тринадцать вотчинных землевладениях числилось 3 погоста, 2 сельца, 50 деревень, 39 пустошей, починок и 5 пустошей, припущенных в пашню.

Крупнейшая среди них была вотчина живоначальной Троицы Сергиева монастыря, состоявшая из 22 деревень, 7 пустошей и 4 пустошей, припущенных в пашню. В этих деревнях стояли двор монастырский, 3 двора детенышей, 66 дворов крестьянских, 50 дворов бобыльских и 20 дворов пустых⁴⁰, а также вотчина стольника князя Никиты Ивановича Одоевского в составе 3 погостов, 17 деревень и 3 пустошей. В деревнях насчитывалось 117 крестьянских, 66 бобыльских дворов, 3 двора вдов, 15 дворов беспашенных бобылей и 2 двора пустых⁴¹.

Крупнейшим вотчинными поселениями были: сельцо Чертково, в котором кроме дворов вотчинника и приказчика, стояли еще людской, 14 крестьянских и 12 бобыльских дворов⁴²; деревня Тараново, в которой было 21 крестьянский и 9 бобыльских дворов⁴³.

Особенностью землеустройства территории Замотренского стана в конце 20-х годов XVII века было отсутствие в отдельных поселениях одновременно с частными вотчинных монастырских владений.

Характеристика поместных землевладений

В конце XVI — начале XVII века на территории Замотренского стана находились поместья служилых людей и детей боярских Андрея Андреева сына Микулина, Федора Олеутьева сына Мешкова Плещеева, Ивана Яковлева сына Репьева, Василия Ильина сына Ананьина, Павла Михайлова сына Бологовского, Петра Арапова, Лукьяна Евдокимова, Матвея Шапилова, Якова Мунилина, Федора Исакова и прочих.

В ходе исследования Писцовой книги земель станов Муромского уезда, отказных, межевых и отделенных книг 20-х годов XVII века устанавливаем, что часть поместий в стане осталось за прежними владельцами, например деревня Перелог, являющаяся поместным владением Павла Михайлова сына Бологовского⁴⁴. Некоторые дети боярские (8 человек) получили старые поместья отцов или братьев. Например, деревня Высютино дана Невеже Яковлеву сыну Репьева из поместья его брата Ивана⁴⁵; Ивану Иванову сыну Кравкова дано старое поместье его отца деревня Мясникова⁴⁶; Сергей и Яким Якимовы дети Юматова получили старое поместье их отца деревню Овчинкино⁴⁷; Андрею Федорову сыну Сикирина перешло поместье его отца деревня Золотово⁴⁸; деревня Можайкино, ранее бывшая за Иваном Петровым сыном Секериным, была отказана его брату Михаилу⁴⁹, а поместье Григория Василисова в деревни Ломок — его сыну Андрею⁵⁰.

Другие поместные земли были приобретены в результате мены. В 1629 году Лев Андреев сын Микулина выменял

у Федора Олябьева сына Мешкова Плещеева жеребий села Гришина⁵¹; в результате той мены за стольником Федором Олябьевым сыном Мешкова Плещеева в поместье оказалось половина деревни Радково⁵². Петр Ильин сын Ананьина выменял у брата своего у Василия пустошь, что была деревня Овражья⁵³. Значительная часть земель, отказанных новым землевладельцам в начале XVII века, перешла к ним от не родственных им детей боярских, очевидно, по каким-либо причинам вышедших со службы. Например, стремянному конюху Петру Микитину сыну Микифорову дана половина сельца Росстригина, что раньше была в поместье за Матвеем Шапиловым⁵⁴; сельцо Заозерное, бывшее в поместье за Офонасием Шилниковым, перешло Борису Измаилу сыну Ворыпаеву⁵⁵; Климу Иванову сыну Ананьина Ковардицкого было отказано полдеревни Сажницы, что наперед того было за Марком Макаровым⁵⁶; сельцо, что была пустошь Свято, бывшее в поместье за Мирославом Зязиним, перешло к Ивану Юрьеву сыну Осорьина⁵⁷. В то же время из поместья Яковлева Мунилина половина деревни Першино была отказана недорослю Понтелею Микитину сыном Чиркова с матерью вдовою Настасьей⁵⁸, а поместное сельцо Курбатово перешло от Карпа Навалкина Ивану Васильеву сыну Безобразова⁵⁹.

На примере Замотренского стана наблюдаем отказ примерных земель. Так, Лев Микулин сверх его поместных дач получил еще примерные земли в деревни Кожина⁶⁰, а Михаилу Петрову сыну Секерина сверх его дачи были отказаны примерные земли в деревне Малое Бекетово⁶¹. Как правило, эти земли на момент отказа новым землевладельцам были «вымороженными», то есть свободными. В начале XVII века, в соответствии с общепринятой на Руси практикой, в Замотренском стане часть вотчинных землевладений

В. Е. Ершов. Характеристика и территория Замотренского стана

переводится в разряд поместных земель. Например, пустошь Михалкова, ранее входящая в состав вотчины Аграфены Аминевой, в 1609 году была отказана в поместье Алексею Григорьеву сыну Чиркова⁶². Часть же земель переходила к новому землевладельцу за вотчинной дачей. Таким образом Михаилу Григорьеву сыну Елизарова перешла деревня Ильинская⁶³, а Николаю Микитову сыну Новокшенова — пустошь Фоминская⁶⁴.

В период с 1610 года по 1629 год на территории Замотенского стана в поместья были отказаны земли двум стольникам, конюшему, пяти дворянам, одному жильцу, шестнадцати муромцам, одному неслужилому, шести иногородним детям боярским и вдове. К концу 20-х годов XVII века в Замотренском стане находилось 34 поместных землевладения. Крупнейшими поместными землевладениями в стане были:

— поместье Ивана Иванова сына Кравкова, состоящее из 2 деревень и 4 пустошей, в которых стояли 2 двора помещиков, двор приказчика, двор людской, 3 двора крестьянских и 2 двора бобыльских⁶⁵;

— поместье Андрея Федорова сына Сикирина, также состоящее из 2 деревень и 4 пустошей; в деревнях находились двор помещика, двор приказчика, двор людской, 2 двора крестьянских и двор бобыльский⁶⁶.

Крупнейшими поместными поселениями были: селцо Свято, а в нем двор помещика, 2 крестьянских и 2 бобыльских двора⁶⁷; селцо Курбатово, в нем также двор помещика, 2 крестьянских и 2 бобыльских двора⁶⁸.

При этом в стане выявлены совместные землевладения помещиков на территории одного и того же села. Так, различные участки села Гришино были в вотчине за Львом Андреевым сыном Микулина, в поместьях за стольником Богданом

Ивановым сыном Бельским и за Львом Андреевым сыном Микулиным. Всего в селе стоял один двор вотчинника, двор приказчика, 16 крестьянских и 11 бобыльских дворов⁶⁹. В конце 20-х годов XVII века в Замотренском стане в поместьях значилось: 2 сельца, 40 деревень, 93 пустоши, селище и селище, припущенное в пашню, в которых стояли 9 дворов помещиков, 3 двора приказчиков, 10 дворов людских, 42 двора крестьянских и 28 дворов бобыльских⁷⁰.

Обобщив сказанное ранее, получаем, что всего в конце 20-х годов XVII века в стане в поместьях и вотчинах было 3 погоста, 4 сельца, селище, 90 деревень, 132 пустоши, и селище, припущенное в пашню. По сравнению с вотчинами, история поместий значительно богаче. Правда, частая смена владельцев сказалась на состоянии землевладений, как мы увидим далее, не в лучшую сторону. По количеству поселений в землевладениях поместья ненамного уступали вотчинам. Для сравнения: 42 поместных поселения против 52 вотчинных. Но при этом количество крестьянских и бобыльских дворов в поместных и вотчинных землевладениях было неравным. В поместьях находилось всего 42 крестьянских и 28 бобыльских дворов, в вотчинах же стояло 233 крестьянских и 149 бобыльских дворов, то есть почти в пять раз больше, хотя по количеству пустошей в них поместья значительно превосходили вотчины. Около 75 % пустошей находилась в поместных землевладениях.

Всего в первой трети XVII века в Замотренском стане в поместьях числилось: пашни паханые средние земли 407 четверти, наезжие земли 1030 четвертей, перелугу 1484 четверти, лесом поросло 1763 четверти, доброй земли с наддачею 3748 четвертей, пашни наездом средние земли без наддачи 75 четвертей, перелугу 85 четвертей, лесом поросло 129 четвертей, пашни паханые худые земли 40 четвертей

В. Е. Ершов. Характеристика и территория Замотренского стана

и наезжие пашни 57 четвертей, перелогу 50 четвертей, лесом поросло 93 четверти, доброю землею с наддачею 150 четвертей в трех полях⁷¹. Для сравнения: в то же время в выслуженных и старинных вотчинах — пашни паханые средние, худые земли, перелогу, лесом поросло и доброю земли с наддачею 1692 четверти в трех полях⁷². За монастырями в вотчине числились пашни паханые монастырские средние земли 2 четверти, крестьянские пашни 429 четвертей, пашни паханые наездом 23 четверти, перелогу 300 четвертей и лесом поросло 406 четвертей, пашни паханые худые земли 10 четвертей, наезжие пашни 20 четвертей, перелогу 48 четвертей и лесом поросло 49 четверти в трех полях⁷³. Даже быстрый количественный анализ выявляет, что в поместных землевладениях земель было больше. Они составляли почти что 60 % всех земель в стане (4217 четей против 2980). Качественный анализ земель монастырских вотчин и земель помещиков указывает на то, что соотношение пашни паханной с перелогом и лесом поросшей пашни в вотчинах составляло приблизительно 1 к 1,8, а в поместьях 1 к 2,8. То есть на лицо преобладание в вотчинных землевладениях земель, используемых под пашню. По количеству худых земель, составляющих менее чем 9 % от общих площадей, вотчинные и поместные землевладения значительно не отличались. В ходе описи земель в 1628-1630 годов в Замотренском стане было выявлено незначительное их количество, а именно: пашни паханые наездом перелогу и лесом поросло средние и худые 115 четвертей, порожних земель, т. е. не имеющих на момент описи хозяев⁷⁴. Судьбу этих земель должны были решить вскоре после описи.

Территория стана

Свое название Замотренский стан получил по названию реки Мотры, являющейся левым притоком реки Оки. Река

Мотра, протекая с запада на восток по территории Муромского края, в двадцати километрах севернее Мурома впадает в реку Оку. Северная часть территории Муромского уезда, располагающаяся за рекой Мотрой, в первой трети XVII века входила в состав Замотренского стана. Соответственно, с юга стан ограничивался рекой Мотрой. Восточная его граница проходила по реке Оке, за исключением небольшого участка севернее Полеской, где на левом берегу Оки находились земли Дубровского стана Муромского уезда. На севере стан ограничивала река Суровошь, за исключением некоторых землевладений, располагающихся за этой рекой в районе деревни Дуброво. Западная граница проходила по линии, образованной деревней Курковой на изгибе реки Мотры, истоком реки Мотры, деревни Рыгова на речке Важенке, деревни Федорово на реке Суворощи. В первой трети XVII века стан граничил на западе с Суздальским уездом, на севере – с Гороховецким, на востоке – со Стародубским станом, на юге и юго-востоке – с Дубровским станом Муромского уезда. На атласе-карте межевания конца XVIII века большая часть территории Замотенского стана, за исключением верховий реки Мотры, уже является частью Гороховецкого уезда⁷⁵. Очевидно, эти земли были включены в состав Гороховецкого уезда еще в начале XVIII века в ходе областной реформы, проводимой в России царем Петром Алексеевичем. Позднее в состав Вязниковского уезда вошли прежние земли Замотренского стана, располагающиеся в верховьях реки Мотра.

¹ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 1632.

² Там же. – Д. 1629.

³ Там же. – Д. 1630.

⁴ План дач Генерального и Специального межевания. 1769-1915 гг. // Там же. – Ф. 1354. – Оп. 47.2.1.

⁵ Отказные, межевые... книги по Муромскому уезду 1629-1650 гг. //

Там же. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Д. 11 845.

⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Конца 14-начала 16 века. — М., 1952. — Т. 1. — С. 803. — № 253.

⁷ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 853.

⁸ Материалы по Владимиру, Мурому, Суздалью // Обзор грамот коллегии экономики / Сост. Л. И. Шохин. — М., 2002. — Вып. 5. — № 182.

⁹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 856.

¹⁰ Там же. — Л. 859.

¹¹ Там же. — Л. 862.

¹² Там же. — Л. 853.

¹³ Там же. — Л. 851.

¹⁴ Там же. — Л. 855.

¹⁵ Там же. — Л. 864.

¹⁶ Там же. — Л. 796.

¹⁷ Там же. — Л. 834.

¹⁸ Там же. — Л. 844.

¹⁹ Выдержки из дел Поместного и Сысского приказов о поместьях и вотчинах Андрея Андреева сына Микулина и его сына Льва в Старицком и Муромском уездах // Там же. — Ф. 1209. Столбцы по Мурому. — № 103.35 995. — Л. 23, 24, 25-29, 73. — № 518.

²⁰ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 796.

²¹ Там же. — Л. 835.

²² Там же. — Л. 849.

²³ Там же. — Ф. 281. — Оп. 1. — Д. 7780. — Л. 99.

²⁴ Там же. — Л. 24.

²⁵ Там же. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 883.

²⁶ Там же. — Ф. 281. — Оп. 1. — Д. 7762. — Л. 100.

²⁷ Там же. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1629. — Л. 1085.

²⁸ Там же. — Ф. 281. — Оп. 1. — Д. 7764. — Л. 96.

²⁹ Там же. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 868.

³⁰ Там же. — Ф. 281. — Оп. 1. — Д. 7789.

³¹ Мера площади, соизмеримая с 0,56 гектара.

³² РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 884.

³³ Там же. — Ф. 281. — Оп. 1. — Д. 7794. — № 62.

³⁴ Выписи из дозорных книг 1611-1612 гг. Семена Ивановича Чемоданова и подьячего Григория Семенова на вотчины Борисоглебского монастыря в Муромском уезде // РГИА. — Ф. 834. — Оп. 3. — Д. 1917. — Л. 168об.,

169 об., 170, 172 об.

³⁵ РГАДА. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 7784. – № 52.

³⁶ Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 1632. – Л. 886.

³⁷ Там же. – Л. 887-888.

³⁸ Там же. – Л. 889.

³⁹ Там же. – Л. 890.

⁴⁰ Там же. – Л. 865.

⁴¹ Там же. – Л. 814.

⁴² Там же. – Л. 854.

⁴³ Там же. – Л. 804.

⁴⁴ Там же. – Л. 728.

⁴⁵ Там же. – Л. 731.

⁴⁶ Там же. – Л. 748.

⁴⁷ Там же. – Л. 788.

⁴⁸ Там же. – Л. 752.

⁴⁹ Там же. – Л. 757.

⁵⁰ Там же. – Л. 774.

⁵¹ Там же. – Л. 691.

⁵² Там же. – Л. 701.

⁵³ Там же. – Л. 781.

⁵⁴ Там же. – Л. 711.

⁵⁵ Там же. – Л. 736.

⁵⁶ Там же. – Л. 764.

⁵⁷ Там же. – Л. 705.

⁵⁸ Там же. – Л. 725.

⁵⁹ Там же. – Л. 740.

⁶⁰ Там же. – Л. 694.

⁶¹ Там же. – Л. 763.

⁶² Там же. – Л. 727.

⁶³ Там же. – Л. 709.

⁶⁴ Там же. – Л. 793.

⁶⁵ Там же. – Л. 751.

⁶⁶ Там же. – Л. 755.

⁶⁷ Там же. – Л. 705.

⁶⁸ Там же. – Л. 740.

⁶⁹ Там же. – Л. 690, 695, 703.

⁷⁰ Там же. – Л. 794.

⁷¹ Там же. – Л. 794-795.

В. Е. Ершов. Характеристика и территория Замотренского стана

⁷² Там же. — Л. 849-850, 864.

⁷³ Там же. — Л. 884, 887, 888, 889.

⁷⁴ Там же. — Л. 894.

⁷⁵ План дач Генерального и Специального межевания. 1769-1915 гг. // Там же. — Ф. 1354. — Оп. 47.2.1.

МУРОМ, УТОПАЮЩИЙ В САДАХ. НАЧАЛО XX ВЕКА

В начале прошлого века многие российские агрономы считали, что сады не имеют экономического значения для средне-северной части России. Главным образом из-за периодичности плодоношения. Наблюдения агрономов за двенадцать лет показывали, что урожаи яблок бывали через два года на третий, и вишен — через год, ягодных кустов — ежегодно. Другие же агрономы утверждали, что периодичность плодоношения происходит не из-за климата, а из-за перегрузки и тесноты, плохого ухода. «Сады посажены страшно густо, так что 25-30-летние деревья совершенно переплелись ветвями и душат друг друга...

Ил. 1. Неизвестный фотограф. Дом Осиповых в с. Усад со стороны палисадника. 1900-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/22

Между тем прорезка крон производится слабо — все жаль срезать лишнюю ветку»¹. До сих пор это остается проблемой. Даже большие любители, фанатичные дачники боятся брать в руки пилу. Это, впрочем, понятно. Резать живую древесину психологически тяжело. Дерево представляется неведомым существом, которое страшно поранить.

Сто лет назад состояние садоводства анализировалось по всей России. В 1903 г. в Ярославле была устроена сельскохозяйственная выставка северо-востока России. К ней «спешно» было подготовлено издание «Садоводство и огородничество Владимирской губернии»². Одним из важнейших источников этого исследования были подворные переписи, которые составлялись земствами для планирования своих действий и расчета повинностей. Масштабы сбора сведений вышли за рамки практических нужд и расширились до комплексного изучения народной жизни. Программы земских подворных переписей включали самые разные сведения: о трудовых ресурсах, грамотности населения, промыслах, землевладении, материально-технической базе сельскохозяйственного производства (орудия и машины, инструменты, постройки); о числе работников в хозяйствах, обеспеченности скотом и пр.

К тому времени еще оставались старые сады со времен крепостного права, которые создавались по воле помещика и по образцу барского. Помещикам легко было заставить заниматься садом своих крестьян. Потом те сады старели, не обновлялись, горели в пожарах, старики-садовники поумирали. С 60-х годов и до конца века садоводство-огородничество приходило в упадок. Сдерживающим фактором было то, что усадьбы еще находились в общинах, и крестьянин не мог распорядиться наделом по своему усмотрению в долгосрочной перспективе. Сад, однако, создается десятилетиями. После

стольпинских реформ экономическая ситуация в земледелии изменилась. Актуальным стал поиск новых источников доходов. Прошла земельная реформа, была почти разрушена община. Распространялась грамотность. Появились признаки возрождения садоводства. Оно признавалось очень важной отраслью развития земледелия. Необходимо было выявить основы для его развития.

Площадь Муромского уезда в 1911 году составляла 2 324 450 десятин или 2231,9 кв. верст; 21 кв. версту составляли озера и реки. Селений насчитывалось 280, жителей — 116 тысяч. Среднее число жителей в поселении — 415, т. е. это были довольно крупные села, больше были только в Меленковском уезде³. Во Владимирской губернии земство несколько раз организовывало сбор сведений о развитии садоводства и огородничества. Оценочное отделение Владимирской губернской земской управы в 1899 г. разослало сельским старостам и священникам специальные бланки, в которых следовало указывать количество садов в данном селении, корней плодовых деревьев и ягодных кустов. Программу готовили при участии Владимирского общества садоводства и огородничества. Старосты отнеслись очень внимательно и добросовестно к заданию. А сельские священники дополнительно писали в ответах о качестве ухода за садами. Некоторые авторы ответов давали свою оценку состояния садоводства. «Занимаются у нас садами, — писал священник с. Чулково Муромского уезда, — так сказать по традиции, получая их в наследство от отца и с своей стороны не прилагая никаких средств к их улучшению»⁴. Крестьяне обычно начинали заводить сады, увидев поблизости убедительный пример хорошего сада, чаще всего у священника.

Злым бичом для садов было воровство. Священник из Карачаровской волости отмечал: «Главной причиной задер-

живающей здесь развитие садоводства является вольность крестьянских детей. Во время нашествия юной аравы гибнет немало ветвей и целых деревьев. Родители юных воришек нисколько не удерживают их, но даже поощряют»⁵. Спасение было только в надежном заборе и сторожах, что требовало немалых средств. Ни малоземелье, ни отсутствие питомников и кредитов, оказывается, не были главной проблемой. Это мнение, конечно, может быть очень субъективно. Однако масштабы разорений поражают. Например, в Чаадаеве в начале июня 1914 года праздновали «мужички» четыре дня, видимо, Троицу. В понедельник молились о дожде, во вторник прошел дождь. Еще праздновали с радости, «в паровое поле сошника не втыкали... А в то время, пока молились и праздновали у одной сварливой женщины сломали 6 т. (тысяч! — Т. К.) присадков (саженцев. — Т. К.), малину, смородину и выдергали овощи»⁶. Развитию садоводства мешало отношение к нему крестьянства как к роскоши, а не как к источнику благосостояния. Видимо, за грех не считали поделить эту роскошь. Традиция садового воровства необыкновенно живуча. Мама рассказывала, как в Карачарове уже после войны (отечественной) бабушка вырубил в саду яблоню мирончик, потому что за яблоками охотились соседские «робяты», вытаптывая грядки и ломая все на пути. Огородом кормилась тогда семья с пятью детьми, оставшимися без отца. В 1970-е годы мальчишки в Карачарове все еще лазили по чужим садам. Однажды и я приняла участие в таком приключении, несмотря на то, что в нашем бабушкином саду и вишни, и яблони были в изобилии и поспевали плоды раньше, чем у других.

Сады традиционно создавали в усадьбе (не в полевом наделе, а около дома). Средняя величина усадьбы в Муромском уезде позволяла иметь 60-70 деревьев, «тогда как на самом деле средний сад имеет только 49 яблоней»⁷. Представим себе

«средний» сад в полсотни яблонь! Какой аромат в период цветения, а осенью как яблоки благоухали! В Муромском уезде на правом берегу Оки (ныне Нижегородская обл. – Т. К.) садоводство традиционно поддерживалось и развивалось. По левую сторону Оки разведение садов получило развитие в Панфилове, в окрестностях Лазарева, в Максимовке, но это была более «огородная» сторона.

Заречная северная часть Муромского уезда была особенно богата яблонями – в 108 селениях насчитывалось 92,5 тысяч яблонь, т. е. в среднем приходилось по 550 штук на село, а в других местах – только по 200-250⁸. Садов до 30 деревьев было 271, от 31 до 50 деревьев – 357, от 51 до 100 – 127, от 100 до 150 – 34, свыше 150 – 4⁹. Можем ли мы теперь назвать хотя бы один сад в полсотни яблонь? У крестьянина А. И. Латышева было 300 яблонь. Сад в 500 яблонь имел Г. В. Оранышев около Клина. В Искусове у И. М. Шошина был питомник, где при-

Ил. 2. Неизвестный фотограф. Фрагмент сада Осиповых. 1910-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/34

вивалось в год до 100 яблонь. Такой питомник даже не считался промышленным. За присадками вся округа ездила на рынок в Муром. В Муромском уезде большим считался сад, где росло более 117 яблонь, в Гороховецком — более 115, а в остальных уездах Владимирской губернии значительно меньше — от 20 до 80¹⁰.

По Чаадаевской волости (ближней к Мурому) было учтено 1752 усадебных места и в том числе в 270-ти были садики. В них насчитывали 1500 старых яблонь (старше 25 лет), 1000 молодых (от 10 лет) и 400 присадков. Выходит в среднем — примерно по 10 деревьев на усадьбу. Из Муромского уезда не со всех волостей пришли сведения по садоводческим анкетам, а по городу совсем нет данных.

Сведения о площади и владельцах муромских садов содержатся в «Оценочных книгах недвижимых имуществ города Мурома»¹¹ начала XX века. Сады отмечены на планах Мурома середины XIX века. Как любое имущество, они подлежали налогообложению. Налоговые поступления шли в т. ч. и в городскую казну, учитывались в городских сметах: «Раскладка сборов с Муромского уезда, потребных на его местные повинности... Пункт 2. С недвижимых имуществ в городе Муроме — а) С жилых домов, **садов и огородов**, фабрик, заводов и торговых помещений»¹². «Капустники» оценивались отдельно. В нескольких Оценочных книгах за 1915 год пунктуально описаны все имущества Мурома, улица за улицей. В частности, в 45-м квартале по улице Никольской за № 20 описано имение Елены Дмитриевны Первовой, купеческой вдовы и ее детей Константина и Лидии Карповичей — фруктовый сад размером 28x45 сажен, т. е. 1260 кв. сажен (1 сажень = 2,13 метра). Строения не отмечены, оценен именно сад, в 1913 г. — 196 рублей. Это немного! Сравним: в 38-м квартале описа-

но имение Синевых: деревянный 2-х этажный дом, каменная палатка во дворе и деревянные дворовые службы, сад всего в 120 кв. сажен. Они сдавали внаем комнаты. В 1913 году их имение оценено в 1008 рублей. О семействе Первовых приведены более подробные сведения в списке выборщиков Муромской думы за 1914 год: «№ 329. Первовы: Елена Дмитриевна, куп. вдова, 78 л., Лидия Карповна, 48 лет и насл. Константина Карповича Первова дети: Николай, 19 л., Пантелеймон, 18 л., Карп, 15 л., Михаил, 14 л., Сергей, 13 л., Дмитрий, 10 л., дочь Александра, 8 л., Константиновы Первовы и жена Анна Ефимовна Первова 39 л., №№ 13/1, 13/64, 1/19, **три сада**, деревянный флигель и строения бывшей фабрики 3360 р., по данной, отмеченной ст. нот. 5 октября 1894 г. и по наследству более 5-ти лет»¹³. Обществом садоводов почти в это же время было признано, что сад Л. К. Первовай (уже Лидии Карповны, а не Елены Дмитриевны 78-ми лет) во время плодоношения может служить демонстрационным по сортам. Сад выходил на три улицы: Никольскую, Спасскую и Овражную.

В 36-м квартале по Никольской улице под № 11 значится имение Марии Дмитриевны Киселевой, вдовы потомственного почетного гражданина — каменный двухэтажный дом с мезонином, с каменными и деревянными постройками. Сад у нее был в 902 кв. саж. В книге за 1917 год описано, что в ее доме арендует помещение гимназия Лесюка. Это теперь печально известный нам бывший дом пионеров, вернее, полуразрушенный остов дома.

Самые обширные сады принадлежали церкви и священнослужителям. Против 67-го квартала на Никольской за № 48 числились сады и огороды священнослужителей Крестовоздвиженской церкви — 2648 кв. сажен. По Успенской улице № 19 — причта Успенской церкви сад в 2450 кв. сажен

Т. Б. Купряшина. Муром, утопающий в садах. Начало XX века

со сторожкой. На Городском выгоне «В» № 24 — муромской Пятницкой церкви огороды и сады, 17 десятин 727 кв. сажен; № 27 — Крестовоздвиженской церкви сады и огороды в 2 десятины 1731 кв. сажен. На территории Спасского монастыря сад не упомянут. Большинство садов у муромских обывателей были в 80-120 кв. сажен. Не редкостью были сады и до 1000 кв. сажен. На улице Прудовой (Артема) в 25 квартале № 54 — муромского купца, городского головы (1891-1898), основателя пожарной команды в Муроме Владимира Макаровича Емельянова, потомственного гражданина — деревянный флигель и сад в 800 сажен. На улице Успенской (Красногвардейская) почти у всех были большие сады, спускавшиеся в овраг: № 3 — Глазовой Юлии Васильевны, купеческой вдовы каменный 2-х этажный дом и сад в 2000 кв. сажен; № 11 — Суздальцева Бориса Васильевича, потомственного почетного гражданина, каменный двух этажный дом с каменными и деревянными постройками, сад в 900 кв. сажен. Тут был и самый, кажется, большой частный сад по адресу Мытовский-Успенский овраг, по полевой линии № 7. Это участок наследников потомственного почетного гражданина Ивана Прокофьевича Зворыкина — сад 82х49 сажен, т. е. 4018 кв. сажен. Зворыкины были из самых старинных муромских огородников. В «Писцовой книге г. Мурома 1636/37 г.» отмечен «двор Ивашки Филипов сын Зворыкин-огородник с братом с недорослым с Илюшкой, в длину двора их с огородом 115 сажень без получети, поперек 10 сажень без получети». В семнадцатом веке сажень не имела единого стандарта. Размеры участка при довольно сложном пересчете составляли примерно 250 метров в длину и 21 метр в ширину¹⁴.

Самый маленький из упомянутых в Оценочных книгах за 1913 год сад отмечен по Николозарядскому оврагу — № 4,

он принадлежал наследникам мещанина Путкова Ивана Евгеньевича. Всего – 10 кв. сажен. На улице Нижегородской (Воровского) против 42-го квартала № 50 у мещанки Лебедевой Анны Александровны был единственный в городе «сад-цветник» – 400 кв. сажен. Некоторые сады имели особые названия. Например, на улице Никольской № 47 имела владения Лидия Васильевна Суздальцева, потомственная почетная гражданка – деревянный флигель, фруктовый сад в 720 кв. сажен, «называемый Бронникова». На Никольской же – № 50-а наследников потомственного почетного гражданина Михаила Алексеевича Суздальцева сад под названием «Шагалин» размером $17 \times 36 = 612$ кв. сажени. Оценен именно сад, всего в 105 рублей.

Больше всего садовых владений имели Жадины, Суздальцевы, Гундобины. Члены этих фамилий были связаны родственными отношениями, и имения переходили из рук в руки, могли объединяться и разделяться. Большие сады Жадиных были в районе улицы Прудовой: № 13 Жадиных Михаила, Федора, Петра Ивановичей потомственных почетных граждан сад-огород в две десятины. Оценены сад-огород и строения. Зафиксировать расположение сада было очень важно, от этого зависела оценка: «Земли мерою по лицу Прудовой улицы 31 саж. в длину с левой стороны по Космодемьянской церкви 120 саж. и правой начиная первоначально от Прудовой ул. по земле насл. М. Ф. Жадина прямою линией 8 саж. 1 арш., вправо посп ... <неразб.> и 35 саж. 2 арш. от сего места поворот вдоль по Сретенской ул. 73 саж. 2 арш., поворот влево по земле насл. В. Ф. Жадина прямою же линией 20 саж. 2 арш., от сего – поворот вправо прямою линией по земле насл. того же Жадина 27 саж. 1 арш. и взади по городской выгонной земле 38 саж. 2 арш.»¹⁵. На бывшей Прудовой (Артема) до сих пор есть пруд,

Ил. 3. Неизвестный фотограф. Фрагмент сада Осиповых. 1910-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/35

который по-прежнему называют Жадинским. Вода, разумеется, для сада была необходима. Сады и располагали в основном по окраинам и ближе к Оке или к ручьям в оврагах. В газете «Муромский край» встречались такие объявления: «Продается на берегу реки Оки земля с фруктовым садом. Узнать о цене у Дмитрия Константиновича Жадина»¹⁶.

Порой сад был весьма сложной конфигурации, описывали его очень тщательно: в Напольной слободке под № 18 значились два сада со сторожками наследников потомственного почетного гражданина Ивана Васильевича Гундобина. «Земли по купчим крепостям. 1 — в первом месте «по выгонной земле 21 сажень в длину по сторонам по 30 саж., взади по оврагу 130 сажен. Во втором месте: поперек 21 саж. 2 арш. Поворот к ручью по земле Любомудровой 86 саж., а по ручью 8 саж.

1 арш., поворот в гору 61 саж. 2 арш. В третьем: по сторонам, правой 34 саж., левой по оврагу 38 — саж. С лица по земле Калинина во внутрь 25 саж., по косоугру 12 саж. и взади 20 саж. По 2-й купчей земли поперек с лица по выгонной земле 48 — саж., в длину по сторонам правой по земле Гофмана 150 саж. 1 арш., потом поворот вправо поперек 14 саж., а потом по ручью косвенною линиею 26 саж., левой по земле Стулова 74 саж., потом поперек во внутрь 20 саж. 1 арш., а потом вдольною линиею 66 саж. 1 арш., а взади по ручью 13 саж. 1 арш.». Отмечены и документы на владения от 1896 г. Оценены в 1914 г. — 778 рублей. И еще их же: № 27 — «наследников потомственного почетного гражданина Ивана Васильевича Гундобина сад мерою с лица по выгонной земле 217 саж., взади по оврагу 176 1/2 саж., длиннику по правой стороне 130 саж., а левой 133 саж., а всего в окружности 657 саж.»¹⁷. В 1914 году этот сад был оценен в 840 рублей.

Были в городе общедоступные сады и бульвары. «При станции „Муром-Нижегородский” имеется сад, разведенный и содержащийся за счет казны, — сообщила местная газета. — Летом это прекрасное местечко с массой цветов, фонтаном, крокетной площадкой, маленькой теплицей»¹⁸. Вход, однако, имели только «патриции» железнодорожной службы, но не рабочие. Неизвестно, был ли это фруктовый сад. Сады упоминаются при фабриках, при училищах.

Фруктовые сады сдавали в аренду: «Яблочный сад 2500 кв. сажен сдается. Справки у Владимира Васильевича Жадина, Сретенская ул., свой дом, (второй от угла Прудовой ул.) 418 2-3 (номер телефона. — Т. К.)»¹⁹. Если сад сдавали в июле, то уже было видно, хорош ли урожай. Объявления о сдаче сада могло публиковаться и в мае: «К сведению съемщиков. Бедишевское (Бердишевское. — Т. К.) садоводство просит

Ил. 4. Неизвестный фотограф. В саду у большого дерева. 1900-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/49

гор. управу объявить съемщикам садов, что садоводством сдается на съем, урожай яблок 1914 года. Плодовый сад в 40 дес. дает урожай 30-35 тыс. пудов»²⁰. «Братъ» сад рано было рискованно. Урожай могли испортить вредители, парша, град. Кстати, 1913-1914 годы считались неурожайными для яблок.

Торговали в Муроме овощами, фруктами и ягодами на Соборной площади по левой стороне, если идти к собору. Справа — дровами, корзинами, бочками пр. Всего в Муроме было девять торговых площадей, каждая со своей специализацией. Весною и летом торговлю следовало начинать с 4-х часов утра, а осенью и зимой с 7-ми часов — и до вечера. Так предписывалось в 1891 году «Сводом действующих в настоящее время по гор. Мурому обязательных для местных жителей постановлений по предметам городского хозяйства». Как соотносится 4 утра с современным исчислением времени суток?

Рано это или поздно? Принципы исчисления времени были разработаны в конце XIX века. В качестве единого нулевого меридиана Земли был утвержден Гринвичский меридиан и мир поделен на 24 часовые зоны. Муром почти всегда относился к Московскому часовому поясу. Можно предположить, что в «Своде» указано Московское время. Сейчас (как подсказывает Яндекс) расхождение с Гринвичским временем составляет 3 часа, т. е. если по Гринвичу 00-00, то в Москве уже 03-00. В XIX в. время Москвы опережало гринвичское время на 2 часа 30 минут 48 секунд. Разница с XIX в. составляет всего полчаса. Получается, что торговать начинали рано. Летом уже светло и не жарко, в это время скупщики начинали перекупку товаров у приехавших крестьян.

В большие церковные и государственные праздники торговля сокращалась по времени, если они не выпадали на субботу — базарный день. Но эти ограничения не касались аптек и торговли приготовленной к употреблению едой, фруктами и овощами с возов, ларей и т. п. Выставить свои торговые места (телеги, сани, лари) можно было накануне. Запрещалось торговать на улицах, не доезжая площадей, а перекупщикам останавливать и перехватывать приехавших с товаром²¹. Ягоды у крестьян, однако, скупщики перекупали еще при въезде в город. С торгующих взимался сбор в пользу города.

Основная мера при продаже ягод была фунт — 400 граммов. Цены на ягоды летом 1914 года, по сообщению местной газеты, были такие: вишня местная — 7-8 копеек, привозная — 11, малина — 8-9, смородина черная — 10, красная — 5-6, черника — 8, «гонобобель» (голубика) — 8. Земляники и клубники 13-го июля на базаре не было. Сравним цены: яйца стоили 25 коп. за десяток (как почти 3 фунта черники или малины), мясо — 19-20 коп. за фунт, масло — 45 коп. за фунт²². С совре-

менными ценами на ягоды сравнить сложно, но можно соотнести с ценами на другие продукты. Например, по цене десятка яиц (25 коп.) можно было купить — 3 фунта черники, вишни или малины. Цены 2015 года таковы: черника 1 кг — 150 р., т. е. примерно 60 р. за 1 фунт; малина летняя — 120-140 р. за два стаканчика по 200-250 г., т. е. за тот же фунт. Теперь по цене десятка деревенских яиц (70 р.) можно купить — 1 фунт черники или полфунта малины. То ли ягоды подорожали, то ли яйца подешевели. Сравним с другими продуктами. Например, если масло стоило 45 коп., то на эти деньги можно было купить вишни, черники или малины по 5,5 фунтов. Фунт хорошего сливочного масла теперь — около 300 рублей, значит, на эти деньги купим 5 фунтов черники (трехлитровая банка или 2 кг) или 2,5 фунта малины. Мясо стоило 20 коп. Значит — 2,5 фунта ягод вишни, черники, малины. Мясо (говядина) за фунт теперь выходит около 200 р., значит, купим около 3-х фунтов ягод. Выходит, или мясо подорожало, или ягоды подешевели. Соотношение цен теперь совсем другое. Черника и малина были равнозначны, а теперь малина в два раза дороже черники.

Всех яблоневых деревьев по Владимирской губернии насчитывали до полумиллиона. Потребность в свежих яблоках за счет своих садов не удовлетворялась. В неурожайном 1895 году ввоз составил 93 400 пудов, а вывоз 11 663; в урожайном 1896-м — 50 522 и 13 614. Такая большая разница зависела от урожая. Основная масса фруктов ввозилась в фабричные местечки и города. Для местных фруктов рынок был открыт, но садоводство развивалось медленно. Уход за деревьями велся самый элементарный: окапывание, обкладывание навозом, обвязывание у молодых деревьев стволов на зиму соломой, еловыми и можжевельновыми ветками. Поливали обычно только присадки. Обрезка не велась, или была весьма небрежна — выламывание

сухих сучьев. Практиковали обмазывание глиной с коровяком (вроде побелки, это и теперь практикуют). Деревья помещали друг от друга на 6 аршин (около 4-х м), что слишком густо. Правила плодородства того времени предусматривали до 9 аршин (ок. 6 м) расстояния. Теперь это, пожалуй, слишком много, поскольку распространены яблони на низкорослых подвоях и полукарлики. Часто садоводы не знали, что делать с неплодоносящей долго яблоней. Самые грамотные научились делать бороздование ствола, удобрение, обрезку лишних побегов. Практиковали оригинальный варварский метод: «женили». Провертывали в стволе дырку и вставляли в нее сучек от другой плодоносящей яблони. Оголяли корень, срубали все, кроме молодых веток!²³ Так можно и загубить дерево, но, в сущности, эти действия направлены на ограничение роста вегетативных побегов и направление «соков» на плодоношение.

Из сортов был популярен анис. Различали анис красный и серый. Лежкость рассматривалась как главное качество яблочка. О лежкости аниса сведения в садовых анкетах давали противоречивые — от 3-4 месяцев до года. Скорее всего, путались в названиях сортов. Тот анис, который я помню в нашем саду 1980-х, хранился очень мало, но был душистый и сочный. Боровинка могла храниться до января. Апорт — очень недолго. Встречалось в нашей местности небольшое число яблонь черного дерева, грушевки, титовки, белого налива, липовки, китайских яблочек, пеструхи или пеструшки, скрута, коричневого, аркаса, плодовишки. Антоновка в Муромском уезде занимала третье место. Широкое распространение имела хорошавка, почти не встречавшаяся в других районах. У нее крупный плод, до двух вершков в диаметре (до 10 см!), с красной полосатой окраской, кисло-сладким вкусом. Это яблоко быстро вошло в моду за красивый товарный вид и прочность при перевозке

Ил. 5. Неизвестный фотограф. Чаепитие в саду Осиповых. 1908. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/46

и хранении. Кроме самых распространенных сортов, в ассортименте все еще было много семечковых яблонь (т. е. выращенных из семечек) неизвестных сортов, но вполне хороших. Такие яблони требуют большого пространства, очень плодоносны и жизнестойки. Первых плодов от них ждут больше десяти лет, но сохраняют они плодоношение до 150 лет, а современные новые сорта к 25-ти годам вырождаются.

Вишня меньше распространена, чем яблоня, хотя среди самых обширных вишневых садов губернии назывались муромские (наряду с владимирскими и вязниковскими). Ценилась «родительская» — это та самая «владимирская», что известна повсюду как черная, крупная вишня. Крыжовника садили до 8 тысяч кустов на десятине. Он давал ежегодные урожаи, но примерно на половине кустов. Его сажали все, поскольку

ку ухода почти не требовалось. Средний сбор с куста составлял 8-9 фунтов (3,2-3,6 кг), а хороший 12-14 (т. е. до 6 кг), причем, сборы в Муромском уезде были значительно выше, чем в других местах. Крыжовник любили свежий, в варенье, в наливках и настойках, а самый простой — моченый. В рацион простого народа входило чрезвычайно много именно кислой (квашеной) еды. При неурожае яблок крыжовник их заменял. В течение первого десятилетия двадцатого века крыжовник стал терять промысловое значение. Целые поля пришлось вырубать из-за пораженности мучнистой росой. В этот период утрачены замечательные русские сорта крыжовника, так восхищавшие А. П. Чехова. Нам уже не понять, о каком крыжовенном варенье он писал. Черная смородина не имела промышленного значения, но несколько кустов держалось в каждом хозяйстве для собственного потребления. Она еще в изобилии росла в диком виде. На продажу более шла красная и белая смородина. Она довольно мелкая, но с куста можно взять больше, чем черной. В Муромском уезде ее в среднем собирали вдвое выше, чем по области. Еще в 1899 г. смородина была распространена слабее крыжовника, а в 1910-м уже наоборот — в два с лишним раза больше, потому что крыжовника пришлось много уничтожить.

Малину очень ценили за вкус, за «сладость», а сушеную — как лекарство. Часто в свой сад пересаживали мелкую малину из леса, но начали высаживать и крупную сортовую, в основном красную, редко желтую и белую. Малина была популярна еще потому, что она поспевает до крестьянской работы (до уборочной), именно в то время, когда сельское население особенно нуждалось в какой-нибудь приправе для своей скудной еды. И в то же время малина не требует особенно интенсивного ухода, а в удобрение ее идет весь огородный (органический) мусор, солома, мякина.

Терновник разводили почти в каждом селении. Его терпкая ягода ценилась в моченом виде «как приправа к чаю»²⁴. Однако преобладание в селении зарослей терновника было признаком того, что там не умеют ухаживать за садом. Терновник рос самым диким образом без минимального присмотра. Урожай он давал до 2 пудов 30 фунтов с 10 сажень зарослей.

Остальные плоды не были столь распространены. Выращивали иногда рябину для винно-водочного производства. Сажали сладкую невежинскую рябину — по селу Невежину Андреевской волости. Название же переделано в нежинскую (как более благозвучное). Клубника была еще редкостью, встречалась в садах священников. Сливы были в старых садах, но их вновь не разводили почему-то. Возможно потому, что применение плодов было весьма ограничено — в мочку они не идут. Делали вино. Сливы в меду были изысканным угощением. Их заливали медом, закупоривали в бочонок и катали его, чтобы плоды хорошо пропитались. Груши встречались только у больших любителей-садоводов, поскольку требуют внимания и ухода. Хмелеводство в Муромском уезде не было развито.

Интересны вычисления о доходности плодового сада. Чистый средний доход от сада мог достигать до 200 руб., но даже если это преувеличение, то и 100, и 60 руб. с десятины — очень значительно. Семья крестьянина-хлебопашца брала дополнительный доход еще с огорода, с домашнего рукоделия и промыслов, с собирательства в лесах. Все это существенно увеличивало общий доход, увеличивало благосостояние. Расчет такой. Сбор с яблони — в среднем 2 пуда; с десятины сада — 900 пудов. Цена — 75 к. (или 95 к.) за пуд. Валовый доход — 675-1280 рублей. Урожай обычно бывает через год. Выходит годовой доход — 337-640 рублей. Из этой суммы надо вычесть расходы: на окопку, удобрение, караул, сбор плодов, провоз,

плату на базаре и пр., примерно – 82 р. Итого: чистая доходность яблоневого сада – 255-558 рублей²⁵. В среднем по самым скромным подсчетам получается, что во Владимирской губернии доходность одной десятины яблоневого сада была от 250 до 300 рублей. По Муромскому уезду доходность составляла 214-329 рублей. Товарных садов было мало. Урожай зависел и от погоды, и от вредителей.

В 1910 году земства вновь организовали сбор статистических сведений о состоянии садоводства-огородничества. Необходимо было выделить показатели по оценке усадебных земель, подлежащих обложению земскими сборами. Налогообложению подлежали «промысловые сады, огороды». Земству пришлось описывать состояние садоводства и огородничества с экономической точки зрения. Весной 1910 года по инициативе Владимирского общества садоводства и огородничества составили и разослали многим садоводам программы по собиранию сведений о технике разведения яблони, малины, смородины, крыжовника, вишни, клубники. В итоге собраны и систематизированы многие материалы: ответы сельских старост на прежние опросники за 1908 год, «сообщения корреспондентов текущей статистики», личные впечатления от поездок (в т. ч. и в Муромский уезд). Набор собранных в таблицы и опубликованных в статистических сборниках данных обширен. Очень интересны и живые впечатления, описания. Распространение садоводства в губернии шло значительно медленнее, чем огородничества. Садовые районы всей Владимирской губернии для анализа и описания разбили на семь частей. Волости Муромского уезда попали в Нижне-Приокский и в Верхне-Приокский районы.

В Нижне-Приокском (заречном) – в Яковцевской, Загаринской и Клинской волостях – чуть не в каждом селении вся площадь усадьбы сплошь была покрыта садами. Во всех

Ил. 6. Неизвестный фотограф. П. А. Осипова угощает сына Ивана ягодами в саду у дома. 1910-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/24

почти селениях там посадки ягодных кустов и даже яблонь вынесены на полевые полосы. Например, Новинки располагались по оврагам, и сады там представляли красивую картину, если смотреть с другого склона оврага: «Прямая, идущая вниз улица с обеих сторон застроена жилыми постройками, с крытыми дворами. Непосредственно к домам примыкают и тянутся далеко, сажен на сто и более в обе стороны густые зеленые сады... Пестрят на склоне оврага разноцветно окрашенными домиками и крышами... Фрукты и ягоды из этого района или идут по Оке в Муром, а оттуда в Иваново-Вознесенск, Шую, Ковров и др. крупные центры губернии, или, в большей части отправляются вниз по Оке в Нижегородскую губернию»²⁶.

Муром с волостями Карачаровской, Липинской, Чадаевской был включен в Верхне-Приокский район. «В этой

местности выдается с. Карачарово, в котором крестьяне обратили серьезное внимание на садоводство; здесь многие хозяева придают ему большое значение; в Карачарове находится большой и хороший сад гр. Уваровой в пять десятин. В селе Загряжское и Чаадаево крестьяне вместо терновника заводят молодые яблоневые сады»²⁷. Графиня П. С. Уварова с дочерьми получила Карачаровское имение по разделу наследства и стала там жить в самом конце XIX века. Их сад, наверное, был еще очень молодой. Садоводство являлось их семейным увлечением. Великолепный сад, парк и оранжереи росли в подмосковном Поречье. Муж графини, археолог Алексей Уваров был страстным любителем, а сын Федор имел свои огромные питомники. В Муромском уезде существовали и крестьянские питомники: в д. Ползиково Яковецкой волости – Ив. Ив. Киселева, и в д. Спасской²⁸.

Питомников в начале прошлого века в губернии было мало, это очень тормозило продвижение садов. Основным же препятствием, как считали земские деятели, являлся недостаток знаний и развития, бедность. Определился еще один «страшный враг». Староста деревни Соболево пишет: «Каждый старается разводить сад, но не допускают особые враги – зайцы; губят яблони до 15 лет»²⁹. Зайцев объявили абсолютно вредными животными. Истребляли их беспощадно. Мелкие вредители-насекомые тоже вносили свой вклад в разорение садов. Порой уже с весны становилось ясно, ждать ли урожая. Методы борьбы с вредителями и болезнями были примитивные. В отчете муромского земского инструктора по садоводству и огородничеству В. Кастерина за 1912 год отмечено, что молодой сад в 17 десятин в д. Красно у крестьянина Белякова весь объеден гусеницей боярышницей. Крестьяне не знали ни вредителей, ни способов их уничтожения. Энтузиасты экспериментировали

с новыми еще тогда химическими препаратами: «1-го июня проведено опрыскивание (кристалл-азурином) крыжовника в имении Г. Укши. Болезнь остановилась в развитии»³⁰. Речь идет о поместье в деревне Межищи Муромского уезда, родовом имении поэтессы серебряного века Сусанны Укше (1885-1945). Там теперь сохранился только пруд.

Как сто лет назад надеялись на достижения химии! Минеральные удобрения только еще начали применять. Теперь же идет возврат к природному, органическому земледелию. Статью из «Муромского края» 1914 года о борьбе с вредителями сада было бы очень полезно опубликовать вновь. В числе полезных «жителей» наших садов названы: пауки, жужелицы, божьи коровки, светящийся Иванов червячок (светлячок?) наездники, флерницы, стрекозы, ухвертки, дождевой червь, певчие птицы, летучие мыши. Про кротов отмечено, что многие видят от него больше вреда, чем пользы³¹.

Крестьяне Муромского уезда жаловались на недостаток земли. Здесь, действительно, средний размер усадеб был меньше, чем в других уездах — 540 кв. сажен. (это — 2458 кв. м., или 0,25 га, или 25 соток, а сейчас т. н. приусадебный участок в деревне чаще всего 10-15 соток). Сады и огороды в среднем по губернии занимали только 0,7 % всей удобной земли, а на усадебной земле — 6 %. Лишь в Муромском уезде эти показатели достигали соответственно 1,6 % и 18 %. Это почти пятая часть усадьбы, остальную землю отводили под постройки и огороды³².

Урожайный 1906 год дал хорошие доходы. Это был стимул к продвижению садоводства. Толчком к развитию стала и выставка 1909 г. во Владимире. Из Яковецкой волости Муромского уезда староста сообщал: «Огородничество сокращается вследствие разведения садов на огородах» (деревня Горушки). «Садоводство не развивается, — пишут

Ил. 7. Неизвестный фотограф. Иван Максимович Осипов сидит с балалайкой в саду на скамейке. 1910-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/27

из Карачаровской волости, — потому что все усадьбы заняты огородами, а огородничество оказалось выгоднее садоводства». Ситуация колебалась то в одну сторону, то в другую.

Садоводство должно было играть важную роль в вопросах питания. Стол крестьянский и бедного городского населения не слишком разнообразен, строго соблюдались посты. Удивительно, что фасоль, бобы и тыква оказались почти неизвестны деревне, тогда как еще в XVII веке фасоль упоминается среди муромского экспорта. Земские деятели вели просвещение по гигиене питания, подчеркивали, что увеличение доли овощей и фруктов в рационе детей способствует развитию их способностей.

Еще одна важная роль садов — противодействие распространению пожаров, «этого бича и ужаса деревни», да и старых русских «деревянных» городов. Сады сдерживали огонь.

Муромский уезд, впрочем, несмотря на разведение садов, по количеству и интенсивности пожаров был впереди всех уездов губернии³³. Статистика и причины здесь сложные. Например, терновник не спасает от пожара, так же, как и молодой сад. Важно и размещение сада между домами.

Наконец, земцами отмечено было и эстетическое значение сада: «Нельзя не обратить внимание на то, что долголетнее ближайшее и любовное ухаживание за плодовыми деревьями и кустами ведет к тому, что человек привязывается к объектам своего ухода... общение с природой не может не влиять облагораживающим образом на характер человека»³⁴. Отметим еще, что сад предоставлял и некое личное (и даже интимное) пространство, которого так не хватало в тесных, перенаселенных жилищах.

При земствах создавали Агрономические комитеты. В 1904 впервые приглашается в Муромский уезд агроном Смирнов. С 1906 по 1911 в Муромском уезде активную деятельность развил земский агроном Ф. Ф. Казаков, который в 1912 году стал губернским агрономом³⁵. На съездах Муромского уездного земского собрания он делал доклады по агрономической части. Разумеется, садоводство не было основной их темой, но ему все больше уделялось внимания. Земцы наметили целую программу по продвижению садоводства, по которой предлагалось внеурочное преподавание садоводства и огородничества в начальной школе, курсы, распространение книг, устройство образцовых садов, предоставление льготных мелких кредитов и пр.³⁶

В апреле 1914 г. Российское железнодорожное ведомство организовало продвижение по России так называемого Агрономического поезда. На короткое время он остановился и в Муроме. В первом вагоне располагался музей, во втором — представлялось садоводство, далее разные отделы сельского

хозяйства, был и вагон-лекторий³⁷.

Во Владимире в 1910 г. энтузиасты создали общество садоводов и огородников, провели первый съезд. Следом (21 апреля 1911 г.³⁸) и в Муроме было учреждено Общество садоводства и огородничества. Члены его читали лекции, раздавали литературу, планировали обследовать Муром по участкам. Практиковалась даже бесплатная раздача семян и минеральных удобрений для опытов. Общество произвело расчет доходности одной десятины сада-огорода. Оказалось, что самой выгодной культурой была смородина — она давала 250 рублей чистого дохода; затем шла малина — 220; капуста — 225; огурцы — 185; а яблоня — 200. В отчете Общества за 1914 год сообщалось, что в Муромских садах использовалось 6 механических опрыскивателей — 4 от общества и 2 — от агрономического кабинета. Их выдавали в пользование. В газете публиковали объявление о том, чтобы вернули выданные опрыскиватели, т. к. они нужны и другим³⁹. Общество приобрело медогонку, организовало ее демонстрацию. На заседаниях читались разные доклады. Например, как начинать и вести выгодное пчеловодческое хозяйство, «О приобретении членами общества собственного сада». Доклад «Фруктовое виноделие» с демонстрацией образцов как настоящих, так и поддельных вин завершился дегустацией и аплодисментами, а автору вручили букет искусственных цветов⁴⁰.

Посадочный материал муромские садоводы выписывали из питомника Ферингера (Москва): яблони, груши, очаковские сливы и др. Эти желтые очаковские сливы (старый сорт народной селекции), медовые и сочные, еще сохранились в редких старых садах. Есть они и в нашем — цветут необыкновенно красиво махровыми белыми цветками, но позже всех остальных слив, и поэтому, видимо, опыляться им нечем и урожай бывает невелик.

К 1915 году муромское Общество садоводов насчитывало более ста членов. Председателем был агроном А. О. Кунцевич. Членами Общества состояла вся уездная управа и участковые агрономы. В составе — весь цвет общества: семь Воцининых, двое Гладковых, А. И. Гундобин, В. Н. и Б. Н. Добрынкины, двое Емельяновых, двое Жадиных, семь Зворыкиных, И. П. Мяздриков (городской голова), Сонин, Тагуновы, Фандаловы и пр., в т. ч. десять женщин.

Владимирское Общество инициировало проведение курсов по садоводству и огородничеству по всей губернии. В 1910 г. организовали в разных уездах десятидневные курсы под руководством казенного инструктора по садоводству и огородничеству губернии П. А. Агеева. В Муроме записалось в слушатели 23 человека, в Яковцеве — 50 и в Озябликовом погосте — 60. Лекции сопровождалась практическими занятиями по посадке, прививке и элементарному уходу за деревьями⁴¹. В 1912 г. были устроены курсы в Большом Загарине и в Клину. В очередном агрономическом докладе за 1911 год сообщалось: «Хотя занятие садоводством и огородничеством и сильно развито в Муромском уезде, 9/10 всех садов находятся в запущенном состоянии и приносят своим владельцам очень мало дохода»⁴². В мае 1913 года прошли двенадцатидневные курсы с практическими занятиями в Озябликовом погосте. Время не самое удачное — в мае посадочная страда. Записалось 43 человека, со случайными посетителями было до 100 человек в возрасте от 15 до 60 лет. Мужчин — 38, женщин записалось всего 5, хотя участвовало их гораздо больше, но они уклонялись от записи. Приходили слушать из разных деревень: Чирятьево, Кулаково, Выборково, Озябликово, Рамешки. Состав слушателей показателен: учительниц и учителей — 5, лиц духовного звания — 2, монахиня — 1, урядник — 1, садовник — 1, учеников

духовной семинарии – 7, торговцев – 9, ремесленников – 7, земледельцев – 6 и разночинцев – 4. Все грамотные, кроме двоих, все имели сады и огороды. Занятия шли рано утром или поздно вечером. Демонстрировались приемы ухода и исправления запущенного дерева. Многие вели записи. Подобные курсы в Яковцеве организовали в сентябре, где практические опыты проводили в саду священника, и сад этот стал потом показательным. В октябре 1913 г. курсы устроены в Муроме в здании уездной управы. Записалось 47 человек, но часто участвовало до 80-ти случайных посетителей. Состав слушателей оказался «на редкость разнообразный. По сословиям были дворяне, почетные граждане, купцы, мещане, крестьяне и ремесленники. По роду занятий: инспектора, учителя, учительницы, лица духовного звания, землевладельцы, земские служащие и учащиеся. Для практических работ участники курсов воспользовались показательным садом Муромского земства при II-й высшей начальной школе. Он мог находиться в центре города. Так,

Ил. 8. Сбор урожая в саду Осиповых. Группа крестьян с корзинами. 1910-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/64

Т. Б. Купряшина. Муром, утопающий в садах. Начало XX века

в «Оценочной книге» на Благовещенской улице за № 4 записаны Городского общества 2-е училище каменный двух этажный дом, каменные и деревянные постройки, сад. Губернский специалист по садоводству в своем отчете о курсах мог назвать училище школой. Слушатели упражнялись в прививках разными способами. Организаторы собирали отзывы, например: «До сего времени далекое и совершенно для меня неинтересное дело благодаря вашим курсам стало мне дорогим и близким»⁴³. На курсы возлагались самые большие надежды в борьбе с невежеством. Инструктор из Владимира приезжал специально по письмам в Муром и ближние села для консультаций. В 1912 г. среди служащих земства указаны четыре агронома по участкам, инструктор по садоводству и огородничеству. Рассматривался вопрос об открытии в Муроме «школы садовых рабочих пониженного типа», трехгодичной, на 40-50 человек, по типу Ярославской школы, т. е. «с пониженным уровнем теоретических знаний, и повышенным — практических работ»⁴⁴. Когда Министерство народного просвещения прислало циркуляр о необходимости вводить «профессиональные знания» подрастающему поколению, инспектор 2-го Муромского высшего начального училища предложил открыть курсы садоводства и огородничества. Городская управа провела совещание на этот счет, но «садовое» образование в Муроме так и не продвинулось.

В этот период в Муромском уезде уже были почти сведены все леса, и остро стоял вопрос об облесении. Земством предполагалось создать лесопитомник на одной десятина. Смету составили на 255 рублей. Это позволило бы, как считали, получить посадочный материал ежегодно для облесения 200 десятин. Здесь заодно собирались развести и плодовые саженцы⁴⁵. В «Докладе по агрономической части» в 1909 г. сообщалось: «Муромское земство сделало в текущем году солидное приоб-

решение⁴⁶. Муромская Городская Дума по ходатайству Управы постановила уступить в бесплатное пользование Муромского земства до 4-х десятин городской земли: две десятины под древесный питомник, который заложен уже на одной десятине, и две десятины под садоводственные и огородные учреждения»⁴⁷. Производительность предполагалась в 3 264 штук саженцев ежегодно, начиная с 1914 года, когда привитые дички дадут двухлетние благородные побеги и могут поступать в продажу. Валовая прибыль предполагалась 600 руб. Питомник расположился в одной версте от Мурома около школы ремесленных учеников. В 1913 г. к нему прирезали еще две десятины. Закладка сада откладывалась год от года. В газетном отчете Общества садоводства и огородничества за 1913 год сообщалось: «Разбивка и посадка сада предполагается весной 1915 г. В текущем году сад этот решено было использовать как огород». Собрания членов Общества обычно назначались в помещении земской школы на углу Касимовской и Ивановской улиц. Случались и такие курьезы: «Председатель общества садоводства явился на общее собрание членов, а все — не явились»⁴⁸. Общій критический настрой в обществе был велик. Газета, кстати, сообщает, что и гласные (т. е. члены городской думы) часто не являлись на заседания думы, и публикует, кто и сколько заседаний пропустил. В январе 1914 г. избрали совет общества садоводов во главе с председателем А. О. Кунцевичем. Постановили: устроить показательный образцовый сад при школе ремесленных учеников на следующих условиях. Юридическое лицо хозяин сада — школа. Инспектор школы — заведующий садом с хозяйственной стороны. Ему предоставили право пускать в сад посетителей. Общество должно выделить средства на разбивку сада. Совет Общества получал право проводить опыты и вести уход за счет доходов от сада⁴⁹. Работы на питомнике велись под

наблюдением казенного инструктора по садоводству и огородничеству губернии П. А. Агеева. Посадили яблонь маточных 37 штук, 2000 однолетних, 6000 дичков, 30 кустов малины и 100 кустов смородины⁵⁰.

В отчете Общества садоводов находим подробности о закладке питомника — осенью 1914 года по вспаханной площади около школы ремесленных учеников сделали разбивку сада. 15 апреля 1915 года садовник Сонин демонстрировал перед учениками, как нужно сажать дерево. Посажены были двухлетки на расстоянии 12 аршин. Из летних сортов выбрали на развод белый налив, грушовку, коробовку; из осенних — коричневое, боровинка, хорошавка алая; из зимних — китайское желтое, антоновка, анис алый, антоновка обыкновенная, антоновка стаканчатая. В зиму штамбы саженцев завернули в луб до кроны, чтобы не погрызли мыши. На устройство городского сада было выдано 100 рублей⁵¹. Вскоре заложили еще два показательных сада: в Муроме при 2-м высшем начальном училище, размером 1 120 квадратных сажен, где посадили яблони, груши, сливы, вишни, малина; другой — в селе Озябликовом погосте при училище им. Багратиона.

Был в городе некий сад, который называли Гофманским. В воспоминаниях Н. П. Воцининой-Киселевой он упоминается: «Слева тоже был большой овраг. Часть которого занимал Гофманский сад, названный по имени немца Гофмана, снабжавшего весь Муром различными саженцами. После него этим занимался садовник Сонин. За оврагом находился еще один поселок, называющийся Штабом»⁵². Воспоминания ее неточны. Сад, на земле некогда принадлежавшей Гофману, находился за Успенским оврагом в Напольной слободке (Ремесленная слободка). В феврале 1914 г. местная газета «Муромский край» сообщала, что на заседании Общества садоводства

и огородничества был заслушан доклад С. А. Ветрова, о том, что в Гофманском саду в течение зимы было вырублено 20 деревьев в возрасте от 20-ти до 80-ти лет. Городскому управлению следует подумать «о сохранении его от истребления»⁵³. В «Оценочной книге недвижимых имуществ города Мурома» описано это место: «Напольная слободка... по левой линии № 16 Муромская школа ремесленных учеников... № 17. Городской сад (под названием Гофманский)»⁵⁴. Не указано, сколько земли под ним, т. к. городская земля не подлежала налогообложению. Саженцев там не могло быть. Городской сад был уже очень старый, запущенный, давно выкупленный у разорившихся Гофманов, имение которых в это время находилось совсем в другом месте Мурома. Саженцами же всех снабжал уже после революции новый питомник и работавший там Сонин.

В предреволюционный период садоводство только еще

Ил. 9. Неизвестный фотограф. Осиповы в саду варят варенье. 1900-е. МИХМ. Ф. 1-111. М-19231/40

становилось настоящим промыслом, почти нигде оно не было единственным источником дохода. Яблоками торговали чаще сами садоводы, через скупщиков — единицы. Мешало отсутствие мелкого кредита. Все ратовали за распространение знаний, за создание дешевых питомников, распространение кооперативных и кредитных союзов. Федор Яковлевич Селезнев (1876-1940), известный археолог, предлагал старосте с. Борисоглебского насадить сады на кооперативных началах по склонам оврага за селом⁵⁵, но безрезультатно. Началась Первая мировая война, потом революция. В такие периоды не до садов, все палисадники засаживают картошкой, чтобы выжить. В апреле 1917 года на заседаниях Исполнительного комитета народных представителей и общественных организаций Муромского уезда Муромскому обществу садоводства и огородничества дано одно место — наравне с одним представителем от Союза крупных землевладельцев, одним от мелких, одним от духовенства и от разных других обществ. Главным на заседании был продовольственный вопрос⁵⁶.

Комментарий к иллюстрациям

На иллюстрациях представлено имение с садом Осиповых в селе Усад Меленковского уезда Владимирской губернии. Их сад, разумеется, не рядовой, можно сказать — роскошный, с беседками, цветниками, большим фонтаном, множеством фруктовых деревьев. Сад у них не только снабжал семейство фруктами, но и был местом чаепитий и развлечений. Все это запечатлено на снимках начала двадцатого века. Этот фотоархив уникален. Обычно же любой сад на фотографиях служит лишь фоном.

Со слов их дальних потомков, передавших фотографии в музей в 2007 году (акт № 26 от 09.08.2001 года, от Осипова Валерия Михайловича), Осиповы были владельцами крахмалопаточного завода в Усаде. Глава семейства Максим Иванович и его жена Прасковья Ивановна были старообрядцами, числились крестьянами. В выписи из «Метрической книги 1-й части о родившихся Владимирской губернии Меленковского у села Верхозерье Казанской церкви за 1901 год» записан Максим Осипов, сын

крестьянина д. Усад. Родители старообрядцы выразили желание приобщить сына к православной церкви, совершено миропомазание. У Осиповых было много детей: Евгения (1885 г. р.), Елизавета (1893 г. р.), Иван 1887 (г. р.), Валентина 1896 (г. р.), Вера, Владимир, Мария. Сын Сергей (1890 г. р.) был фотографом. Возможно, фотографии из семейного архива были сделаны им. Дети учились в реальном училище и женской гимназии в Муроме. Скорее всего, у них был дом и в Муроме. В списках избирателей по г. Мурому за 1914 год Осиповых не значится. В списках лишенных избирательных прав по городу Мурому за 1926 год значится заводчик Максим Иванович Осипов (1863 г. р.), проживающий по адресу Комсомольская, 11; а также жена Прасковья Алексеевна Осипова (58 лет); Михаил Максимович (32 года), проживающий по адресу Первомайская, 1.

Их сын Михаил Максимович (1891 г. р.), потомки которого, видимо, передали фотографии в музей, в советское время работал в банке. Он был арестован в 1938 г., расстрелян, реабилитирован. Его жена Евгения Петровна (урожденная Суздальцева, 1901-1986) работала заведующей аптекой на Алтае. В 1949 г. она приехала в Муром с сыном Валерием. Ее отец Петр Дмитриевич Суздальцев работал в Муромской городской управе, занимался строительством дорог. Он есть на фотографии членов думы. В настоящее время дом Осиповых в д. Усад полуразрушен, сада нет.

¹ Антипович М. С. Садоводство и огородничество во Владимирской губернии, их доходность и причины роста или упадка в отдельных местностях губернии. — Владимир, 1910. — С. 107.

² Смирнов А. Садоводство и огородничество Владимирской губернии. — Владимир, 1903.

³ Муромскому очередному уездному земскому собранию. Отдел агрономических мероприятий. — Муром, 1912. — С. 25.

⁴ Там же. — С. 7.

⁵ Там же. — С. 11.

⁶ В родном краю. (От наших корреспондентов). С. Чадаево // Муромский край. — 1914, 19 июня. — № 136. — С. 3.

⁷ Муромскому очередному уездному земскому собранию... — С. 11.

⁸ Там же. — С. 15.

⁹ Там же. — С. 16.

¹⁰ Антипович М. С. Указ соч. — С. 242.

Т. Б. Купряшина. Муром, утопающий в садах. Начало XX века

¹¹ Оценочная книга недвижимых имуществ города Мурома с 1915 г. Часть I-IV // Архив Муромского отделения Владимирского филиала ФГУП Ростехинвентаризация-Федеральное БТИ (Ранее: Архив Бюро технической инвентаризации г. Мурома). В исследовании использованы цифровые копии книг № I, III, IV. Номера страниц почти нигде не попали в кадр, поэтому их указать невозможно. Найти в книгах упомянутые владения можно по названиям улиц и номерам имений.

¹² Сметы и раскладки по Муромскому уезду на 1907 год. — Владимир, 1907. — С. 49.

¹³ Список лиц, имеющих право участия в выборах в гласные Муромской Городской Думы на четырехлетие с 1914 года. — Без выходных данных.

¹⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zvorykins.ru/publication/otkuda_poshli/#.

¹⁵ Оценочная книга. Часть I. — С. 175.

¹⁶ Объявление // Муромский край. — 1914. — № 104. — С. 4.

¹⁷ Оценочная книга. Часть IV.

¹⁸ Иван Муромец. Вход воспрещается // Муромский край. — 1914. — 27 февр. — № 46. — С. 3.

¹⁹ Объявления // Муромский край. — 1914. — 9 июля. — № 152. — С. 3.

²⁰ Хроника // Муромский край. — 1914. — 31 мая. — № 120. — С. 3.

²¹ Свод действующих в настоящее время по гор. Мурому обязательных для местных жителей постановлений по предметам городского хозяйства. — Муром, 1891. — С. 13.

²² Хроника. Базар // Муромский край. — 1914. — 13 июля. — № 156. — С. 3.

²³ Труды Владимирского общества садоводства и огородничества. — Владимир, 1910. — Вып. I. — С. 9.

²⁴ Смирнов А. Указ. соч. — С. 36.

²⁵ Там же. — С. 40.

²⁶ Антипович М. С. Указ. соч. — С. 16.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. — С. 77.

²⁹ Там же. — С. 32.

³⁰ Муромскому очередному уездному земскому собранию... — С. 71.

³¹ Наши непризнанные друзья // Муромский край. — 1914. — 24 июня. — № 140. — С. 3.

³² Антипович М. С. Указ. соч. — С. 114.

³³ Там же. — С. 43.

³⁴ Там же. — С. 44.

³⁵ Журналы Муромского чрезвычайного уездного земского собрания за 1911 год. — Муром, 1911. — С. 7-8. «С докладом агронома согласиться и внести в смету 1912 г. 300 на содержание инструктора по садоводству... деятельность Ф. Ф. Казакова в должности уездного агронома в Муромском уезде была продуктивной... Собрание благодарило агронома Казакова». И пр.

³⁶ Муромскому очередному уездному земскому собранию 1910 года отчет и доклад по агрономической части за 1909 год. — Муром, 1909. — С. 21.

³⁷ Об агрономическом поезде // Муромский край. — 1914. — 10 мая. — № 104. — С. 2.

³⁸ Муромскому чрезвычайному уездному земскому собранию 3 мая 1911 года. Доклады. II. О садоводстве и огородничестве. — Оттиск без выходных данных. Муромский уездный земский агроном Ф. Казаков.

³⁹ О-во садоводства и огородничества // Муромский край. — 1914. — № 140. — С. 2.

⁴⁰ Садоводство и огородничество // Муромский край. — 1914. — № 48. — С. 3.

⁴¹ Муромскому очередному уездному земскому собранию сессии 1911 года. «Отдел агрономических мероприятий» Отчет Управы за 1910 год. И доклады на 1912 год. — Муром, 1911. На книге есть штамп «Агрономический Кабинет Муромского земства I участка».

⁴² Муромскому очередному уездному земскому собранию 1913 года. Отчеты и доклады по агрономической части за 1912 год. — Владимир, 1913. — С. 12.

⁴³ Отчет о деятельности губернского специалиста по садоводству и огородничеству за период с 1 ноября 1912 года по 1 января 1914 года. — Владимир, 1914. — С. 9.

⁴⁴ Муромскому очередному уездному земскому собранию. Отдел агрономических мероприятий. — Муром, 1912. — С. 57.

⁴⁵ Муромскому очередному уездному земскому собранию 1909 года отчет и доклад по агрономической части за 1908 год. — Муром, 1909. — С. 13.

⁴⁶ Надо отметить, что между городским и земским самоуправлением постоянно шли споры и разборки по имуществу, налогообложению, бюджету и пр.

⁴⁷ Муромскому очередному уездному земскому собранию 1910 года отчет и доклад по агрономической части за 1909 год. О содействии садоводству и огородничеству. — Муром, 1909. — С. 14-15.

⁴⁸ Народ артельный // Муромский край. — 1913. — 28 дек. — № 2. — С. 2.

⁴⁹ Собрание о-ва садоводства и огородничества // Муромский край. — 1914.

Т. Б. Купряшина. Муром, утопающий в садах. Начало XX века

– 23 янв. – № 18. – С. 3.

⁵⁰ Муромскому очередному уездному земскому собранию. Отдел агрономических мероприятий. – Муром, 1912. – С. 73-74.

⁵¹ Муромское общество садоводства и огородничества. – Муром, 1916. – С. 1-2, 7.

⁵² Вощинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания // Муромский историко-художественный музей. Научный архив. – НА Ф. 8. – Оп. 2. – Ед. хр. 4. Также см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum-murom.ru/pr-voshchinina-kiseleva-o-murome-vospominaniya>.

⁵³ В о-ве садоводства // Муромский край. – 1914. – 3 февр. – № 30. – С. 3.

⁵⁴ Оценочная книга недвижимых имуществ города Мурома с 1915 г. Часть 4. – С. 1023.

⁵⁵ Селезнев Ф. А клад-то под ногами // Муромский край. – 1914. – 11 янв. – № 8. – С. 3.

⁵⁶ Журнал заседания исполнительного комитета народных представителей и общественных организаций Муромского уезда. 12 апреля 1917 г. и 13-16 апр. 1917 г. – Без выходных данных. – С. 1.

ПРОИЗВОДСТВО ИГРУШЕК В МУРОМЕ И РАЙОНЕ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Тема производства игрушек, в том числе и в Муроме, исследована слабо. Некоторая информация о кустарном производстве игрушек в Муромском регионе представлена в нашей статье в сборнике «Уваровские чтения-VIII»¹, где в качестве источников использованы каталоги кустарно-промышленных выставок в г. Владимире, материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии, воспоминания местных жителей, газетные материалы и др.

Однако не менее ценными, судя по работе О. А. Суховой, являются и такие документы, как инвентари в музее². Они ведутся годами, и в них накапливаются исторические сведения³, описание поступивших в музей предметов и «легенд об их происхождении». В 43-х томах инвентарных книг, которые велись в Муромском музее во второй половине 1930-х годов (даты регистрации 1937-1938 гг.), в томах 44-48 (до 1974 года) и инвентарных книгах по отделам музея, в частности, «Инвентарной книге общественно-экономического отдела», нашлась весьма любопытная информация о поступлении игрушек с 1930-х по 1950-е годы. В основном эти сведения встречаются в КП № 35 и 44; есть интересное упоминание в КП № 11.

Из этой информации следует, что игрушки в этот период выпускали несколько артелей, находящихся на территории Муромского округа, который в довоенное и военное время включал в себя значительные территории за рекой Окой.

Часть деревянных игрушек выпускала артель, обозначен-

Л. И. Глущенко. Производство игрушек в Муроме и районе

ная в КП № 35 как «Майдан», которая входила в объединение «Мурдревхимсоюз». Находилась она в селе Полхов-Майдан, где еще до революции выпускали расписные деревянные игрушки. Записанные в этом КП игрушки поступили из артели в музей до войны. Практически все они до сих пор хранятся в музее. Это деревянные расписные мячи, погремушки, грибки, пирамидки из шести и восемнадцати цветных колец, бочата разных размеров и цветов, горшочки. А вот детский красный лакированный комодик с двумя верхними и нижними ящичками без замков и ручек (размеры 30х19 см) был списан по ордеру № 380 от 16.10.54 года.

В 1941 году из той же артели в музей поступили:

№ 26 788 — грибок деревянный расписной (М-12 263);

№ 26 789 — коробка круглая, раскрашенная (М-4288);

№ 26 791 — горшочек деревянный, высотой 6 см (М-4274);

№ 26 792 — погремушка детская расписная, высота 16 см (М-4275);

№ 26 793 — погремушка с двумя шариками на концах (списана в 1980 г. по ордеру № 3689);

№ 26 794 — шарик деревянный расписной, диаметром 9 см (М-4276);

№ 26 795 — такой же шарик, диаметром 6 см (М-4278);

№ 26 796 — матрешка деревянная, состоящая из четырех вставляющихся друг в друга кукол; раскрашена зеленой, красной и желтой краской, высота 15,5 см (М-4277);

№ 26 797 — коробка деревянная расписная; размеры 11х7 см (М-4289);

№ 26 817 — бочонок деревянный, раскрашенный золотым фоном и травами, высота 9,5 см (М-4279).

Если сравнить ассортимент игрушек, поступивших в музей в довоенное и военное время, можно сделать вывод, что он

практически не менялся, что свидетельствует о бытовании традиционного промысла по изготовлению игрушек.

Делали игрушки и другие артели, например, «Бытовик». В КП № 35 записан поступивший еще до войны шлем детский красноармейский, с нашитой пятиконечной звездой (21x17 см; № 22 360). Он был выпущен в связи с выставкой «20 лет Октября». В 1941 г. из этой же артели поступили бумажные мячики золотого и серебряного цвета диаметром 4,5 см (№ 26 856; списаны по акту 1224 ордер № 636) и детская гитара (дерево, длина 61 см) — передана в ГОРОНО. Забегая вперед, хочу отметить, что большинство игрушек — деревянная кукольная мебель, куклы, деревянные машины — были переданы туда в 1955 году по ордеру № 636.

Из артели «Бытовик» поступали в музей игрушки и в военное время. В КП № 44 (поступления 1941-1945 гг.) обозначены:

№ 26 295 — гармонь детская, черная с красным цветом, меха из коричневого гармантина и синей материи. Пищики обшиты белой тканью с лирой посредине. Размеры 14x11x18 см (поступление 1941 года);

№ 26 375 — кукла матерчатая «Пионер», лицо подрисовано, волосы из пакли, высота 37 см;

№ 26 376 — кукла матерчатая «Девочка» в красном платице с нарисованным лицом, волосы из пакли, высота 35 см;

№ 26 377 — кукла матерчатая «Свинка» в красном платице, лицо прорисовано, высота 27 см.

Эти игрушки поступили в 1943 году.

В 1945 году из той же артели под номером 26 366 значится детская сумочка из красно-оранжевого миткаля с нарисованной незабудкой (11x18 см).

Выпускала детские предметы для игр и артель «Музыка», которая, судя по названию, специализировалась на выпуске

Л. И. Глуценко. Производство игрушек в Муроме и районе

музыкальных инструментов для взрослых и детей и дополнительно, вероятно, из отходов производства, делала детские игрушки. В КП № 44 записаны поступления 1941 года:

№ 26 435 — мебель игрушечная из окрашенной фанеры, обитой пестрым ситцем:

1. Столик прямоугольный (17х12х10,5 см);

2-3. Кресла мягкие (9,5х10,5х15,4 см);

4. Диван мягкий (19,5х9,5х14,5 см);

№ 26 276 — балалайка, игрушка детская, окрашена в светло-желтый цвет (дерево, фанера, струны); списана по ордеру № 683 от 23.05.1980 г.

В 1942 году из этой же артели в музей поступило домино (№ 29 247) — дерево, картон, (16,5х5 см).

В записях КП № 44 за 1941 г. встречаются еще поступления игрушек из артели «Рекорд». Это гамак (№ 26 364) и волейбольная сетка (№ 26 365). Списаны по акту 1214 ордер № 636.

В КП № 11 упоминаются игрушки, которые были изготовлены частными лицами, эвакуированными во время Великой отечественной войны в город Муром. Судя по записи в инвентарной книге, граждане сдавали свою продукцию на продажу в магазин «Бакалея». Эти игрушки на сумму 100 руб. 40 коп. купил муромский житель А. Н. Виноградов для личного употребления. Игрушки были сданы им в музей 3 марта 1942 года.

Коллекция игрушек:

№ 16 587 — кукла «Матрешка» из цветных тряпок, высота 18 см;

№ 16 588 — кукла «Мишка» из цветных тряпок, высота 24 см;

№ 16 589 — кукла «Зайчик» из цветных тряпок, высота 25,5 см;

№ 16 590 — уточка (гусь) материя, высота 19,5 см;

№ 16 591 — кукла (кролик) из материи, высота 16 см;

№ 16 592 — банка с цветами из золоченой и крашеной бумаги, высота 28 см;

№ 16 593 — сумочка детская из золоченой бумаги 13x8 см.

В КП № 44 есть информация о том, что завод № 43 в Муроме делал ведерки (№ 26 310) из консервных банок с американскими надписями (12x10,5 см). Скорее всего, их делали из банок из-под американской тушенки, которая по лендлизу стала поступать в Союз с ноября 1941 года, что и подтверждает запись в инвентаре («предмет поступил в 1943 году»).

Делали игрушки и на фанерном заводе. Для восстановления реальной картины выпуска игрушек на этом предприятии пришлось воспользоваться материалами газеты «Фанерщик», выпускаемой на заводе с 1933 года.

Фанерный завод, расположенный в юго-восточной части города, был запущен в строй 12 мая 1933 года. В 1934 году (вероятно, в мае) в нем организовали утильцех, который работал в «обыкновенном разбитом сарае, обшитом тесом. Совершенно не было никакого оборудования. Работа проходила примитивным образом, состав рабочих — 60 человек»⁴.

Цеха основного производства, как ни старались экономно расходовать сырье, не могли избежать отходов. Поэтому руководство фанерного завода, «придавая особое значение работе нового утильцеха по выпуску продукции широкого потребления на базе всех отходов завода, запланировало в 1935 году произвести механизацию отдельных трудоемких работ с выпуском новых видов изделий»⁵. С 1 мая 1935 года утильцех перешел работать в новое помещение, которое постепенно механизировалось, в нем работал двухсотенный коллектив рабочих⁶.

Если в первое время цех выпускал в основном тару и музы-

Л. И. Глуценко. Производство игрушек в Муроме и районе

кальные инструменты (гитары, балалайки), то в 1935 году в цехе ширпотреба работали уже столярно-мебельный, шахматный и игрушечный отделы. Работа по изготовлению мелких предметов, к коим относились и игрушки, производилась в основном силами учеников-подростков⁷.

В КП № 35 (поступления 1937-1938 гг.) есть записи о поступлениях игрушек с фанерного завода:

№ 22 056 — балалайка (детская игрушка), дерево, металл, высота 43 см;

№ 22 064 — петух-игрушка: гребень и подбородок ярко-красные; клюв, спина, крылья, лапы — желтые, грудь и вся нижняя часть черные, хвост светло-зеленого цвета. Подставка зеленого цвета. Материал — папье-маше, размеры 16х12 см;

№ 22 066 — автобус (пассажирский) игрушечный, на четырех колесах, корпус сверху желтый, визу красный, крыша красная, перед черный, колеса черные. Сидения внутри не окрашены. Материал — фанера окрашенная, длина — 43 см, ширина — 14 см, высота 19 см.

Эти игрушки были списаны в 1955 году по ордеру № 636.

№ 22 231 — автомобиль легковой — детская игрушка. Верх красного цвета, низ черного. Длина 34 см. Передан в горно в 1955 году по ордеру № 636;

№ 22 511 — доска шахматная. Материал — дерево, размеры 40х34 см. Поступила в музей из завода в 1937 году.

КП № 44 по акту № 102 от 26 сентября 1939 г. зафиксировано поступление в музей из завода следующих игрушек:

№ 29 230 — диван, обитый черной клеенкой;

№ 29 231 — комод желтый с пятью ящичками;

№ 29 232 — стол туалетный желтый с двумя ящичками и тремя зеркалами;

№ 29 233 — гардероб желтый с зеркалом;

№ 29 234 — письменный стол желтого цвета с двумя дверями и двумя ящичками;

№ 29 235 — автомобиль грузовой зеленый (длина 36,5 см).

Все это было передано в гороно по ордеру № 636 в 1955 году.

Но были и проблемы по выпуску этих и, возможно, других изделий цеха ширпотреба. В газетной статье 1937 года под названием «За высокое качество изделий ширпотреба» говорится о низком качестве выпускаемой продукции: «В игрушечном отделе брак доходит до 30 %... низкая производительность труда... не налажен учет»⁸. В 1940 году в газете опять поднимается вопрос о проблемах игрушечного отдела: «Для изготовления игрушек используется сырой материал, детали режутся не по размеру, отчего при сборке получается много брака... отделочный материал дается недоброкачественный и в недостаточном количестве, игрушка выходит некрасивая, грязная»⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о качестве выпускаемой продукции за 1940 год должен был подстегнуть работу цеха ширпотреба, однако на деле руководство цеха поступило проще — прекратило выпуск продукции¹⁰, но, видимо, ненадолго, поскольку в КП № 44 есть запись о поступлениях в музей игрушек с фанерного завода в 1941 году:

№ 26 294 — мебель игрушечная, фанерная, окрашена под дуб масляной краской:

1. Диван, обшитый черным гармантином, размер 14х6,5 см;
2. Этажерка со шкафчиком с раскрывающимися дверцами и одним ящичком, размеры 6х3,5х15 см;
3. Комод с пятью ящичками, размеры 9х4х9 см;
4. Шифоньер с зеркальной дверкой и одним ящичком, 8,5х4х14,5 см;
5. Стол письменный с двумя дверцами и двумя ящичками,

12х5х6,5 см;

6. Стол крестьянский 13х7,5х8 см;

7. Стол кукольный с двумя дверцами и одним ящичком, 11,5х7х8 см;

№ 26 436 — игрушки деревянные из фанеры:

1. Кувыркающийся клоун, окрашенный масляными красками, размером 23,5х19 см;

2. Качающийся мальчик с мячом, раскрашенный, высотой 31,5 см;

3. Тачка со снимающимся ящичком, дл. 91 см;

4. Грабли деревянные с семью зубьями, дл. 80 см;

5. Лопата из фанеры с деревянной ручкой, дл. 88 см;

6. Носилки из фанеры с деревянными ручками, дл. 93 см.

Все эти игрушки были переданы в горно в 1955 году по ордеру № 636.

После войны на фанерном заводе некоторое время еще выпускали игрушки, что отражено в газетных материалах: например, на второе полугодие 1945 года утильцеху было дано задание сделать игрушек на 40 тыс. руб.¹¹ В 1946 г. было освоено и выпускалось три вида детской игрушки: гардероб, комод и письменный стол¹². По записям в КП № 44 по акту № 691 от 11 августа 1948 года в музей поступили следующие игрушки:

№ 29 223 — качалка, размеры 18,5х17 см;

№ 29 224 — диван, размеры 12х8 см;

№ 29 225 — стол, размеры 11х10 см;

№ 29 226 — стул (4 шт.), размеры 7х12 см.

Переданы в горно по ордеру № 636 (акт 1210) в 1955 году.

С 1949 по 1959 гг. в газетах «Фанерщик» не встретилось ни одного упоминания о выпуске игрушек на фанерном комбинате, а основной продукцией цеха ширпотреб становится изготовление мебели.

¹ Глущенко Л. И., Смирнов Ю. М. Детские игрушки и взрослая политика // Уваровские чтения – VIII. Владимир, 2012. – С. 250-280. См. также: они же. Взрослые игры в детские игрушки (Игровые куклы 20-50-х годов XX века. Муромская округа в контексте времени и страны) // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции. – Владимир, 2010. – С. 163-168.

² Сухова О. А. Старые инвентари музея как исторический источник (на примере документов научного архива Муромского музея) // Сообщения Муромского музея – 2009. – Муром, 2010. – С. 109.

³ Купряшина Т. Б. Исторические источники по истории Муромского музея (1918-1941 гг.) Дипломная работа. – М., 1979 // МИХМ НА. – 695. – Л. 26, 39-42, 48, 65, 80.

⁴ Утильцех к 1 Мая // Фанерщик. – 1935. – № 15 (69). – С. 2.

⁵ Технорук Мошковский. Наш основной план работы на 1935 год (окончание) // Фанерщик. – 1935. – № 3 (57). – С. 2.

⁶ Климанов В. Как работает цех ширпотреба // Фанерщик. – 1935. – № 42 (96). – С. 2

⁷ Там же.

⁸ За высокое качество изделий ширпотреба // Фанерщик. – 1937. – № 2 (152). – С. 1.

⁹ Алексутин. Улучшить работу утильцеха // Фанерщик. – 1940. – № 34 (353). – С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. А. Пора заняться утильцехом // Фанерщик. – 1945. – № 29 (554). – С. 1.

¹² Лебедев Н. Коллектив цеха ширпотреба план перевыполнил // Фанерщик. – 1946. – № 43 (616). – С. 1.

МУРОМСКИЙ ХУДОЖНИК ЕВГЕНИЙ АРХИРЕЕВ (1935-1986)

Муром целомудренный
Над Окой хрустальной посидите тайно
Не забаламутьте вечер отошедший
Берегите целомудренность отношений
Андрей Вознесенский

Пронзительное звучание этих строк известного поэта «шестидесятника» отзывается в Муроме в живописи художника

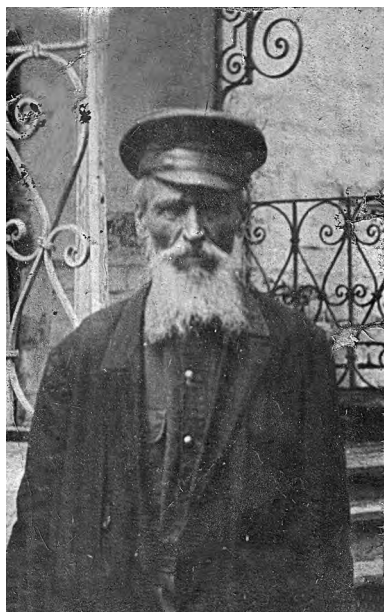

Ил. 1. Е. Архиреев. Автопортрет. Без даты. Начало 1980-х (?). Бумага, карандаш. Собрание Р. Архиреевой (Суздаль)

того же поколения Евгения Архиреева. На одних полотнах он возводит кристально четкий «Град над Окой», дерзновенно взирая на него «с птичьего полета» и пронизывая его радужными энергиями: «Малиновый вечер», 1980; «Ока. Гроза прошла», «Над Окой», «Муром. Летний день», 1983; «Ока. Муром», 1984. На других — бережно, не расплескивая живого ощущения от воды и песка, творит легкий и прозрачный образ тихого города у большой реки, в котором он появился на свет: «Муром.

Ока», рубеж 1970-1980-х; «Вид Мурома из-за реки»; «Серый день. Муромские берега», 1981.

Евгений Петрович Архиреев родился в Муроме 26 октября 1935 года в семье глухих. Мама была заботливой домохозяйкой. А отец — талантливым фотографом, ретушером и художником. Оглохнув в юности, он жил в особом внутреннем мире — при абсолютной тишине («Старый фотограф», 1979). Своеобычность его личности и нестандартность занятий, конечно, повлияли на характер и становление сына: рисованием Евгений увлеченно занимается с самого детства. По семейным преданиям, Архиреевы происходят из Костромской земли. Среди прямых предков были иконописцы, а, может, и духовенство, вплоть до высших иерархов.

Ил. 2. Кузьма Архиреев, иконописец — дед Е. Архиреева. Фото начала XX в. Архив Архиреевых (Суздаль)

Что и говорить, фамилия «говорящая» и излишне звучная для сталинской эпохи. Миф о происхождении мог обернуться тогда и большой бедой. Любопытно, что этой непростой фамилией, правда, — уже в 1960-е годы, фантасты Стругацкие наделяют одного из своих героев. Особенно интересно это потому, что их друг и критик Р. И. Нудельман тогда жил в Муроме¹.

Справедливости ради стоит отметить, что истолковывать русскую фамилию «Архиреевы» принято не как прозвище потомков архиерея,

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

а как прозвание крестьян, живших на его землях, или человека, у него служившего. В нашем случае, далеким предком муромского художника мог быть и иконописец, работавший при дворе владыки. А родной его дед — Кузьма Архиреев — был иконным мастером в Кологриве (эскиз к картине «Иконописец»). Е. П. Архиреев всегда испытывал особое пристрастие к древнерусскому искусству вообще, и, конечно, — к иконе.

Семья Архиреевых жила в Муроме в старой части города, в деревянном доме деда Евгения по линии матери (ул. Льва Толстого — в квартале от ул. Лакина до ул. Октябрьской). Николай Абрамов (художник и священник) — друг Жени Архиреева, с теплотой и ностальгией вспоминает живописный большой двор и прекрасный сад, вишню в цвету. А в конце лета — заготовки на зиму посреди огромного сада, которыми занимались мать и жена художника² («На побывку», 1977). Хранит в памяти образ этого уютного, но, увы, утраченного уголка Мурома и поклонник творчества Архиреева — Петр Сытник. Он восхищается этюдом этого «красивого дворика»³. Старинный дом с садом снесли и выстроили «пятиэтажки», в одну из них переселили Архиреевых.

Раннее детство и первые школьные годы Евгения

Ил. 3. Е. Архиреев с родителями. Фото начала 1950-х. Архив Архиреевых (Суздаль)

Ил. 4. Е. Архиреев (второй слева) с другом и подругами. Фото рубежа 1940-50-х. Архив Архиреевых (Суздаль)

пришлись на военный период. Муром, слава Богу, был глубоким тылом, но жизнь и здесь была тяжелой и голодной, хотя даже в те времена заработки отца позволяли семье не бедствовать. Подруга Жени времен его самого нежного возраста — Елена Алексеевна Голунковская (Князева), вспоминает: «Мы ходили в одну группу детского сада, теперь там „Дом ребенка” — это на ул. Ленина. Была война, но в детском саду нам было очень хорошо, но все были физически ослаблены. Нам ежедневно чем-то смазывали десны, поили хвойным напитком, который всем очень нравился, и в обед давали рыбий жир. На Московской ул. был клуб, где устраивали „олимпиады”, все д/сады участвовали, было интересно. Женя был во всем активным: и в пении, и в танцах, и рисовал хорошо. Родители нас отпускали в д/с одних, и домой уходили также. Женины родители были глухоне-

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

мыми, Женя знал язык жестов, т. к. по-другому они общаться не могли. Он меня привел домой к себе и сказал: „Папа я женюсь! – И показал на меня. – Отец, посмотри”. „Хорошо, возьмем, приводи”, – отец знаками объяснил. Семья жила в деревянном доме, с всякими пристройками, был очень хороший сад, в нем даже был виноград; дворик, цветы»⁴.

Евгений закончил семь классов в школе № 16, в которой еще сохранялись традиции реального училища, располагавшегося здесь до революции. Вопрос о профессии был пред-решен, и юноша успешно поступил в Ярославское художе-ственное училище, которое закончил в 1955 году. Вероятно, выбор пал на Ярославль по совету муромского художника Р. Б. Черепанова, который был родом оттуда и сам заканчивал это учебное заведение. Думается, этот древний, как и родной Муром, но более крупный и динамичный город, манил и самого Евгения, привлекая не только своим обликом с великолепными

Ил. 5. Е. Архиреев на этюдах. Фото рубежа 1950-60-х. Архив Архиреевых (Суздаль)

храмами, но и новыми возможностями. Училище располагалось в прекрасном старинном здании (дом Градусова на ул. Большой Федоровской, 27). Здесь были свои давние традиции. История Ярославского художественного училища началась с создания Городских классов рисования (1896). Основателем и первым преподавателем классов был Петр Александрович Романовский (1866-1914). В Ярославле это было первое специально-художественное учебное заведение. Оно стало одним из центров художественной культуры. В городских классах рисования с 1902 года ежегодно проходят художественные выставки. В них, наряду с учениками и выпускниками, принимали участие известные русские художники: И. Е. Репин, А. М. Васнецов, А. А. Киселев, С. В. Виноградов⁵.

Архиреев блестяще учился и его направляли на дальнейшую учебу в Академию художеств. Но судьба сложилась иначе – рано завел семью и вернулся в родной Муром. Здесь он в 1955-1959 годах преподает рисование и черчение в школах города (№ 14, 15, 9). Несколько лет служит художником-оформителем на муромском радиозаводе (1959-1963). Летом 1962 года, в рамках подготовки города к празднованию 1100-летия, молодой художник (совместно с С. М. Кановым) оформляет здание школы рабочей молодежи (Вознесенская церковь на пересечении ул. Московской и Льва Толстого). По словам искусствоведа Г. В. Хлебова, «муромляне и гости восхищались хороводом девушек в русских народных костюмах на фасаде школы»⁶. Тем же «дуэтом» был разработан и юбилейный значок с силуэтом Ильи Муромца (позднее Е. Архиреев стал автором ряда значков с муромской тематикой, которые украшают коллекции фалеристов). Заметим, что действительно это празднование было весьма значимым и даже знаковым событием для древнего, но закрытого для иностранных туристов, города. А оче-

Ил. 6. Е. Архиреев. Эскиз костюмов для музыкального спектакля танцевального коллектива Дворца культуры 1100-летия г. Мурома. 1967. Бумага, тушь, перо. Собрание Р. Архиреевой (Суздаль)

редная в стране волна увлечения «народностью» и стилем «а ля русс» была тогда на гребне.

Яркой страницей в жизни Евгения становится период его работы художником (1963-1967) в новом тогда Дворце культуры, построенном как подарок городу к тому же юбилею в 1962 году. Раскрытие способностей у Е. Архиреева к «театрально-декорационному искусству» отмечал Г. В. Хлебов: «Зрительный зал аплодисментами приветствовал его декорации к спектаклям „Свадьба в Малиновке” и „Морской узел”»⁷ (премьеры 1966, 1965). Все свои идеи и проекты художник очень тщательно воплощал вместе с главным инженером Дворца Рудольфом Компанейщиковым. По воспоминаниям Я. М. Свердлова и Н. Д. Антоновой, на премьере «Морского узла» зрители радостно ахнули: они узнали в декорации на сце-

не свою родную муромскую площадку с балюстрадой в Окском саду с видом на реку и знаменитую городскую водонапорную башню. Оформление сцены вообще-то символизировало уголок парка южного санатория с видом на море. Надежда Дмитриевна уверяет, что «искристая оперетта» Б. А. Александрова «Свадьба в Малиновке» (в постановке П. П. Радковского) в чарующем оформлении Е. П. Архиреева «муромского зрителя впечатляла гораздо больше, чем вышедший в это же время фильм» (1967)⁸. В декорациях все завораживало, особенно — симпатичная украинская хатка, крытая натуральной соломой. Евгений в этом

Ил. 7. Е. Архиреев с женой Риммой и сыном Евгением. Фото рубежа 1950-1960-х. Архив Архиреевых (Суздаль)

же году создает эскизы костюмов для музыкальных спектаклей танцевального коллектива Дворца («Улитушка», «Греческий танец», «Фабрично-заводская кадрили»). Изящно и четко выполненные пером и тушью эти листы являются полноценными графическими работами художника.

За основным зданием Дворца культуры находится другое строение, где в пору шестидесятых располагалась художественная студия, по выражению о. Николая (Абрамова)

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

— «для взрослых». Она возникла стихийно на базе официально открытой здесь в 1967 г. городской художественной мастерской. Поговаривают, что туда приходили по вечерам многие художники и писали даже обнаженную натуру. Захаживал туда поработать и Н. А. Беспалов, главный архитектор города. Обстановка была свободная, приглашались и другие творческие люди, устраивались импровизированные выступления певцов и музыкантов, чаепития и обсуждения. Евгений Архиреев трудился здесь днем как сотрудник, а вечером работал за мольбертом в этом «богемном» кругу. Для советского времени со сплошными запретами и ханжеством, да еще в провинции, это было и смело, и нестандартно, а главное — необходимо для нормального профессионального продвижения в творчестве.

Здесь же возникает неформальный клуб муромских художников, музыкантов, поэтов и инженеров, о котором в газете «Комсомольская искра» появилась статья А. Волкова «„Эос” и симфонии огней»⁹. Петр Сытник рассказывает, как все это начиналось: «Увлекаясь цветомузыкой, я пришел к молодым художникам, и мы решили организовать клуб, для познания и осознания этого явления. Название клуба предложил я, вспоминая Гомера: „И встала из мрака с перстами пурпурными Эос”. Эос — древнегреческая богиня утренней Зари. Тогда я и познакомился с Евгением Петровичем Архиреевым. Его огромный лист с изображением бушующей морской стихии, то ли воды, то ли цвета, меня тогда поразил, и я часто любовался этим взрывом эмоций»¹⁰.

Впечатление от того же произведения или близкого ему холста (возможно, картины «Земля и Океан», 1968), которое демонстрировалось в сопровождении музыки, до сих пор не изгладилось и из памяти Э. И. Дитяшевой. Она была вхожа в клуб вместе со своим мужем (музыканты Дитяшевы

сейчас живут в г. Радужном Владимирской обл.). Увлеченная участница тогдашнего «Эоса», Эльвина Ивановна вспоминает, какие интересные музыкальные вечера проводили в Муроме. И как они специально ездили за консультацией и опытом работы в Москву в мемориальный музей А. Н. Скрябина¹¹. Как известно, гениальный русский композитор был пионером в интересующей их области соединения живописи и музыки, цвета и звука. «Синтез искусств» у муромцев, даже под музыку Скрябина, не всегда удавался, и случались забавные ситуации. Например, П. Сытник вспоминает: «В начальный период деятельности клуба „Эос“ один раз я согласился быть натурщиком для художников. Для них я читал лекции по цветомузыке, а они меня рисовали. Но после сеанса они мне сказали, что такие эксперименты больше не будут проводить, так как говорящий натурщик не дает им сосредоточиться, и они от этого сеанса очень устали». Надо признать, что портрет Пети у Евгения Архиреева все же получился. Спустя несколько лет «натурщик» увидел его, нарисованный углем на большом листе ватмана. Музыка Скрябина, усиленно внедряемую Сытником, живописец Архиреев воспринимал тяжело. Не смог прослушать до конца симфоническую поэму «Прометей» — «Слишком сильное воздействие она на него производила»¹². Для самого же зачинателя всех этих мероприятий — Петра, собственная молодость навсегда осталась неотделимой от творчества и личности художника, что звучит в его стихотворной строке: «Юность / Архиреев Женья / Цветорадил на холстах, / „Эос“ тоже просветляла / Затуманенность в мозгах»¹³.

Участники клуба «Эос» собирались у художников в свое свободное время, сами же хозяева работали, как это бывает у творческих людей, «часов не наблюдая». Базирувавшаяся здесь городская художественная мастерская была специально создана

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

в марте 1967 г. (перед 50-летним юбилеем советской власти). Главным художником был назначен С. А. Николаев, собран довольно большой штат сотрудников и «ведущие» художники: Орджоникидзе Измайллов, Юрий Ерхов и Евгений Архиреев. Тогда перед этой официозной датой строились грандиозные планы по оформлению города, которые вряд ли вообще могли быть исполнены в те времена, в те сроки и при тех возможностях и которые так и остались невоплощенными. Любопытно интервью корреспондента Н. Богатенковой со Станиславом Николаевым в газете «Муромский рабочий». Он рассказывал, что художники придумали и спроектировали десять площадей, на каждой планировали объекты, символизирующие определенную тему. Например, на «Площади Школьников» должны были построить десять огромных ступеней. Наверх собирались водрузить мраморную парту, за которую бы садились выпускники и фотографировались¹⁴. Можно сказать, что тогда молодые художники, как это часто бывает, надолго опередили время — сейчас актуальны и создаются подобные объекты в городской среде, но, к сожалению, пока еще не в муромской.

В те же шестидесятые атмосфера и в «детской» изостудии в Муроме была весьма неформальной. Тогда Николай Абрамов занимался в студии А. В. Морозова, известного муромского художника (1901-1972). Находилась она в старом здании Дворца пионеров на ул. Первомайской. Бывший студиец с удовольствием вспоминает, какие замечательные «вечера набросков и рисунков» устраивал для них Андрей Васильевич (до того долго работавший в муромском музее и создавший немало экспозиций). К ребятам в студию приходили настоящие взрослые художники-мэтры и вставляли к мольбертам. Часто там бывал Евгений Архиреев со своим старшим другом — замечательным и тонким художником Иваном Михайловичем

Ил. 8. Е. Архиреев на этюдах в Муроме. Фото рубежа 1950-60-х гг. Архив Архиреевых (Суздаль)

Минеевым (1919-2004). Взрослые рисовали, дети смотрели, а кто-то, не сам ли Андрей Васильевич Морозов, в это время играл на балалайке: «Светит месяц, светит ясный». Потом детям разрешали закрасить фон, одежду, выполнить еще какие-то второстепенные вещи на портретах, только что исполненных «мастистыми» мастерами. Вот такой «мастер-класс» и преемственность поколений в «городе художников», как принято говорить о Муроме, что могло бы являться пустым штампом, если бы не было верным по своей сути.

Позже студией юных художников руководил замечательный живописец, со своеобразным мышлением — Михаил Константинович Левин (1918-1985). Тогда занятия проходили в «новом Дворце пионеров», ныне ЦВР, в здании клуба Строителей на ул. Московской (Жданова). И здесь была интересная и плодотворная работа и общение: также загляды-

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

вали сюда зрелые художники поработать и пофилософствовать с мудрым Михаилом Константиновичем; приходил и Архиреев. Николай тогда уже знал Евгения по его работам, экспонировавшимся на выставках в музее, и они его восхищали, детские впечатления от них были очень яркими.

Когда Н. Абрамов уже учился в художественном училище, то приезжал в Муром только на каникулы. Как-то, году так в 1968, он зашел к художникам в мастерскую в парке и его поразил огромный натюрморт Евгения Архиреева — «мощь, декоративность, свет; смело, дерзновенно, широко, мастито», — так определяет он свои чувства той поры. А образ самого живописца тех лет в его «знаменитом» сером свитере грубой вязки и сейчас так же явственно предстает перед ним. В то время Евгений вместе с Ю. И. Беззубовым, О. Г. Измайловым и Ю. В. Ерховым занимал мастерскую в Окском парке (официальное название — парк им. В. И. Ленина). Он принадлежал Муромскому заводу радиоизмерительных приборов (РИП), где Е. Архиреев с 1968 по 1970 год был приписан к отделу технической информации. В отделе завода РИП он проработал недолго, но оставил там о себе яркие впечатления.

Как вспоминает Петр Сытник, «Евгений Петрович был коммуникабельный, очень отзывчивый человек. Когда я проводил для сотрудников вечер в честь своего бракосочетания, то мне захотелось явиться к гостям под звон колоколов как бы из храма. Я подготовил из ткани соответствующие формы, и Евгений Петрович нарисовал красивый портал церкви со Спасом, расписал одежду священнослужителя, изготовил атрибуты: цепь, крест. Это было в 1968 году и „Явление народу” было таким, как я задумал. Написанный им портал хранится у меня до сих пор, хотя ткань и расписана гуашью»¹⁵. Да, были тогда такие времена, что все это было экзотикой, а также завораживало

таинственностью и запретом (не очень-то поощрялись посещения храма, а тем более таинство венчания).

Тогда эти же художники «из парка» по-соседски сотрудничают и с интересом общаются с директором музея (в Доме Зворыкиных). Александр Анатольевич Золотарев (1917-1986) – старше них по возрасту, обладающий глубокими знаниями и оригинальным мышлением, затевал с молодыми художниками немало занимательных проектов, не считая художественных выставок в музее. После раннего ухода из жизни Архиреева А. А. Золотарев печально заметил: «Ушел, нарушив очередь». Через несколько месяцев он сам последовал за ним¹⁶. А тогда они вместе увлеченно занимались разработкой муромских сувениров, в частности, подарочного набора печатных пряников по старинному рецепту. Сюжет узоров и изображений на них и на их нарядной коробке перекликались с репертуаром поливных

Ил. 9. Е. Архиреев (сидит на подоконнике первый справа) на открытии 27-ой выставки муромских художников в музее. 1972. Фото из архива Муромского музея

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

изразцов XVII века на Троицком соборе в Муроме. Е. Архиреев как художник с очень ярким чувством декоративности, вообще был равнодушен к этим замечательным муромским поливным плиткам. П. Сытник повествует: «Когда в надвратной церкви Казанского образа Божией Матери была художественная мастерская О. Г. Измайлова (1970-е. — О. С.), мы с Женей облазили всю Троицкую церковь в поисках хорошо сохранившихся изразцов. Я производил тогда фото и киносъемку»¹⁷. Думается, именно тогда у Евгения еще более четко определяется интерес к муромским храмам как своеобразным памятникам зодчества Древней Руси XVI-XVII веков, которыми он любовался еще в детстве и писал с юности.

А. А. Золотарев вместе со своими приятелями — муромским художником М. К. Левиным и владимирским архитектором-реставратором В. М. Анисимовым в шестидесятые и семидесятые годы немало «копий поломал» над проектом воссоздания древнейшего храма Мурома — церкви Козьмы и Демьяна (нынешний шатер церкви является не реконструкцией, а макетом). Евгений Архиреев с ними в диспуты не вступал. Зато он умел слушать и «считывать» информацию. Левин и Архиреев посвятили этому памятнику интереснейшие, чаще фантазийные, живописные работы. Создавали они эти произведения, находясь рядом на «городских этюдах», но каждый видел храм-монумент по-своему. Присоединялся к ним и молодой Николай Абрамов. В тот же период они часто вместе выезжают на этюды и в окрестности Мурома, где у них были излюбленные места на обеих сторонах Оки: Кондаково, Родяково, Бутылицы, Теша, Велетьма. Не случайно у них много этюдов одного и того же уголка природы, того же мотива, а часто и с одним и тем же названием («Цветет калужница», «Сон-трава» и пр.).

Судьба Евгения тесно связана с этими двумя художника-

Ил. 10. Е. Архиреев. Муромские монастыри. Из серии «Городские наброски». Без даты. Бумага, тушь, перо. Собрание Р. Архиреевой (Суздаль)

ми разных поколений, но оба они были близки ему и творчески, и человечески, и каждый по-разному. Вначале, когда Евгений Архиреев в 1971 году был внесен в списочный состав сотрудников Художественного фонда при Владимирском отделении Союза художников, он работал над многими оформительскими и монументальными проектами вдвоем с М. К. Левиным. Потом к ним присоединился вернувшийся из северной столицы после окончания Академии художеств Николай Абрамов. Когда М. К. Левин посвятил себя свободному творчеству, их трио преобразилось в дуэт – Архиреев-Абрамов (с 1977 по 1985). Одним из самых ярких проектов в оформлении города семидесятых было мозаичное панно «Илья Муромец» на здании кинотеатра в микрорайоне Южный – на пути к былинному селу Карачарову (М. К. Левин, Е. П. Архиреев, 1974). Любопытна история его наименования. Было предложение

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

назвать кинотеатр «Карачаровский», но муромские жители не желали прославлять «куркулей», высказавшись в местной газете¹⁸. В эпоху застоя было весьма недоброе и завистливое отношение городских обывателей к карачаровцам, которые жили не только на одну зарплату, но имели еще дополнительный доход со своих образцовых огородов. И кинотеатр назвали патетично — «30 лет Победы» (в народе он был известен как «тридцатка»). Но яркий и монументальный образ любимого богатыря до сих пор еще сверкает на заброшенном ныне здании.

Резонанс в печати вызвал и грандиозный оформительский проект в механическом цехе локомотивного депо — красочное мозаичное панно «Развитие железнодорожного транспорта в России» из 165 блоков, «удачно расположенных на более, чем ста квадратных метрах» (Е. П. Архиреев, Н. Н. Абрамов, 1979-1980). В композиции художники представили шестнадцать фигур, в центре — образ отца русского паровозостроения Черепанова, держащего в руках макет первого паровоза. «Слева картинка дореволюционной России, а справа современная жизнь». О нем с восхищением сообщала Т. Ларина, заместитель секретаря парткома железнодорожного узла. Сам же секретарь парткома В. Н. Мажоров тоже был впечатлен: «Работа, проданная художниками, огромная. Входишь в цех, как в художественную галерею. Художники сумели схватить главное: огромную созидательную силу социализма, т. е. колоссальные изменения, которые произошли в жизни советских людей»¹⁹.

Потом была интересная работа по оформлению банкетного зала ресторана «Волна», где была придумана и воплощена в технике резьбы по гипсу оригинальная композиция «Русские потешки», стилизованная под городецких мастеров (Е. П. Архиреев, Н. Н. Абрамов, 1980-1981). «Тема резьбы по гипсу родилась из мотивов живописи городецких мастеров, очень точно умею-

Ил. 11. Е. Архиреев и Н. Абрамов в банкетном зале ресторана «Волна» г. Мурома их оформления. Фото 1981(?). Архив Архиреевых (Суздаль)

щих подмечать наиболее характерные черты народного быта», — рассказывал тогда корреспонденту Н. Абрамов²⁰. Наконец — роспись «Древний Муром» в гостинице «Русь», над которой оба, увлеченные искусством Древней Руси, особенно вдохновенно трудились (Е. П. Архиреев, Н. Н. Абрамов, 1984-1985). Они словно перевоплотились в мастеров прошлого, работавших над фреской в древнем храме (эскиз «Андрей Рублев», 1970), даже внешне стали на них похожи. Сходство особенно заметно при просмотре документальной съемки Петра Сытника. Он провел с ними целиком один из дней. Петр с грустью подчеркивает, что «это, наверное, единственное видеоизображение, запечатлевшее Е. П. Архиреева»²¹.

Всю свою жизнь художник Архиреев, где бы и над чем он ни работал, был предельно честен, увлечен и профессионален, но, конечно, подлинным смыслом всего существования было его

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

собственное свободное творчество. И в нем он пытался «дойти до самой сути» и обязательно овладеть той или иной техникой и приемами, необходимыми для выражения волновавших его вопросов о смысле бытия. Он всегда пытался решить их исключительно художественными средствами. По словам о. Николая (Абрамова) у Евгения работа была Духовной потребностью. Он говорил: «Главное работать, я работаю, — я живу».

Одно время, в начале семидесятых, он плотно и очень профессионально занимался чеканкой, и эти его работы не остались без внимания. Даже в назидательной и критической статье о городской выставке 1972 года главный редактор местной газеты о них отозвался благосклонно: «Определенных успехов добился Евгений Архиреев. Его „Страдания“, триптих „Курочка Ряба“ по-настоящему художественны и профессиональны». Некоторых участников той же выставки автор в духе эпохи застоя заклеил: «Встречаются, к сожалению, и такие, которые искусство стилизуют чуть ли не под абстракцию»²². Обратил внимание на эти произведения Евгения и Г. В. Хлебов в предисловии к каталогу: «В сюжетном отношении интересны чеканки Е. П. Архиреева» Он же ранее отмечал: «По-своему Е. Архиреев трактует в чеканке по меди образ Ильи Муромца. Народный богатырь, сын крестьянский, охраняет богатства земли русской: вспаханные поля, леса и реки»²³. Оригинальные и масштабные для прикладного жанра работы мастера были объединены им в тематические композиции и составляли целые циклы («Илья Муромец», 1970; «Страдания»; «Русские мотивы», 1971; «Берендеи», 1972; «Времена года», 1973).

Некоторыми из этих тем он просто «болел». П. Сытник в своей рукописи вспоминает: «Увлечшись чеканкой, Евгений Петрович несколько лет носил в себе идею берендеев, выписывал даже книги из Москвы, чтобы знать быт берендеев. Зато

и результат был изумительным. На 27-ой городской выставке (1972) он был представлен только чеканкой²⁴. Евгения увлекли таинственные «берендеи», упоминания о которых встречаются в русских летописях. Толкуют, что это были бывшие кочевники, перешедшие на службу к киевским и владимирским князьям, на Руси их называли «латниками» и считали храбрыми воинами. Думается, все же у Жени Архиреева это название больше всего вызывало ассоциации с «царством добрых берендеев» из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». Для него, как и для известного драматурга, они олицетворяли нашу древность и самобытность, лад и мир славянского «золотого века». Но, «переболев» увлечением чеканкой, причем достигнув в ней большого мастерства, он опять обратился к живописи и погрузился в нее — «ведь живопись бесконечна» (по выражению художника о. Николая Абрамова).

Живописец Архиреев не совсем «вписывался» во «владимирскую школу пейзажистов», признанную не только в стране, но и за рубежом. В те советские годы произведения ведущих ее мастеров действительно были ярким «взрывом» в общем сероватом русле искусства. Евгений и сам был сторонник мажорного и теплого звучания живописи, но шел своим путем, и приемы у него были другие. Он слишком был погружен в искания в собственном творчестве и не умел специально подстраиваться под чужие эксперименты даже ради рекомендации в Союз художников. В принципе у него не было отторжения от этой очень важной для того времени институции; он никогда не вставал в позу и не считал себя непризнанным гением, стоящим выше всякого «членства», но и само вступление для него самоцелью никогда не было. Но если не рекомендуют, значит, судил он, — «нет — так нет», а для совершенствования надо просто работать — и все.

Здесь вспоминается весьма занимательный и поучитель-

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

ный рассказ Николая Абрамова о том, как один из муромских художников — Степан Гордеев (по первому образованию химик), «в принципе талантливый, но навязчивый», постоянно навещал и Женю, и других художников, добываясь от них раскрытия «секрета» живописи. На что ему и М. К. Левин, и Е. П. Архиреев отвечали: «Пиши да работай, вот и весь секрет». Но Степан не унимался и часто приходил домой к Архиреевым, где в проходном «зале» малогабаритной трехкомнатной квартиры у Жени была мастерская. «Петрович», как звали его друзья и приятели, по своей доброте и исключительной отзывчивости сутками терпел Степаново присутствие и выслушивал его, и помогал. Гордеев «приходил с охапкой своих работ и пытал, что в них так, да что не так. Сидел, бывало часов до двух ночи, а то и до шести утра. Другой раз Римма, супруга Женина, ложится спать — Степан сидит у них; и встает утром — тот все еще не ушел. А Женья, устав объяснять словами, брал кисть и сам дописывал, переписывал Степановы работы», — вспоминает отец Николай. Да и сам он однажды пришел к Жене утром, чтобы вместе идти на работу, и застал у него Степана, находившегося здесь с вечера и не давшего отдохнуть Евгению Петровичу. В один из таких вечеров, а может и ночей, Евгений Архиреев создал карандашный портрет Степана («Портрет С. Гордеева», 1975). Уроки те явно не прошли даром: Степан Гордеев в Москве и, говорят, добился успехов на артрынке.

Если бы не ранний уход из жизни, Е. П. Архиреев, конечно, был бы принят в члены Союза художников, ведь он был постоянным участником городских (1962, 1970, 1972, 1976, 1977, 1979, 1982, 1985, 1988 — последней посмертно) и областных выставок (1964, 1968, 1973, 1981, 1983 и др.), и неуклонно продвигался в своем творчестве. Особенно Евгений был окрылен, когда его работа «На побывку» (1977) прошла на зональную

Ил. 12. Е. Архиреев. Набросок к картине «Муром. Летний день». 1982. Калька, тушь, перо. Собрание Р. Архиреевой (Суздаль)

выставку «Художники Нечерноземья», проходившую в Рязани в 1980 году. Из муромских художников никто больше не был даже рекомендован на этот престижный по тем временам вернисаж. Наконец, казалось, что вступление в профессиональный творческий союз стало вполне достижимым. Но так и не случилось, во многом — и из-за подступившей болезни.

Путь и становление Е. П. Архиреева как неординарного художника, ярче всего проявившего себя в жанре городского пейзажа, начинается еще в раннем периоде творчества и относится к рубежу пятидесятых и шестидесятых годов («Церковь Козьмы и Демьяна в Муроме», 1957; «Съезд к мосту», 1958»;

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

«На Оке», 1959; «Муром, улица Ленина», «На базаре», 1960; «Муром, улица Московская», «Зажглись огни рекламы», 1961; «Благовещенский монастырь в Муроме», «Ночной город», 1962). Некоторые из этих работ нам известны лишь по каталогам; последняя из них, например, экспонировалась на выставке, посвященной 1100-летию Мурома, проходившей в городском музее.

Образы Мурома Евгения Архиреева появляются на всех последующих городских и областных вернисажах, что прослеживается по их каталогам²⁵. Особенно заметно преобладание городской темы в его творчестве по материалам двух персональных выставок, прошедших в Муроме (1978 и посмертной 1987). На первой художник демонстрировал работы, созданные исключительно в Муроме и его окрестностях. На последнем вернисаже, презентующем весь творческий путь живописца, наряду с муромской темой предстают виды городов Санкт-Петербурга и Касимова («На Литейном дворе», «Белые ночи», «Мойка у Летнего сада», «Невская набережная», «Эрмитаж», «Репинский переулочок», «Финский залив», 1982; «Вечер в Касимове», «Татарская мечеть» — 1982, «Теплая старость. Касимов», 1985). В этих работах ощутим отклик на родные автору мотивы — то отражением, то контрастом. На эти «отдаленные этюды» он выезжал со своей дочерью Светланой, унаследовавшей фамильный дар и ставшей художником, как и отец. На городской 31-ой выставке (1982) в Муроме они выставляются вместе, где С. Архиреева, тогда еще студентка, и показала свой касимовский цикл работ, а Евгений Петрович — ряд масштабных и зрелых муромских произведений с храмами над Окой. Через год они — участники областной выставки, посвященной 875-летию г. Владимира (1983). Уже через полтора десятилетия, после ухода отца, вновь его произведения экспо-

Ил. 13. «На выставком с дочерью». Е. Архиреев (второй справа) и С. Архиреева (в центре). Владимир. 1983(?). Фото из архива Архиреевых (Суздаль)

нировались рядом с работами дочери в родном Муроме: в музее в 1999 году (?) проходила выставка произведений преподавателей Суздальского художественно-реставрационного училища, где работает Светлана Мымрина (Архиреева).

Пока еще творческое наследие художника малоизвестно. Оно ярко запечатлено в памяти людей «ближнего круга» Евгения Архиреева, в основном тоже художников, и небольшой группы поклонников его таланта. Большая часть произведений хранится в семье — в доме супруги Р. А. Архиреевой (г. Суздаль). Несколько работ находятся в собрании Муромского историко-художественного музея и в Муромской художественной школе им. И. С. Куликова. Есть они в коллекции собирателя произведений муромских художников Е. Л. Кротова и у других любителей живописи. Наследием его занимаются дочь Светлана

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

Мымрина (Архиреева) с супругом Владимиром Мымриным (оба они замечательные мастера, члены СХ РФ и преподаватели Суздальского художественно-реставрационного училища). Теперь уже подключается к живописному собранию работ Евгения Архиреева, внука художника, названная в честь деда (она художник-реставратор ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря в Москве)²⁶.

Отзывы о произведениях Е. П. Архиреева отражены в прессе семидесятых, ведь работы Евгения на любой выставке не просто обращали на себя внимание, но невольно притягивали зрителя своим смелым выражением радостного ощущения бытия. Так, Б. Кривцов, корреспондент газеты «Комсомольская искра», в заметке об областной весенней выставке 1973 года во Владимире отметил: «С двумя большими пейзажами „Церковь Николая Набережного” и „Муром” выступил на этот раз Е. Архиреев. Независимо от названия — все это — выражение своего, заметно-декоративного, видения окружающего мира»²⁷. Н. Хазин, муромский газетчик и любитель живописи, регулярно посещавший вернисажи, в статье о городской выставке 1975 г. в Муроме написал: «Привлекают выпукло выраженным стилевым единством полотна Е. П. Архиреева. Не всегда условность почерка живописца приводит зрителя к глубокому проникновению в замысел, но лучшие работы Архиреева, такие, например, как пейзаж „Апрель”, рождают ощущение истинной поэтичности»²⁸. Тот же корреспондент восхищался работами Е. Архиреева на 30-й выставке муромских художников 1979 г.: «Но идешь от автора к автору. И словно прозрачайший кристалл вращается перед глазами, обнаруживая все новые грани. И чувствуешь, как не хватало бы здесь мажорно, почти феерически изображенной Оки Архиреевым, хотя Ока и на многих других полотнах». Портрет отца художника он отметил как

лучшее произведение всей выставки — оно дало ему возможность утверждать, что «есть кому целину пахать» на художественной ниве: «И как выигрышно смотрится среди других работ „Старый фотограф” Е. Архиреева, в котором мы угадываем человека высоких помыслов и благородной души — столь дорогие нам черты современника. Значит, есть, как говорится, порох в пороховницах, есть кому целину пахать»²⁹.

Отмечал работы Е. Архиреева с самого начала его творческого пути и Г. В. Хлебов, искусствовед (в начале 1960-х годов — директор Муромского музея). В 1978 году он пишет небольшую вступительную статью к каталогу первой персональной выставки художника³⁰. Вернисаж проходил во Дворце культуры Вербовского поселка. Автор отмечал, что уже в самые первые годы молодой живописец отдает предпочтение городской теме: «Он много и с увлечением работает, работает творчески, запечатлевая на этюдах в серебристой гамме полноводную Оку, родной город Муром». Подчеркивал умение живописца соединять красоту мотива и нежность чувства, как «в тонко написанном, мягком, просветленном» пейзаже «Осень в городе»³¹ (этой картиной в 1964 г. Архиреев впервые принял участие на областной выставке). Искусствовед подчеркивал, что древняя архитектура родного города — одна из любимых тем Евгения: «Изображая крутой берег Оки и возвышающуюся на нем древнюю Козьмо-Демьянскую церковь, молодой художник стремился как можно правдивее, точнее передать свечение и легкость закатного неба, густоту, зеленой листвы могучих лип и вязов. Вечернее, таинственное состояние природы в картине соответствует загадочной истории древнего памятника архитектуры»³². Хлебов уточняет, что «художник любит весь город, а не только его достопримечательности, и на ряде картин и этюдов показал повседневную жизнь городского двора

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

в старом городе. Люди колют дрова, отдыхают на скамейках, играют в домино («Вечерет»; «Заготовка дров» — из серии «Старый город», 1964)»³³. Автор статьи уделил внимание «ночному городу» художника Архиреева: «Много раз он писал на этюдах Муром, освещенный электрическим светом. Трудная задача оказалась выполненной. И в результате появилась красочная картина „Вечерний город” (1977): солдат с девушкой зимним вечером направляются к кинотеатру с чарующей взор светящейся рекламой. Ее теплый свет издали искрится, льется на холодный снег»³⁴.

Впечатления о поразившей его еще в молодости живописи Евгения Архиреева попытался выразить и П. Сытник (весьма сумбурно, но искренне) в своих неопубликованных воспоминаниях о художнике: «Лучшие его живописные работы тяготеют к импрессионизму, которому присуще, прежде всего, стремление передать впечатление игры света и цвета, которой наполнена природа и эмоционально-зрительное отношение к действительности. Но если точнее определить, то его работы относятся скорее к постимпрессионизму... Найденные цветовые решения... создают своеобразный обобщенный образ, более красочный, чем есть на самом деле... Он тщательно вдумывается в воссоздаваемое, взвешивает и выверяет увиденное»³⁵.

«Совсем неплохим художником» назвал Е. П. Архиреева Н. М. Баранов (1929-2009), владимирский художник-график, долго возглавлявший областное отделение Союза художников. В своей книге воспоминаний он тепло живописует необычную и яркую художественную атмосферу в Муроме, куда он частенько наезжал³⁶. Живописец и священник о. Николай дает художнику Архирееву, с которым он был рядом почти десять лет, продуманную и довольно сдержанную оценку, но при этом — яркую и образную: «Есть более академичные художники, бывают и те,

что творят более чувством, интуицией; другие больше разумением, они все просчитывают; иногда это слишком превалирует. Левин – Коровин. Жене же мешали линии. Левин говорил ему: „Что ты все вычерчиваешь, бери кисть, да пиши”. А у него (у Жени) было всё в чертежах, которые он оживлял цветом. Он пытался управлять эмоциями, он ткал свой мир. Но нельзя вычертить стог сена. У художника мерило — глаз. Это как на лезвии бритвы, всегда на грани. „Золотое сечение” не в вычерчивании и точности расчетов, а в умении балансировать. Но у Жени был свой стержень. По сравнению с другими (муромскими художниками. — О. С.), у него больше полета, монументальности, профессионализма, особенно в декоративно-прикладном искусстве; обобщение цвета, широкое видение в живописи»³⁷.

Поиски, порой мучительные, неповторимых и совершенных композиционных и цветовых решений; расчеты их по «золотому сечению» для своих живописных произведений особенно характерны для художника Евгения Архиреева конца семидесятых — начала восьмидесятых, когда, собственно, и выкристаллизовывался его индивидуальный стиль как мастера. Леонардо да Винчи в эпоху Возрождения, Сергей Эйзенштейн — на заре двадцатого, сознательно использовали в творчестве эту «божественную пропорцию». Евгений пытался идти тем же путем в искусстве, во многом рациональным. Однако считается, что в мировых шедеврах, созданных интуитивно, можно узреть то же «золотое сечение».

Обращаясь к наследию художника Евгения Архиреева (около 160-ти живописных картин и этюдов; около 30-ти графических набросков и работ), вписанному в хронологические рамки от середины пятидесятых до середины восьмидесятых, отчетливо ощущаешь живую рефлексия художника на изменения атмосферы реального бытия и его отражения и направления в искусстве.

Юность живописца и начало творческого пути совпало с концом сталинской эпохи и культурой «оттепели», в живописи воплотившись в феномене «советского импрессионизма». Для этого направления характерен оптимистический взгляд на природу и человека; особое эмоциональное наполнение произведения, отражающее радость бытия. Сюжет, настрой и художественное воплощение в дипломной работе Евгения Архиреева с группой юношей и девушек, внимающих гармонисту на цветущем лугу над рекой, тонко и точно совпадает с определениями советского «лирического импрессионизма» историками искусства. Картина экспонировалась летом 1955 г. на выставке дипломных работ выпускников Ярославского художественного училища в выставочном зале Ярославского отделения Художественного фонда СССР³⁸. «В живописи воплощается именно мифология „оттепели“ как весны, как пробуждения природы — утреннего солнца и ветра, полуденного тепла и света. Мифология „оттепели“ как детства и юности, открытости миру, надежды, радости, счастья — тоже носящих чисто природный характер».³⁹ Тот же критик отмечает как «наиболее мифологизированную» (прежде всего в знаменитой повести Эренбурга «Оттепель») стилистическую идею искусства оттепели — пленэрную «этидность», ставшую тогда «феноменом свободы» — в частности, освобождением от «дисциплины большого стиля».

Яркие и сочные этюды раннего Евгения Архиреева, пронизанные светом, напоенные речной стихией — водой, воздухом, горячим песком, близки не столько к школе Константина Коровина (образец для советских живописцев), сколько к самим французским импрессионистам. Они — поистине недавнее открытие в творчестве муромского художника. Варианты одного и того же натурального мотива имеют тончайшие нюансировки и объединены в серии: «Купание», «Причал», «Ока»,

«Сады» (без дат. 1960-е?). На этих небольших по размеру этюдах (12,5x16,0; 13x18,5 см), создаваемых в основном на берегу родной Оки, Евгений постоянно тренировал глаз художника и «набивал руку», находил цветовые и тональные отношения. А еще он экспериментировал, например, для изображения отдели подмешивал в масляную краску настоящий речной песок.

В столь же раскованной импрессионистической манере в начале шестидесятых Архиреев создает ряд картин, отражающих иконографию Мурома («На базаре», «Муром. Центральный перекресток», 1960; «Муром. Улица Московская», 1961). Художник представляет зрителю конкретный городской пейзаж с топографической точностью. Однако он подает его с этюдной смелостью и наполняет динамичными потоками горожан, чьи фигурки сливаются в праздничную, искрящуюся живописную толпу. В этих мажорных работах художник с молодой творческой энергией выплеснул эйфорию внезапной свободы в несвободной стране, так что провинциальный советский городок, закрытый для иностранцев, вдруг засверкал парижским блеском, отраженным в произведениях импрессионистов, выставленных в скандальном «Салоне Отверженных» — за сто лет до «оттепели» в стране Советов.

Две картины, написанные Евгением Архиреевым осенью 1964 года, из всей этой серии городских ранних пейзажей наиболее соответствуют определению «лирический импрессионизм» («В беседке» и «Осень в городе»). Теплоту и надежду излучают эти совсем не осенние по настроению композиции, пронизанные кружевом синих теней, со знаковыми фигурками влюбленных на одной и матери с колясочкой — на другой. Прозаичнее по мотивам и реалистичнее в обыденном понимании выполнены работы того же года из серии «Старый город» («Вечерет»,

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

«Заготовка дров»). Однако и в этих непарадных обветшавших городских задворках художник аккумулирует взгляд на закатном теплом свете, на светящемся оконце, на красоте «уходящей природы» и вызывает щемящее чувство легкой грусти.

Ранняя «прививка импрессионизмом» навсегда избавила художника Евгения Архиреева от вялого «ползания по натуре», скучного колорита и навязанных штампов в искусстве. Молодость муромского живописца и путь его к творческой зрелости пришлись на семидесятые годы двадцатого века. Художник постепенно отходит от почти бессознательного и радостного ощущения природы и бытия и его непосредственного выражения в работах. Композиции картин становятся все более продуманными и просчитанными, в них ощущается отстраненность и условность. Зачастую проявляется преобладание нарратива: в каждом живописном пространстве, как на сцене или в кинокадре, «проигрываются» свои истории. Архиреев представляет их среди узнаваемого архитектурного стаффажа родного Мурома («В увольнении», 1975; «Вечерний город», «В личное время», «На побывку», 1977; «Сговор», «На вечерний сеанс», 1979). Эти работы также отличает особая декоративность и некое «оформительство».

Последнее высвечивает как специфику манеры Е. Архиреева — в ту пору театрального декоратора, так и общие тенденции семидесятых. Евгений, как и все художники-«семидесятники», проявлял особое внимание к традициям народного искусства, к примитиву, лубку, что более всего у него воплотилось в прикладных и оформительских работах (чеканка, резьба по гипсу). В живописи же в «ночных» сценках со специфическими «городскими кулисами» он своеобразно преломлял характерные для того времени «карнавальные» мотивы, за которыми художники вынуждены были скрывать «обостренность нравственно-

го нерва» и могли откинуть чуждую им «мишуру идеологических декораций».

Был в те годы в живописи и другой путь, уводящий от «столбовой дороги» соцреализма в мир идеальный, указанный еще в шестидесятые Д. Д. Жилинским (1927-2015). Произведения этого большого мастера полны внутренней гармонии, с которой тесно связан философский и гуманистический подтекст его картин, восходящий к мастерам Возрождения. Кисть художника словно стирает с персонажей и предметов пелену обыденности, проявляя индивидуальность и неповторимость лиц, зачаровывая красотой одухотворенной телесности и облагороженной предметности. Одна из самых важных и ключевых работ Е. П. Архиреева периода семидесятых «Старый фотограф. Портрет отца» (1979) по приподнятости настроения, напряженности чувств, по сдержанному благородству, следует тому же идеализированному преподнесению человека. Муромский живописец при этом никому не подражает и создает образ, решая оригинальные композиционные и колористические задачи.

По мнению историков советского искусства, одна из самых важных (а, скорее, — главная) особенность художников этого поколения заключается в последовательном развитии собственных изобразительных концепций и тяготении к метафоре. «Может быть, впервые после многих лет общеупотребительных стилистических и пластических „формул“ в живописи утверждается ценность индивидуального стиля, и не только в его формальных признаках, но и стиля мышления»⁴⁰. Евгений Архиреев углубляется в разработку своей главной темы — неповторимого русского города над большой рекой. Пластический язык картин становится метафоричнее, преобладает выработанное художником своеобразное композиционное решение, в котором преображенный град предстает «с высоты птичьего полета»

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

(«Ансамбль Введенской и Воскресенской церквей в Муроме», 1976; «Церковь Николы Набережного в Муроме», 1976?»).

По силе воздействия изображения муромского живописца поднимаются до символического уровня, и Муром на них становится обобщенным и застывшим в архитектуре образом Древней Руси. В реальности же Муром тогда — еще закрытый для иностранцев город. Дороги и пути ко всем храмам разбиты и поросли бурьяном. Порухенные церкви стоят без крестов; древнейший Спасский монастырь (военный объект) заперт вообще для всех. А на полотнах Евгения Архиреева могучий собор этой обители сияет ирреальной красотой, то устремляясь с крутогора в фантастические «огненные» небеса, то трижды «отражаясь» силуэтом в перламутровых облачных высях («Спасский собор», 1980; «Спасо-Преображенский собор», 1980). Второе художественное решение данного изобразительного мотива можно определить как «метаметафора» или «метафора в квадрате», применяя по отношению к живописной работе лозунг группы поэтов во главе с Константином Кедровым, провозглашенный ими в тот же период семидесятых.

«Отражения» как прием Е. П. Архиреев использовал и в двух работах, посвященных муромскому Благовещенскому монастырю. При этом художник обыграл его совсем иначе. Строения архитектурного ансамбля то словно выхватываются световыми потоками, то будто скрываются за водяными завесами. Очертания храмов, башен и стен проявляются на земной поверхности, пронизанной энергиями ярких тонов цвета и динамичным контуром («Благовещенский монастырь в Муроме. I, II», нач. 1980-х?»).

В восьмидесятые годы тема древнего эпического града в творчестве к тому времени уже зрелого муромского живописца расцветает: звучит все мажорнее, порой становясь просто фее-

рической. Ярче проявляются в образе Мурома гиперболические черты. Мастер словно парит над городом, обозревая храмы, излучину Оки и речные дали. Пламенеют свечи соборных глав. Переливается река то нежно-перламутровыми, то густо-многоцветными отражениями. По ней скользят суда и лодки. В воздухе плывет жара. А радуга перекидывается от края до края («Малиновый вечер», 1980; «Иван Михайлович на этюдах», 1981; «Жаркий день», 1981?; «Над Окой», «Ока. Гроза прошла», «Муром. Летний день», 1983; «Ока. Муром», 1984; «Приокские дали», 1985).

Все эти масштабные по замыслу и метафорическому образному решению произведения Е. П. Архиреева созданы на фундаменте не только множества натуральных этюдов, зарисовок, но и ряда картин, с завидным постоянством представляющих вечно изменяющуюся Оку, то один, то другой храм или купеческий дом на крутом ее берегу. Они выполнены живописцем в русле традиции реалистического искусства, но всегда отражают неожиданный свежий и индивидуальный взгляд современного художника. Работы восьмидесятых годов с муромскими мотивами условно можно разделить на две группы. Произведения первой из них, более многочисленной, отличаются яркой декоративностью, присущей индивидуальному стилю Евгения Архиреева, сложившемуся уже в семидесятые. В колорите этих городских работ он ищет гармонию в наивысшем напряжении отдельных пронзительно звучащих тонов; открытость и насыщенность цвета играют здесь важную роль в сильном эмоциональном воздействии от его живописи («Муромский причал», рубеж 1970-80-х; «Холодная весна», «Душный знойный день», «Церковь Козьмы и Демьяна», «Пейзаж с архитектурой», 1981; «Муром. Цветущий город», 1984).

В других работах, посвященных иконографии Мурома тех

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

лет, Е. П. Архиреев видит его иначе, решает другие задачи. И предстает на картинах легкий и нежный по тональности образ города на берегу спокойной реки — то прозрачный, то в дымке, то в лучах заходящего солнца («Муром. Ока», рубеж 1970-80-х., «Серый день. Муромские берега», «Пляжный сезон», «Вид Мурома из-за реки», «Вечер над Окой», 1981).

Евгений в восьмидесятые создает серии картин, посвященные еще двум очень разным городам — Касимову и Санкт-Петербургу и проявляет себя как большой мастер «классического» городского пейзажа. Виды северной столицы узнаваемы, яркие и уравновешены. Он вообще был городским художником, что не мешало ему выезжать за город на этюды и остро чувствовать природу, отражая ее сочно и неординарно. Муром он знал наизусть, чувствовал его изнутри, осознавал его объемно в пространстве и протяженно во времени. Береговая линия Оки с холмами и храмами, где еще заметны следы средневековой топографии, уводила его одновременно в историю и в вечность. Удаляясь от реки и продвигаясь внутрь города, художник остро и точно осознавал его изменяющуюся во времени структуру. Нынешний центр Мурома сложился в эпоху классицизма, наивно, провинциально и мило напоминая Петербург. Сплошная купеческая застройка прорезана арками во внутренние дворы.

У Евгения Архиреева был интересный замысел большой серии работ под общим названием «Арки» («На этюдах в Муроме», нач. 1980-х.; «Гостиный двор», 1982). Он много думал, просчитывал, проговаривал, зарисовывал для претворения в жизнь этого художественного «проекта». В Муроме его интересовали все арочные перекрытия: проходы под монастырскими надвратными церквями, характерные проемы в презентабельных зданиях на главной улице и в воротах простых домов обывателей. Но воплотить на картинах по этой тревожившей

его теме он успел до Ухода совсем немного. Арка, как видится теперь, была для него больше, чем изобразительный мотив, подсознательно она являлась символом перехода в иное таинственное Пространство. Творческий путь в три десятилетия прервался в пору, когда художник находил и отражал индивидуальным пластическим языком свой особый Мир. Над ним теперь вечно сияет Радуга в небесах над древним городом и рекой — самая чудесная в живописи и жизни замечательного муромского художника Евгения Архиреева⁴¹.

¹ Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963-1966 гг. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.e-reading.org.ua/.../Strugackiii.

² Из беседы автора статьи с художником и священником, о. Николаем Абрамовым. 11.11. 2011 г. Далее в тексте неоднократно идет рассказ со слов о. Николая, как на основе данной беседы, так и более ранних. Благодарю о. Н. Абрамова за то, что он любезно согласился поделиться своими воспоминаниями. Рассказы о. Николая о друге-художнике совпадают с впечатлениями о нем автора. Первое знакомство с Е. П. Архиреевым состоялось в мои школьные годы в «музейном кружке». Позже много общались с 1977 и до самой смерти художника.

³ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. Вариант I. — Рукопись 1990-х — нач. 2000 гг. из личного архива П. Сытника. — Л. 10. Благодарю его за предоставленные материалы о художнике и за беседы о нем.

⁴ Из письма Е. А. Голунковской из Москвы Н. Д. Антоновой в Муром. Рукопись от 17.01.2012 г. из личного архива Н. Д. Антоновой.

⁵ Ярославское художественное училище (ЯХУ) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁶ Хлебов Г. Творческий путь художника // Архиреев Евгений Петрович. Выставка произведений, посвященная 60-летию Советской Армии. Каталог. — Муром, 1978. — С. 1-2.

⁷ Там же. — С. 3.

⁸ Из личных бесед автора с Н. Д. Антоновой нач. 2010-х гг. о работе Е. П. Архиреева во Дворце культуры. Детские впечатления автора о спектакле «Свадьба в Малиновке» совпадают с мнением Н. Д. Антоно-

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

вой. Благодарю ее за большую помощь в моей работе по сбору материала о Е. П. Архирееве.

⁹ Волков А. «Эос» и симфонии огней // Комсомольская искра. — 1969. — 1.01.

¹⁰ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 1.

¹¹ Из беседы автора по телефону с Э. И. Дитяшевой в 2011 г. Благодарю Н. Д. Антонову, познакомившую нас.

¹² Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 11-12.

¹³ См.: Сытник П. Муромские поля (отрывок) // Рондо парящей росы — Здесь моей жизни песня звенела // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.murom.ru/node/2582>.

¹⁴ См.: Муромский рабочий. — 1967. — 24.03.

¹⁵ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 10.

¹⁶ Из неформальной беседы музейных работников, в т. ч. автора статьи, с А. А. Золотаревым вскоре после похорон Е. П. Архиреева в 1986 г.

¹⁷ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 11.

¹⁸ См.: Сухова О. А. Муромский миф о богатыре Илье. История и современность // Уваровские чтения — IV. — Муром, 2003. — С. 12.

¹⁹ Ларина Т. Впервые в области // Муромский рабочий. — 1980. — 25.10. Е. А. (1774-1842) и М. Е. (1803-1849) Черепановы, отец и сын — русские изобретатели и промышленные инженеры, из крепостных Демидовых.

²⁰ Морозов Ю. Новая работа живописцев // Муромский рабочий. — 1982. — 82.03.04.

²¹ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 7.

²² Пудков Д. Художник и время // Муромский рабочий. — 1972. — 9.12.

²³ Хлебов Г. Предисловие к каталогу 27-й городской выставки произведений муромских художников, посвященной 50-летию образования СССР. — Муром, 1972. — С. 12; он же. Предисловие к каталогу городской выставки произведений муромских художников, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. — Муром, 1970. — С. 8.

²⁴ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 5.

²⁵ См.: Каталог выставки произведений художников совместно с самодеятельностью, посвященной 1100-летию города Муром. — Муром, 1962; Каталог выставки работ художников Владимирской области «Юбилею Комсомола посвящается». — Владимир, 1968; Каталог выставки 1970 г.; Каталог выставки 1972 г.; Каталог выставки произведений муромских художников, посвященной 30-летней годовщине Победы советского народа в ВОВ (1941-1945). — Муром, 1975; Каталог 29-й городской выставки произведе-

ний муромских художников. — Муром, 1977; Каталог персональной выставки Е. Архиреева 1978 г.; Каталог 30-й юбилейной выставки (1919-1979) муромских художников. — Муром, 1979; Каталог 31-ой городской выставки произведений муромских художников, посвященной 60-летию образования СССР. — Муром, 1982; Каталог выставки произведений муромских художников, посвященной 40-летию Великой Победы. — Муром, 1985; Каталог персональной выставки Е. П. Архиреева (посмертной). Муром, 1987; Каталог 33-ей городской выставки произведений муромских художников. — Муром, 1988.

²⁶ Выражаю благодарность семье Архиреевых-Мымриных за подготовку материалов о жизни и творчестве Е. П. Архиреева и предоставление обширного иллюстративного комплекса из семейного архива, а также фотофиксацию его работ. На основе этих материалов готовилась статья о художнике для книги в серии «Шел по городу художник» (О. А. Сухова, Ю. М. Смирнов. «Муром в творчестве художников М. К. Левина, Е. П. Архиреева, О. Г. Измаилова»). Издание отложено на неопределенный срок по независящим от нас причинам. На основе подготовленных материалов публикуется настоящая статья. В 2015 году к 80-летию юбилею художника в Муромском музее проходила выставка работ Е. Архиреева из собраний: семьи Архиреевых-Мымриных, Муромского музея, Муромской художественной школы, Е. П. Кротова. Была подготовлена и расширенная — виртуальная версия выставки. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.murom.ru/node/2582> <http://www.museum-murom.ru/evgeniy-arhireev-1935-1986>.

²⁷ Цитирую по: Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. — Л. 4.

²⁸ Хазин Н. Уроки одной выставки // Муромский рабочий. — 1975. — 31.05.

²⁹ Хазин Н. Есть кому целину пахать // Муромский рабочий. — 1979. — 11.12.

³⁰ Хлебков Г. Творческий путь художника.

³¹ Там же. — С. 2.

³² Там же. — С. 1.

³³ Там же. — С. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Сытник П. Мои воспоминания о художнике Е. П. Архирееве. Вариант II. Л. 4-4об.

³⁶ Баранов Н. Заметки о художниках, воспоминания, публикации, репродукции. — Владимир, 2002. — Кн. 2. — С. 112.

О. А. Сухова. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986)

³⁷ Из беседы автора статьи с художником о. Николаем Абрамовым 11.11. 2011 г.

³⁸ См.: Архив СХ СССР. — Д. 2208. — Оп. 1. — Л. 94; Степанов И. Творческий отчет молодых ярославских художников // Северный рабочий. — 1955. — 24 июля.

³⁹ Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал 51/52. Изд. 2003. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo/>.

⁴⁰ Любимцев С. Художники семидесятых // Юный художник. — 1991. — № 1. — С. 1-2.

⁴¹ Одна из работ Е. П. Архиреева с радугой — «Ока. Гроза прошла», 1983 г. — хранится в Муромском музее и опубликована в двух музейных изданиях с упоминанием о художнике. — См.: Сухова О. А. Художественная жизнь Муромца // История Муромца и Муромского края. — Муром, 2001. — С. 421; Муромский музей. Путеводитель. Автор-сост. Т. Б. Купряшина. — М., 2003. — С. 169.

ПЕРВАЯ СЕМЬЯ В. К. ЗВОРЫКИНА

Предлагаемый материал — рассказ о первой жене и дочерях Владимира Козьмича Зворыкина. Источником информации стали переписка с Валентином Сергеевичем Пономаревым, представителем рода Масловских, родственников Татьяны Владимировны Васильевой-Зворыкиной — первой жены Владимира Козьмича, и с Сандрой Кнудсен, внучкой Зворыкина.

В год столетия со дня рождения отца телевидения в Муроме, в Выставочном центре музея, прошло мероприятие, инициированное Почтой России — гашение почтовой карточки с маркой, на которой изображен Владимир Козьмич Зворыкин с иконоскопом. Фотография для карточки была предоставлена Муромским музеем. Процедура гашения проходила одновременно в нескольких городах России.

Вскоре в музей из Вологды позвонил Валентин Сергеевич Пономарев (Ил. 1). Он сообщил, что его жена Людмила Борисовна Маслобойщикова-Пономарева приходится правнучкой Станиславе Сигизмундовне Масловской — сводной сестры Татьяны Васильевой-Зворыкиной, как принято считать в их семье. Сообщил также, что у него хранится фотоархив Станиславы Сигизмундовны, в котором много фотографий Татьяны Зворыкиной и ее дочерей. Это материалы, сохранившиеся от переписки Станиславы и Татьяны. По моей просьбе Валентин Сергеевич прислал фотоальбом с копиями двадцати снимков Татьяны Владимировны и ее дочерей Нины и Елены и четырнадцати — представителей семьи Масловских.

Этой информацией с разрешения владельцев архива

Ил. 1. Семейное фото Масlobойщиковых-Пономаревых. В. С. Пономарев крайний справа

я поделилась с Сандрой Кнудсен, внучкой Владимира Зворыкина и его первой жены Татьяны. Сандра, после смерти своего отца Луи Кнудсена летом 2015 года, является хранителем архива Зворыкиных в США. Она очень заинтересовалась присланным, увидев много неизвестных ей снимков. Я попросила ее прокомментировать записи и фотографии, присланные Валентином Пономаревым. Сведения, полученные от Сандры, дополнили информацию Масловских.

Станислава Масловская-Дмитриева (Ил. 2) или Сталина, как ее называла в своих посланиях Татьяна Васильева, переписывалась с Татьяной много лет в период ее жизни и в России, и в США, вплоть до 1946 года. Но письма не сохранились — в годы репрессий их пришлось уничтожить. Отец Станиславы — Сигизмунд Орестович Масловский (Ил. 3) родился в Варшаве. Дважды был женат. В первом браке у него родилось три

Ил. 2. Станислава Масловская

Ил. 3. Сигизмунд Орестович
Масловский

дочери: Станислава, Мария и Ядвига. Сигизмунд Орестович был военным, в звании полковника. По службе его перевели в Москву. Перебравшись в столицу, он женился во второй раз. В семье Масловских принято считать, что по отцу Станислава и ее родные сестры являются сводными сестрами Татьяны Васильевой-Зворыкиной. Однако Сандра Кнудсен сообщила, что Татьяна Владимировна считала себя единоутробной сестрой Масловских, то есть родной по матери. Поэтому можно предположить, что мать Татьяны, полька по происхождению, была первой женой отца сестер Масловских. Сандра пишет, что родной отец маленькой Тани имел православное имя Владимир и фамилию Васильев. В девичестве мать Татьяны – Лидия – носила фамилию Узеф (Ил.4).

Ил. 4. Лидия Узэф-Васильева. Ил. 5. Таня Васильева. 1907
1880-1890 гг.

Татьяна, единственный ребенок второго брака отца, родилась в Москве 15 (26) января 1894 года, умерла 23 мая 1994, прожив более ста лет. Свое полное она имя писала как Татьяна Владимировна Зворыкина. Друзья называли ее Талочка. Ее отец, как и Сигизмуд Масловский, был полковником царской армии. Татьяна была ребенком, когда умерла ее мать. Поэтому отец поместил дочь в учебное заведение для девочек в Санкт-Петербурге, где она жила круглый год. Таня ненавидела школу из-за царивших там строгих правил. Так, ученицам запрещали завивать волосы. В знак протеста девочка решала эту проблему по-своему: она заплетала волосы в мелкие косички, чтобы они вились. Наказание следовало сразу же. Преподаватели мочили кудри холодной водой, распрямляя волосы. У Масловских сохранилось фото юной Тани Васильевой той поры (Ил. 5). Это

1907 год, ей всего 13 лет, до встречи с Владимиром Зворыкиным (1915) еще целых 8 лет.

От Сандры известно, что Владимир и Татьяна поженились 17 апреля 1916 года. В США Владимир и Татьяна перебрались в 1919 году, раздельно, каждый своим путем. Татьяна покинула Россию на корабле, отплывшем из Одессы, и до переезда в США проживала с друзьями в Германии. 4 сентября 1919 года на пароходе «Оскар II» Татьяна Владимировна отбыла из Копенгагена (Дания) и 14 сентября оказалась в Нью-Йорке. Владимир Козьмич прибыл 1 января 1919 года в порт Нью-Йорка на судне «Кармания», которое отправилось из Ливерпуля (Великобритания) 21 декабря 1918 года. Сандра вспоминает, что встретиться на вечеринке в Нью-Йорке им помогли друзья.

Оба обратились за американским гражданством. В то время Зворыкин работал в Westinghouse, они жили в Суиссвейле, пригороде Питтсбурга, штат Пенсильвания. Владимир получил новое гражданство 16 сентября 1924 года. Татьяна стала гражданкой США 5 марта 1925 года.

В семье Зворыкиных родилось две дочки. Нина родилась 3 июня 1920 года в городе Маунт-Вернон, к северу от Нью-Йорка. В семье ее называли Ниночка. Она училась в Колледж Вассар, в Покипси, штат Нью-Йорк, окончив его в 1942 году со степенью бакалавра по зоологии. Умерла она, к сожалению, очень рано: в декабре 1973 года; ей было всего пятьдесят три. Елена, младшая дочь Зворыкиных, родилась в Питтсбурге, штат Пенсильвания, 1 декабря 1926 года. В семье ее называли Леся или Лесик. В 1948 году она окончила университет Урбана-Шампейн, штат Иллинойс, со степенью бакалавра в области геологии. Она прожила долгую жизнь: Елены не стало в 2011 году.

В начале 30-х годов XX века чета Зворыкиных стала жить

Ил. 6. «Нина и Леся около нашего дома своими аппаратами снимают отца. Декабрь 1934 г.». Надпись на фотографии Т. Зворыкиной

Ил. 7. Нина Зворыкина

врозь, но официальный развод произошел лишь в 1951 году.

Владимир Козьмич жил близ штаб-квартиры RCA (Radio Corporation of America) в Камдене, штат Нью-Джерси. В тридцати километрах от Камдена в живописном местечке на озере Тонтон он построил «дачу», свой загородный дом, которым пользовался до самой смерти. В 1941 году переселился в Принстон, штат Нью-Джерси, чтобы жить ближе к новым штаб-квартире и лабораториям RCA.

Татьяна Владимировна с дочерьми до 1944 года жила в Нью-Йорке, потом переехала в Пасадену, штат Калифорния. В Нью-Йорке они жили в престижном районе Форест Хиллз, расположенном в местечке Квинс на Лонг-Айленде. Местечко

еще с 1910-х годов имело особенную планировку с двухэтажными каменными домами и домами в стиле шале. Здесь обе дочери Зворыкиных окончили школу, сначала начальную, а потом среднюю. Некоторое время Зворыкины жили на улице Кессел, как следует из списка американских адресов Татьяны Владимировны. Именно к нью-йоркскому периоду относятся фотографии, копии которых прислал в Муром В. Пономарев. На фотографиях Нина и Леся запечатлены около своего дома (Ил. 6). На фотографиях Нина одета в пальто (Ил. 7), подобное тому, что и у ее мамы на фото из книги Леонида Парфенова «Зворыкин-Муромец»¹. Не исключено, что это одно и то же пальто.

Зимы 1934-1935 годов были в Нью-Йорке очень снежными, о чем можно судить и по фотографиям, и по надписям к ним, сделанным Татьяной (Ил. 8). Любимым местом прогулок для девочек Зворыкиных были не только улица около дома, но и лесопарк Форест Хиллз. Зимой они играли в снежки, а в теплое время года катались верхом на лошадях (Ил. 9).

В фотоархиве Масловских оказалось много фотографий Нины, старшей дочери Зворыкиных. Она была фотогенична и, похоже, любила фотографироваться. Судя по фотографиям, дочери были очень похожи на мать, унаследовав ее красоту и обаяние (Ил. 10).

Лето Татьяна Владимировна с дочерьми любила проводить на побережье Атлантического океана — на даче в Спринг-Лейк в графстве Монмут, штат Нью-Джерси, около 75-ти миль к югу от Нью-Йорка. На фотографиях можно видеть, как выглядел их загородный дом с террасами-балконами, полосатыми тентами, буйной растительностью (Ил. 11).

Когда началась Вторая мировая война, Татьяна с дочерьми еще жила в Нью-Йорке. В этот период она оказывала помощь

Ил. 8. «Наша улица, Лесик гуляет. Смотри, как нас иногда заносит снегом. Январь 1935 г.». Надпись на фотографии Т. Зворыкиной

Ил. 9. Нина и Лесик на лошадях

Ил. 10. «Дорогой Сталине на память о Зворыкиных. Снято у нас в гостиной. Декабрь 1937 г». Надпись на фотографии Т. Зворыкиной

Ил.14. «Нина на даче. Август 1935 г.» Надпись на фотографии Т. Зворыкиной

семье Станиславы Масловской, регулярно, раз в месяц, отправляя посылки. Присылались консервы, в основном тушенка, шоколад, поношенные одежда и обувь, так как отправлять в СССР новую одежду и обувь из США было запрещено. В 1946 году в доме Станиславы Сигизмундовны был проведен обыск, и переписка прекратилась. В семье Масловских сохранились воспоминания, что с Татьяной Зворыкиной поддерживала связь и другая сестра — Ядвига Сигизмундовна, которая несколько раз еще до войны приезжала погостить в США. О посещениях Ядвиги также знала Сандра Кнудсен из рассказов своей бабушки Татьяны Зворыкиной.

¹ Парфенов Л. Зворыкин-Муромец. – М., 2010. – С. 53.

Научное издание

Сообщения Муромского музея – 2015
(Материалы отчетной конференции)

Под редакцией
Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм

Обложка Е. В. Кулагина

Авт. листов – 10.82
Усл. печ. листов – 19